

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PSlav
685
3(1894.12)

P Slav 685.3 (1894, no. 12)

Harvard College Library

FROM

Amey Richmond Sheldon

Fund

КРЯДЪ

1894

12^е кнуря

ТРУДЪ

ВѢСТНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ

Томъ XXIV

ОКТАБРЬ — ДЕКАБРЬ

1894

Приложеніе къ журналу
„Всемирная Иллюстрація“

1894

P Slav 685.3(1894, no.12)

Servo

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 25-го ноября 1894 г.

Типографія Эдуарда Гопле, Вознесенскій пр. № 53.

ОГЛАВЛЕНИЕ XXIV ТОМА

1) Беллетристика

	Стран.
Вѣрное сердце. Изъ жизни странствующихъ артистов. Повѣсть. А. Е. Зарина	1, 325, 565—604
Скиталица. Очеркъ Н. А. Соловьева-Несмѣлова].	233, 469—499
Клеопатра. Историческій романъ Георга Эберса, гл. XXI—XXV. Переводъ А. Н. Линдегрена	173, 370
Лѣсной барышникъ. Разсказъ изъ финскаго быта. Я. Аренберга, гл. I—	164, 420, 606—668
Жизнь для любви. Новелла Сальваторе Фарина. Съ итальянскаго И. А. Гриневскаго	287, 533—562
Сельскіе разсказы. III. Горшокъ. Дж. Верга. Съ итальян- скаго М. М. Ворецкаго	159
Подвидышъ. Новелла Фернана Кабалъеро. Съ итальян- скаго Ев. О. Уманецъ	45
Славянка. Этюдъ Эдуарда Рода. Съ французскаго М. М. Пушина	139
Маленькій Стоянь. Картинка сельской жизни Янео Веселиновича. Съ сербскаго Н. Н. Филипповъ	88

2) Стихотворенія

Проявленіе безумца. Монологъ изъ трагедіи А. А. Лу- гового	31
Москва, Н. А. Вроцкаго (А. А. Навроцкаго).	268
Эту заповѣдь въ сердцѣ, Д. С. Мережковскаго	44
Никогда! его же	324
Пѣсня солнца, его же	531—532
Въ звѣздную ночь. Импровизація А. А. Коринфскаго. Памяти Крылова. Фантазія въ октавахъ, его же	84 500—503
Чудо. Изъ Г.-Х. Андерсена, В. П. Лебедева	112
Послѣ выздоровленія, С. Д. Дрожжина	157
Лунатикъ. Е. М. Фофанова	285
Изъ Омара Хайяма. Съ персидск. П. Э. Порфирова	340
Вихорь, М. А. Лохвицкой!	368
Покинутая, его же	563—564
На мотивъ изъ Гервега, А. В. Круглова	605

Sheldon Ed.

3) Науки, искусства, критика, библиография

	Стр.
Вѣкъ электричества. Изъ рѣчи Маскара. Статья М. А. Орлова	35
Дѣйствіе свѣта на микроорганизмы. По Маршалю Уарду. Очеркъ М. А. Орлова	274
Въ царствѣ косы. Разказы стараго китайца. М. фонъ-Брандта. Съ нѣмецкаго Д. А. Коропчевскій 113, 342, 504—530	504—530
Изъ жизни Крылова. Анекдотическая хроника. Собралъ М. И. Цыплевъ	674—685
Отецъ русскаго романа. По поводу юбилея И. И. Даженикова. Статья П. Н. Краснова	196
Осенніе беллетристы. I. В. Л. Короленко. Очеркъ П. Н. Краснова	439
Звѣри басенъ Крылова. Критическая фантазія П. Н. Краснова	669—673
За границей. Новости науки, искусства, литературы и общественной жизни. Обзорѣнія М. А. Орлова 208, 448, 686—702	208, 448, 686—702
Новыя книги: Отовсюду. Пересказы и переводы для юношества, Н. А. Борисова. Рец. Н. А. Зимченко (230). — Пѣсни родины. Стихотворенія И. С. Ивина. Рец. П. Н. Б-ва (232). — Слобожане. Малороссійскіе разказы Г. П. Данилевскаго. Рец. П. Н. Краснова (467). — Стихотворенія А. М. Федорова. Рец. А. А. К-скаго (467). — Стихотворенія Л. Н. Трефолева. Рец. А. А. К-скаго (705).	
Научныя новости: Разновидности растительнаго хлорофила. — Количество теплоты, получаемой отъ солнца. — Будущій научно-экономическій прогрессъ человѣчества. — Причины самовоспламененія угля въ вуцахъ. — Ядъ змѣи кобры (№ 10). — Расширеніе алюминіеваго производства. — Противоядіе при отравленіи грибами. — Оживленіе пораженныхъ электричествомъ. — Электрокультура. — Распространеніе члехоточной заразы вагонами. — Рѣдчайшій примѣръ долголѣтія (№ 11). — Драгоценное растеніе. — Сахарское море. — Умный слонъ. — Осеннее паденіе древесныхъ листьевъ. — Измельчаніе европейскаго населенія. — Новыя наблюденія надъ дальтонизмомъ. (№ 12).	

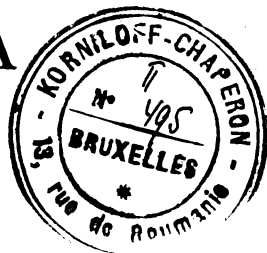

СКИТАЛИЦА

ОЧЕРКЪ

Н. А. Соловьева-Несмѣлова

(окончаніе)

Уходила слезливая осень; на смѣну ей являлась холодная зима. Пришелъ хмурый ноябрь; заковалъ землю морозъ; пушилъ снѣжокъ. Была суббота. Полдень. Выбѣжали ребятишки веселой гурьбой изъ большой избы и, прыгая съ крыльца, въ перебой кричали:

— Прощай, тетенька!.. Будь здорова, ласковая!.. Послѣ обѣда приходишь?..

— Какъ же, какъ же, ребятки!.. являйтесь!..

— То-то!.. мы придемъ... до вечерень посидимъ!..

— Приходите, займемся... рада васъ видѣть! — провожая ребятъ, ласково говорила молодая дѣвушка. — Палаша, не упади! — обратилась она къ дѣвочкѣ-малюткѣ въ синемъ шугайчикѣ, въ большихъ сапогахъ, осторожно сползавшей съ верхней ступеньки низенькаго крыльца, покрывшагося тонкимъ ледкомъ.

— Не бойся, тетенька! — проговорила успокоительно Палаша, повернувъ головку къ стоявшей наверху молодой дѣвушкѣ и спускаясь со второй ступеньки. Клѣтчатый платокъ сплъзъ ей на лицо, такъ что виденъ былъ только ея острый птичій носъ и свѣтились два черныхъ глаза,

большой сапогъ скользнулъ по третьей ступенькѣ, и дѣвчурка кубаремъ скатилась на мерзлую землю, налетѣвъ на бойкаго паренъка; паренѣкъ схватилъ ее за плечо и поднялъ, крикнувъ звонко:

— Ай, дѣвка, ловко!.. птицей спорхнула!..

Марья Павловна — это была она — живо сошла съ крыльца и, отряхая Палашу, участливо спросила:

— Ушиблась, голубка?..

— Нѣѣту! — протянула малютка, сдерживая слезы.

— Что, родная, ребятокъ провожаете? — раздался надъ ухомъ Марьи Павловны мягкій грудной голосъ.

— Батюшка, здравствуйте! — оглянувшись, поздоровалась Марья Павловна съ осанистымъ пожилымъ человѣкомъ въ широкомъ бѣлицемъ тулупчикѣ и высокой порыжѣлой выхухоловой шапкѣ.

— Благослови васъ Богъ!.. Ребятенки-то рвутся въ школу... полюбили васъ и науку... не даютъ вамъ отдыха... Слышу и въ субботній день норовятъ прибѣжать послѣ обѣда...

— Хорошій это народъ, батюшка!..

— Для хорошаго человѣка, родная, всѣ хороши, а тѣмъ болѣе дѣти!.. Вы хорошій человѣкъ — награди васъ Богъ! — сказалъ тепло о. Ефимъ и ровной походкой пошелъ позади ребятъ.

Два — три мальчугана, повернувъ головы назадъ, сняли шапки. О. Ефимъ махнулъ рукой, сказавъ громко: »Не надо, не надо... холодно теперь!..« Ребята, услышавъ его голосъ, бросились къ нему безъ шапокъ; онъ снова повторилъ мягко: »Надѣньте шапки!..« Ребята надѣли шапки и окружили о. Ефима. Палаша, еле передвигая ноги и видя, что не догнать ей о. Ефима съ ребятами, плаксиво крикнула: — баатюшкаа!.. О. Ефимъ повернулъ назадъ и пошелъ на встрѣчу ей; ребятки побѣжали за нимъ.

— Ты чтó, чтó плачешь?.. — обратился о. Ефимъ къ дѣвчуркѣ.

- Тебя захотѣлось повидать!..
- Мать что дѣлаешь?..
- Лежить мамка-то на печи...
- Какъ лежить... больна?..
- Съ утра лежить... знобить ее...
- Ну, идемъ къ вамъ... я посмотрю на нее... надо помочь ей...

О. Ефимъ взялъ дѣвочку за руку, и они повернули къ рѣкѣ. Ребятишки скоро разбрелись по избамъ; скрылся за воротами низенькой избенки, у самой рѣки, и о. Ефимъ съ Палашей.

По широкой улицѣ села Меркушей, по мерзлой кочковатой дорогѣ, скрипя, тащился возъ съ хворостомъ; на возу сидѣла Катерина. Она издали замѣтила Марью Павловну, стоящую на крыльцѣ, любовавшуюся на весело падавшій снѣжокъ, и громко крикнула:

- Марьюшка, что задумалась?.. аль притомилась?..
- Катеринушка, откуда?..
- Изъ лѣсу, милая, изъ лѣсу... вотъ часомъ пополощу бѣлье на рѣкѣ и къ тебѣ!..
- Буду ждать...
- Онъ придетъ!.. Ну, лошадушка, ну! — крикнула она на карюю лошадь, которую на минуту придержала во время разговора съ Марьей Павловной; возъ съ хворостомъ вскорѣ исчезъ.

Тихо на меркушевскихъ улицахъ — не видать никого, часъ такой, всё въ селѣ обѣдаютъ. Гулко хлопаетъ валежъ на обледенѣлыхъ мосткахъ подъ рукою Катерины; проворно вытаскиваетъ она изъ старой плетушки разъ уже переполосканное бѣлье, снова полощетъ его, отжимаетъ, колотить и снова кладетъ въ плетушку, а глазами зорко окидываетъ большую рѣку, по краямъ покрывшуюся твердымъ ледкомъ. Она замѣтила, что невдалекѣ какой-то мальчонка съ кускомъ хлѣба бродитъ по берегу. Колотить Катерина бѣлье, нѣтъ — нѣтъ да взглянетъ на мальчонку. —

Ой, набѣдить онъ! — вырвалось у нея изъ груди. Мальчоночка спустился съ берега къ рѣкѣ, посмотрѣлъ, соблазнилъ его ледокъ: »Хорошъ!..« не устоять, нельзя не прокатиться!.. Катерина положила валекъ, устремила пристальный взоръ на мальчоночку. Мальчоночка порснулъ по льду, ледокъ хрустнулъ, только шапочка осталась наверху. Духъ занялся у Катерины; сажень пятьдесятъ пролетѣла она стрѣлой берегомъ и ринулась въ воду. Мальчоночка въ это время какъ разъ выплылъ, барахтаясь, на поверхность. Катерина схватила его и вытащила на берегъ. — У-у какой!.. скорѣе иди домой... обогрѣйся!.. и пошла къ бѣлью. Сильнѣе, громче застучалъ валекъ; разгорѣлось лицо у Катерины; черезъ полчаса она вскинула плетушку на плечо и своимъ привычнымъ скорымъ шагомъ ушла съ рѣки.

Прошелъ часъ; ребятенки бѣжали къ большой избѣ съ бѣлой вывѣской »Школа«; туда же прошла и Катерина. Низенькая дверь тяжело хлопала за вбѣгавшими ребятами; изъ-за перегородки въ большую избу съ тремя длинными столами вышла Марья Павловна. Человѣкъ двадцать мальчиковъ и дѣвочекъ шумно усѣлись за столы.

— Пѣть будемъ, тетя?.. — раздались голоса.

— Будемъ пѣть! — отвѣтила Марья Павловна.

И звучнымъ голосомъ она запѣла любимую пѣсню дѣтей:

»...Румяной зарею покрылся востокъ; въ селѣ, за рѣкою, потухъ огонекъ!..«

Катерина сидѣла въ углу, на лавкѣ; глаза у этого большого ребенка вдругъ стали грустныя; ребята звучно подтянули тетенькѣ, продолжая пѣсню:

»...Росой окропились цвѣты на поляхъ; стада пробудились на мягкихъ лугахъ!..«

Дѣтскіе голоса пріятно звенѣли и слились въ общій хоръ; пѣсня разлилась широко:

»...Сѣдые туманы плывутъ къ облакамъ; гусей кара-

ваны несутся къ лугамъ. Проснулись, люди спѣшать на поля. Явилось солнце, ликуеть земля!»

Пѣніе это Катерина слушала съ умиленіемъ. Пѣсня пропѣта; начались обычныя занятія. Катерина не уходила. Въ живомъ дѣлѣ часъ прошелъ незамѣтно. Ударили въ большой колоколъ къ вечернѣ; ребятишки снова высыпали изъ школы. Катерина сидѣла какъ заколдованная, и, когда она очнулась, глаза ея свѣтились по дѣтски. Въ избѣ было тихо.

— Хорошо у тебя, Марьюшка!! душа не нарадуется!.. Прощай!.. Онъ пошелъ въ оградку! — сказала Катерина, поднимаясь съ лавки.

— Прощай, Катеринушка! заходи!..

— Зайду, Марьюшка, зайду!.. Ты мой человекъ!..

На призывный звонъ колокола къ деревянной бѣлой церкви шли старики, старушки и пожилой народъ. Катерина обогнала многихъ; на паперти она дала старушкѣ мѣдный пятакъ, сказавъ:—подай на свѣчку!—сунула въ руку, не глядя, слѣпенькому старику двѣ кофѣйки и прошла оградой за алтарь, тамъ опустилась на колѣни у маленькаго курганчика-насыпи, устремила взоръ на востокъ и тихо заговорила:—Дитя Божіе, младенецъ Василій, ангельская душа!.. ангеломъ жилъ, ангеломъ ушелъ, помяни Катерину, помяни ея матушку родимую, помяни раба Прокофья! — прошептала Катерина свою молитву и молча стояла съ полчаса, потомъ опустила голову къ могилѣ, припала лицомъ къ ней, подняла голову, провела рукой по могилкѣ, точно гладила ее, взяла небольшой комочекъ глины и положила его за пазуху: »Легче мнѣ, Васенька, отъ земли съ твоей могилки!.. Занеетъ ино время сердце, вотъ какъ нынче утромъ, ощупаю — нѣтъ твоей землицы, не помянулъ ты, видно, Катерины ангельской душой!.. положу ея комочекъ и опять легко... помяни!..« — прошептала она снова и скрылась.

Катерина вышла на площадь, скоро прошла ее и вошла въ палисадникъ, окружавшій деревянный домъ подъ

желѣзной крышей въ три окна по фасаду. Она оглядѣла всѣ деревья въ этомъ палисадникѣ — ихъ было немного: три акаціи, двѣ сирени, кустъ бузины, липа, черемуха, и дубки по угламъ противъ переднихъ оконъ; а съ другой стороны: двѣ березки, серебристый тополь, рябина и кусты шиповника — противъ трехъ боковыхъ оконъ. Осмотрѣла Катерина безлиственные деревья и кусты, взяла метелку изъ угла и принялась выметать снѣжокъ въ палисадникѣ. Вскорѣ ее окликнулъ мягкій голосъ:

— Помогай Богъ, Катеринушка!

— Спасибо, батюшка!

О. Ефимъ прошелъ мимо палисадника въ низенькую калитку. Онъ подошелъ къ высокому крылечку, гдѣ ждалъ его мужикъ.

— Что скажешь, Митричъ?

Мужикъ водилъ рукой по горлу и, задыхаясь, проговорилъ:

— Лекарствица бы, батюшка... удушье одолѣло... давить вотъ тутъ... не продохнуть!..

— Дамъ, дамъ... иди вонъ въ ту избу! — онъ указалъ направо, — тамъ есть одинъ немощный... сейчасъ приду, облегчу твою болѣзнь...

О. Ефимъ прошелъ въ сѣнцы, повернулъ влѣво, снимая на ходу теплую сѣрую рясу, вошелъ въ маленькую переднюю и вскорѣ оттуда вышелъ. Черезъ двѣ—три минуты онъ былъ уже въ той избѣ, куда послалъ мужика.

— Раскрой ротъ, я осмотрю, что у тебя въ горлѣ... Видно пилъ холодную воду... застудилъ горло...

— Да, подлинно... пилъ, батюшка... на молотѣѣ пилъ... потянуло къ питью-то... съ ледкомъ малость испилъ...

— То-то и горе наше... потянуло... неоглядиво вышло!..

О. Ефимъ смазалъ Митричу гортань растворомъ ляписа, подошелъ къ полкѣ, снялъ оттуда одинъ мѣшочекъ изъ ряда мѣшковъ и мѣшочковъ, захватилъ въ горсть мяты и сказалъ:

— На вотъ... вели твоей Агаеѣ обварить кипяткомъ и пей... еще, какъ придешь, намочи тряпку, отожди ее крѣпче и обмотай ей горло, повяжи платкомъ... согрѣется тряпка, снова мочи въ холодной водѣ и клади... завтра утромъ опять зайди ко мнѣ...

— Спасибо, батюшка, приду! — сказалъ мужикъ, кланяясь низко.

О. Ефимъ махнулъ рукой, подошелъ къ кровати, гдѣ лежалъ, тяжело дыша, пришлый пожилой мужикъ, и спросилъ его:

— Лексѣичъ, ставила тебѣ Катерина банки?..

— Ставила, баатюшка, ставила! — тяжело вздохнувъ, тоскливо протянулъ Алексѣичъ.

— Что же чувствуешь облегченіе?..

— Чуу-точ-ку!..

— Ишь ты, горюнь, какъ грудь-то застудилъ!.. дай-ка я еще ее огляжу! И онъ склонился надъ »горюномъ«.

— Поопить бы! — простоналъ мужикъ.

О. Ефимъ поднесъ ему кружку съ клюквеннымъ морсомъ, приподнялъ его голову, сказавъ:

— Пей на здорье!

— Спаасибо! — хлебнувъ жадно, отвѣтилъ Алексѣичъ.

Надъ нимъ низко наклонился »батюшка« и грустнымъ взоромъ осматривалъ насѣчки банокъ, тихо шепча про себя:

— Умѣло!.. умѣло! Хорошо!

— Сейчасъ я тебѣ пластырь положу! — сказалъ онъ вслухъ, положилъ пластырь, намочилъ полотенце скапидаромъ, повѣсилъ его надъ изголовьемъ, перевернулъ больного и добавилъ: — Подыши хорошенько... скапидаръ-то облегчитъ тебя... Я найду попозднѣе, теперь пришлю къ тебѣ Катерину...

Алексѣичъ поблагодарилъ его только взглядомъ; онъ трудно дышалъ.

Катерина была уже во дворѣ и рубила дрова.

— Катеринушка, послушай-ка! — обратился къ ней о. Ефимъ, — присмотри за Лексѣичемъ... посиди у него!..

— Доколою дровишки-то... немного ихъ тутъ... пригляжу... Иди себѣ, отецъ, съ Богомъ!..

О. Ефимъ своей неспѣшной походкой прошелъ подъ навѣсомъ сарая и огородомъ дошелъ до стоявшей тамъ избы у лѣваго плетня. Это была рабочая его изба, гдѣ онъ проводилъ большую часть своего времени въ работахъ разнаго рода: тамъ онъ стругалъ, точилъ, слесарничалъ, тамъ онъ и спалъ; туда появлялись къ нему только изрѣдка по дѣламъ его семейные и Катерина. Придя въ избу, о. Ефимъ переодѣлся въ рабочее платье и принялся стругать доски на запасныя кровати для новыхъ больныхъ. Пришлыхъ изъ разныхъ деревень серьезныхъ больныхъ онъ оставлялъ у себя, своихъ же меркушевскихъ лечилъ по ихъ избамъ. Близилась зима, — простудные больные, онъ зналъ, въ это время года являлись часто къ нему за помощью.

Стругаетъ о. Ефимъ твердою рукою. Хорошее у него лицо—открытое, ясное; большой лобъ съ малою залысиной; свѣтлая улыбка въ голубыхъ, казалось, прозрачныхъ какъ хрусталь глазахъ; на головѣ и бородѣ золотистые волосы съ легкимъ серебромъ. Это былъ бодрый старикъ безъ старости, проводившій все дни въ трудѣ. Онъ вездѣ трудился—въ отдѣльной рабочей избѣ какъ любой токарь, плотникъ, слесарь; въ избѣ для больныхъ какъ врачъ; въ своей свѣтлой горенкѣ какъ отецъ большого семейства; въ полѣ какъ хорошій крестьянинъ; въ храмѣ, на улицѣ, при встрѣчѣ съ первымъ попавшимся ему на глаза какъ добрый пастырь, душевный учитель. Его спокойный, ласковый, изъ груди выходящій, голосъ западалъ въ сердце и ребенка, и старика, и простой бабы, и нарядной барыни. Онъ со всеми говорилъ одинаково—просто, сжато, образно, и поученія его, обращенныя съ амвона къ меркушевцамъ, были кратки и полны жизненныхъ примѣровъ.

Смерклось. Пала морозная мгла. Замелькали огни по селу. Наступала ночь. На огородѣ о. Ефима въ полутьмѣ

что-то мелькало въ быстромъ движеніи. Дверь въ рабочую избу скрипнула; вошла Катерина; о. Ефимъ повернулъ голову.

— Отецъ, привезли слабую, »тяжелую«, гдѣ ее положить?..

— Затопи баню... скажи матери, чтобы скорѣе прошла, оглядѣла... Откуда?

— Изъ Алепкиной деревни... Сгибневы!.. Чудной народъ!.. Самъ-отъ Сгибневъ суетъ мнѣ рупь... »Отдай«, говорить, »батюшкѣ«... Чудной!..

— Скажи ему: о. Ефимъ не лекаръ, лечитъ онъ лекарствами непокупными—травами... онѣ для всѣхъ растутъ... ему носить ихъ безденежно... сребра чужого о. Ефиму не надобно... Ему Богъ далъ руки и трудъ послалъ... Сгибневъ работаетъ въ тѣхъ поляхъ, гдѣ и о. Ефимъ трудится. Мы равны съ нимъ въ трудѣ...—сказалъ онъ, снова повернулъ къ верстаку голову, и стружокъ за стружкомъ летѣлъ на полъ.

Пошелъ дымокъ изъ трубы низенькой бани; замигалъ тамъ огонекъ; прошла туда матушка, бѣжала проворно старшая дочь батюшки, Глашенька.

— Захватила, милая, полотенчико?..

— Взяла, несу, Катеринушка!..

— Что у тебя голосъ-то смутный, умница?.. Не бойся, все слава Богу!.. Куда, куда полѣзь, карій!.. али корму нѣтъ?.. Онъ сейчасъ тебѣ бросить! И, обхвативъ за шею караго, Катерина повела его обратно въ ворота.

Пропала мгла; морозило. Ясно свѣтили звѣздочки съ далекаго неба. Крѣпко спали въ теплыхъ избахъ меркушевы, спали и въ горенкахъ попа Ефима »страннаго«. Время отъ времени лишь слышался стонъ въ избѣ больныхъ, гдѣ метался, говорилъ въ бреду что-то несвязное горюнь-Алексѣичъ. У его кровати на полу сидѣла Катерина, сидѣла, слѣдила—не надо ли дать клюквеннаго морсу больному, чтобы утолил онъ безпокойную жажду, ума-

лил жаръ въ потрескавшихся воспаленныхъ губахъ, въ иссохшемъ терпкомъ языкѣ, не надо ли переложить больного, поправить опавшую подушку, поднять выше голову. О. Ефимъ сказалъ: »Слѣди!« »Ненадеженъ, видно, Алексѣичъ!« думаетъ Катерина и слѣдить... Охаетъ въ теплой банѣ Марѣа Сгибнева... Страшный стонъ, крикъ, дѣтскій плачь—и матушка приняла въ мѣръ младенца—человѣка новаго... Рада мать, рада матушка...

Далеко за полночь. Морозъ потрескиваетъ, слышны порохи, словно кто невидимо ходитъ кругомъ избѣ ощупью, подходитъ къ темнымъ окнамъ, припадаетъ къ маленькимъ слѣповатымъ стекламъ, заглядываетъ, хочетъ узнать, гдѣ сладко спать счастливые, гдѣ тревожно мечутся горюны горькіе. Спитъ все село, не видно нигдѣ огней. Не спитъ о. Ефимъ, сидитъ при двухъ свѣчахъ въ рабочей избѣ, у длиннаго бѣлаго стола, заложенаго бумагами, книгами; большая голова опущена, дымчатые очки въ массивной серебряной оправѣ сползли на носъ почти до самыхъ ноздрей; онъ внимательно перелистываетъ свои лечебники, обдумываетъ: нельзя ли чѣмъ еще помочь горюну-Алексѣичу... »Слабъ горюнь—уйдетъ!«.. Пересматривалъ, перечитывалъ о. Ефимъ разные травники, книги поданія помощи при всякихъ случаяхъ и духомъ палъ; обратилъ грустные очи въ передній уголь, къ лику Распятаго въ терновомъ вѣнцѣ, и пронесся ясный шепотъ по всей избѣ:—Христось! слабъ служитель Твой, немощень... въ безсилъе впалъ... Ты видишь, Ты знаешь лучше Ефима, раба Твоего, что у горюна большая семья и ему еще жить надобно!.. Твори волю Твою! Протянулъ онъ руку къ евангелію и ушелъ всѣми мыслями въ книгу-книгъ, всегда облегчавшую его наболѣвшее сердце. Читалъ онъ часъ—два... Глубока вѣра о. Ефима—воспрянулъ онъ духомъ, миръ въ душѣ его!..

— Встанетъ горюнь!—сказалъ твердо съ полной вѣрою о. Ефимъ, —чувствую сердцемъ моимъ—уврачевалъ его самъ Врачъ врачей—Христось!—и закрылъ евангеліе.

Шель мѣсяць за мѣсяцомъ—кануль въ вѣчность невидимо и годъ. Тихо, скромно, безъ суетливой толкотни, безъ шумливой погони въ крикливыхъ поискахъ за славой и деньгами шла простая жизнь трудолюбивыхъ людей—о. Ефима, Катерины и Марьи Павловны, ушедшей въ незамѣтное, негромкое, но значительное школьное дѣло. Барышня Марья Павловна, рано огорченная скучной, потрепанной временемъ и довольствомъ »за счетъ« мужика, дворянской жизнью, сблизилась съ семьей батюшки, привязалась душой къ матушкѣ и къ ея скромнымъ дочкамъ-поповнамъ въ простенькихъ ситцевыхъ платьяхъ, въ платочкахъ, робкимъ, застѣнчивымъ, но постоянно трудящимся, отъ природы умнымъ дѣвушкамъ. Она стала лицомъ къ лицу къ простому народу и при слабостяхъ его увидѣла въ немъ великую мощь беззлобїя, всепрощенїя челоуѣку челоуѣческихъ слабостей, при внѣшней грязи чистоту душевную, при талантливости самородной поразительную скромность и добродушный юморъ надъ своими природными способностями, граничащїй съ полнымъ отрицанїемъ ихъ, при темнотѣ, суевѣрїи, невѣжествѣ непокрытомъ ясность простого здраваго ума, деликатную сердечную теплоту, нигдѣ не говорящую о себѣ, робко прячущуюся за спину другого,—узнала близко Марья Павловна народъ на дѣлѣ и дѣломъ и полюбила его ни начитанной любовью по »умнымъ«, »хорошимъ« книжкамъ о народѣ, умственно, полюбила его дѣятельнымъ, живымъ, горячимъ сердцемъ. Время шло да шло, дѣлало свое дѣло, удаляя изъ души »сумятливой« барышни все прежнее наносное и наполняя эту душу привязанностью къ »чумазымъ«, неряшливымъ, но сердечнымъ крестьянскимъ ребятишкамъ. Грусть стала являться къ ней рѣже и рѣже, она сдѣлалась болѣе подвижной, веселой и днями даже восторженной и очень разговорчивой, расположенной къ шутливости и безпредметному дѣтскому смѣху.

Время не оставляло въ спокойномъ плесѣ и устойчи-

вую, дѣятельную Катерину; къ концу года она какъ-то смолкла и дѣлала всякое дѣло не спѣшно, какъ-то напряженно, сосредоточенно, задумчиво, часто убѣгала въ лѣсъ, часто подолгу оглядывала кругомъ небо днемъ и ночами, точно перелетная птица, собиравшаяся въ отлетъ съ дальняго сѣвера на заманчивый теплый югъ, и, наконецъ, затосковала и каждый день ходила на могилку »ангелочка Васеньки«. Оканчивался августъ, кончалась и уборка полей, спала съ крестьянскихъ плечъ тяжелая »страдная« пора, возили хлѣбъ съ полей. Въ одно такое утро, когда на меркушевскихъ улицахъ, тягуче поскрипывая, медленно тянулись высокіе возы съ сотнями тяжелыхъ сноповъ, вошла въ рабочую избу о. Ефима Катерина со своимъ мѣшкомъ на спинѣ.

— Прощай, отецъ, онъ пошелъ!—бодро сказала она.

— Благословить Богъ путь твой, Катерина!.. Господь съ тобой!..

Дверь затворилась; Катерина исчезла какъ тѣнь. О. Ефимъ обратилъ очи къ Распятому, вдумчиво молвилъ:

— Храни ее, Христосъ!.. и сталь за токарный станокъ.

Такъ какъ наступала осень, по селамъ и деревнямъ начинали стричь овецъ, въ это время Катерина нерѣдко бродила по разнымъ мѣстамъ, то друзья ея меркушевскіе спокойно и рѣшили: »Катеринушка пошла шерстку бить!..«. Съ юныхъ лѣтъ она скиталица, »такъ ужъ, значить, положено ей, на роду написано, скитаться до гробовой доски, ну, и скитается, свой предѣлъ выполняетъ«, говорили не разъ о ней простые люди, знавшіе ее.

Въ русскихъ людяхъ этого живучаго типа, выходцахъ изъ всѣхъ сословій, лежитъ какое-то настойчивое стремленіе къ скитанію, къ поискамъ новыхъ дѣлъ, новыхъ подвиговъ,—такихъ людей постоянно тянетъ въ новыя мѣста, душа ихъ часто переполняется жаждой борьбы, даже страданій. Эта типичная черта ярко проходитъ по всей исторіи въ разныхъ русскихъ герояхъ и героиняхъ—извѣст-

ныхъ и оставшихся неизвѣстными, уходившихъ изъ пространства и тепла въ далекія холодныя окраины — »чужины«, невѣдомыя земли, въ »тѣсноту« и »нужу« — на страданье... Говоря короче, это вѣчное исканіе отъ дѣла дѣла, переходъ отъ страданья къ страданью. Это порыванье живой природы къ неизвѣданному, неизжитому — явленіе психологическое, роковое, говорящее, быть можетъ, о юности русскаго человѣка, прожившаго хотя и болѣе тысячи лѣтъ своеобразной исторической жизни — частью горькой, частью »сумятливой«, частью мѣшковатой, кровью, трудомъ, лишениями и потомъ отвоевавшаго свою широкую Русь съ ея холодными и жаркими въ одно и то же время мѣстами, съ степями неоглядными, съ лѣсами безконечными, съ горами въ ледяныхъ шапкахъ подъ палящимъ въ ихъ долинахъ солнцемъ, съ разнообразными богатствами природы, разработать которыя и при стамильонномъ населеніи все еще не хватаетъ рукъ, гдѣ разбивается энергія въ трудѣ и энергичныхъ людей, какъ удары рукой о гранитный утесъ. Русскій человѣкъ все еще остается загадкой для кичливаго иностранца со всей его европейской культурой и мудрой старостью...

Жизнь и время идутъ въ своемъ теченіи безостановочно: молодое растеть, старое старится, одно умираетъ, другое нараждается, страданья созданій Божьихъ затихаютъ, клокочуть и вновь замираютъ, льются слезы, осушаются минутными радостями, попавшіе въ волны бурь борются и ждуть затишья, томящіеся затишьемъ ищутъ бурь, жаждутъ помѣриться съ ними силами... Все такъ шло и идетъ отъ вѣка. Измѣнчиво время, измѣнчива жизнь лишь во внѣшнемъ движеніи — разбило грозой старый дубъ, растеть вблизи его внукъ, сильный молодой дубокъ, проводили торжественно, съ сотнями вѣнковъ, съ захватывающимъ душу клирнымъ пѣніемъ, въ селеніе упокоившихся выдающагося человѣка, выступаетъ на томъ же дѣлѣ другой энергичный, выдающійся человѣкъ и такъ во всемъ въ

жизни и природѣ совершается поступательно-неуклонно, — основы, законы и суть сути вѣчны...

Прошла осень, настала зима и тоже прошла. Затерянное въ массѣ селъ и деревень село Меркуши жило своей жизнью, какъ и въ прошломъ году, въ своей долинтѣ среди невысокихъ горъ, малыхъ холмовъ и пригорковъ. О. Ефимъ дѣлалъ свое дѣло, какъ дѣлалъ его ужъ больше четверти вѣка. Марья Павловна учила ребятъ и теперь, какъ прошлой осенью и зимой, ровно, спокойно, съ любовью молодой искренней души. Катерина не являлась въ Меркуши. Весной заговорили по городамъ о сербскомъ восстаніи; ринулись многіе русскіе на помощь братьямъ-славянамъ. Прошло это движеніе и въ глубь Россіи; говорили о братьяхъ-сербамъ и въ Меркушахъ. Марья Павловна сообщила мелькомъ о. Ефиму, что Алексѣй Сергѣевичъ Верховскій, какъ писала ей сестра, тоже уѣхалъ въ дѣйствующій отрядъ къ генералу Черняеву, въ Сербію. О. Ефимъ сказалъ ей коротко: »Такъ, видно, Богу угодно!« — и посмотрѣлъ долгимъ взоромъ прямо въ глаза Марьѣ Павловнѣ. Поговорили нѣ разъ о сербскихъ дѣлахъ, а жизнь и все въ природѣ, окружающей этихъ людей, тянулось своимъ чередомъ; пахали, бороили, сѣяли, радовались на хорошіе всходы хлѣбовъ, на колось наливной, — глядь и лѣто подошло, явилась страдная пора, а война горѣла — братья бились, кровь лилась...

Въ Сербіи, въ одномъ изъ госпиталей, у тяжело раненыхъ сидѣла и душевный другъ меркушевцевъ — Катерина. Тамъ прошла тоска ея. Эта живая душа какъ-то настойчиво рвалась въ мѣста страданья — тамъ была ширь ея сильному духу; тамъ было особенно нужно ея сердечное слово утѣшенія при проводахъ уходившихъ въ дальній послѣдній путь, никому нежелательный и мало извѣстный.

Глубокіе снѣга занесли село Меркуши. Было далеко за полдень, уже сумракъ выдвигался изъ-за горъ, но еще

молочныя волны плавали надъ долиной и обвалакивали бѣлымъ покровомъ и ближній лѣсокъ, и темную ухабистую дорогу, и сѣрыя избушки и избенки Меркушей, и тихую деревянную церковь, и широкую, закованную льдомъ, рѣку Большой Чардымъ; небо повисло словно огромная бѣлесоватая чаша; воздухъ былъ холоденъ, но мягокъ. На улицахъ, царил тишь; за шеолою съ высоко взметанной ледяной горы вихремъ неслись ребяташки на лыжахъ, ледяникахъ, салазкахъ.

— Эй, Кузятка, шире дорогу!..

— Ой, парень, важно свернуть!.. повалился... пицить, что галчонокъ!..

— Не ори, Васятка!.. ишь и самъ-отъ скатился кўбаремъ въ яму!..

— Э-эйхъ!.. сторонись, братцы!.. Поднялись и дѣйству!.. Гора-то для всѣхъ, словно мать, родная... что огрызаться...

— Пустите, ребята, дѣвоньку-то, дѣвоньку!.. ишь какъ она ловко выѣхала!.. Вздерни, синица, носъ-то у лыжи!.. Держи прямѣй!.. Кати смѣлѣй, Палаша!

И катать ребята съ шумомъ, гономъ, весельемъ — все забыто: кто упалъ — поднялся, кто зашибся — не плачетъ... Въ сторонѣ стоитъ серьезный, задумчивый о. Ефимъ — смотреть. Любо и ему, постоянно занятому, взглянуть на ходу, въ свободную минуту, на простыя забавы, живую удалъ и въ заботливой жизни беззаботныхъ ребятъ. Онъ этимъ путемъ возвращался въ предусмотренный часъ отъ слабаго больного, котораго ходилъ напутствовать, и остановился у ребячей горы, впалъ въ раздумье. »Да счастливы дѣти... какъ немного имъ надо, чтобы они были веселы!..« думалъ онъ.

— Батюшка, здравствуй! — хоромъ крикнули ребята, увидѣвъ его, и бросились къ нему.

— Играйте себѣ, играйте!.. вѣдь вы нынче потрудились въ школѣ, можете и отдохнуть!.. Въ играхъ вы крѣпните, набираетесь силъ!.. Что у тебя губа-то въ крови, Вася?..

— Да кувырнулся... Веревка-то у ледянки, знаешь, гнилая... припустилъ съ горы-то, она и порвалась... ну, и расквасилъ носъ-то... утерся рукавомъ, губу-то малость и замазалъ...

— Ты бы веревочку-то новенькую приладилъ... Ишь, голубь, недогадливъ!..

— Да новенькой-то нѣту, батюшка!..

— Забѣги вечеркомъ... я тебѣ дамъ хорошую веревку...

— Спасибо!.. добѣгу до тебя...

— А что Марья Павловна, »учительша«, здорова?..

— Глянь въ окно!.. ишь книжку читаетъ!..—махнулъ рукой на угловое окно зоркій паренѣкъ въ большой рваной шапкѣ, наползшей ему на уши и почти что на глаза.

— Ну, играйте!.. Я зайду къ ней на минутку... провѣдаю!..

Ребятишки, какъ галчата, облѣпили снѣжную гору; раздались крики, смѣхъ, веселые голоса, съ визгомъ летѣли лыжи, салазки... О. Ефимъ скрылся въ дверяхъ школы.

— Что, голубушка Марья Павловна, задумчивы?—входя въ полусвѣтлую избу, обратился онъ душевно съ вопросомъ къ дѣвушкѣ,—иди вѣсти получили нерадостныя?..

— Вѣстей особенно тяжелыхъ пока нѣтъ. Прошу... присядьте вотъ сюда, батюшка, тутъ свѣтлѣ!..

— Ну, что пишутъ вамъ родные?..

— Сестра послѣднее время все жалуется на нездоровье, на пустоту въ ея жизни... недомогаетъ, нервно разстроена...

О. Ефимъ сидѣлъ на жесткомъ дубовомъ стулѣ около длиннаго учебнаго стола и, машинально поглаживая его лѣвой рукой, молча смотрѣлъ на Марью Павловну, какъ будто ожидая отъ нея дальнѣйшихъ, болѣе подробныхъ, сообщеній изъ интересовавшей его личной ея жизни. Посмотрѣлъ, не дождался продолженія ея рѣчи и обронилъ новый короткій вопросъ:

— Ну, о войнѣ, родная, какіе слухи идутъ?..

— Мало радостнаго, батюшка... по слухамъ, есть предположеніе, что Россія вступитъ въ борьбу съ Турціей изъ-за братьевъ-болгаръ.

— Грустно, но воля Господня... Война Божія гроза!.. Слезы, стоны, потери... ляжетъ много молодыхъ силъ... напится земля кровью, не увидятъ родныя нивы многихъ пахарей, и, Богъ вѣсть, когда настанетъ то время, о которомъ сказано: »перекують мечи на сошники и копыя на серпы и левъ будетъ лежать съ ягненкомъ«... А это время должно вѣдь быть, потому что слово Господне не пройдетъ мимо въ человѣческой жизни...

— Да, война теперь тревожитъ всѣхъ, но она, говорятъ, неизбежна. При этой тревогѣ, знаете, батюшка, невольно приходятъ мысли о смерти. Послѣдніе дни—отъ раздумья, что ли, или вообще отчего другого—я вижу во снѣ все нашу Катерину; пропала что-то она, нѣтъ о ней ни откуда извѣстій, не умерла ли ужъ!..

— О, нѣтъ, добрая, не тревожьтесь, я сердцемъ чувствую — она жива!.. Да, къ слову сказать, вы не совсѣмъ вѣрно думаете объ уходѣ человѣка изъ земного круга въ иную жизнь и объ отношеніяхъ упедшихъ къ остающимся, а потому и тоскуете... И эта тоска происходитъ отъ ложнаго пониманія любви нашей и не менѣе ложнаго отношенія къ этому серьезному вопросу всей человѣческой жизни... Великое дѣло, когда человѣкъ любить въ человѣкѣ прежде всего душу... не тѣлесную красоту, а именно душу... Даже, скажу вамъ, ни умъ, ни таланты, какъ говорятъ у насъ, ни способности къ одному или другому дѣлу, а также ни успѣхи въ житейскихъ дѣлахъ его на разныхъ поприщахъ временной дѣятельности—нѣтъ, это все преходящее и, можетъ быть, очень случайное — дѣло Фортуны, какъ говорили прежде... Насчетъ если ума говорить — умъ, не растворенный добротой сердечной, кичливъ, суетенъ, въ бездны заводитъ непроходимыя и не даетъ душевнаго мира. Душевный миръ—это самое важное для каждаго че-

ловѣка. Образъ сатаны, на примѣръ, прошедшій во всё вѣка въ человечествѣ, — онъ ярко выступаетъ во всей библіи, ясно очерченъ въ Мефистофелѣ »Фауста«, — какъ намъ рисуется?.. Это умъ, которому не находится равнаго среди людей. Ни одинъ гевій, никакой талантъ по уму съ нимъ не можетъ сравняться, а сердца у него нѣтъ... онъ чортъ!.. Народъ нашъ мѣтко говоритъ: »умень чортъ да темень...« Это значитъ, и великій умъ не освѣщенный сердечной любовью не имѣетъ ясности. Ясность является только при душевномъ мирѣ. Душевный миръ даетъ доброе ровное настроеніе... Вотъ у нашей Катерины нѣтъ никакихъ колебаній, она до этого дошла страданіемъ—въ этомъ ключъ и секретъ нашего счастья... Возьмемъ примѣры: обидѣвшій васъ угнетаетъ васъ своей обидой, обида его мучаетъ ваше сердце... Если вы не забудете объ этой обидѣ—нѣтъ у васъ душевнаго мира, вы несчастны... Если полюбите вы человѣка за красоту, красота его прошла, увяла, попорчена оспой, вообще болѣзнями, и онъ вамъ уже не милъ, и, если вы души его не любили, не знали совсѣмъ ея, она была для васъ чужой, то отъ первой случайности онъ васъ потерялъ, и вы его утѣрили... А если вы любите душу, человѣкъ для васъ никогда не утѣрянь. И Катерина для насъ не утѣряна, она жива, мы любимъ ея душу, и она любить наши души... Ушла она — возвратится ли, или не вернется къ намъ — она будетъ все-таки жить съ нами... Любовь только плотская преходяща, и человѣкъ не можетъ любить всѣхъ людей инымъ путемъ, какъ только душевной любовью, какъ любилъ Христосъ... безконечной любовью!..

— Я думала объ этомъ, батюшка, послѣднее время много, но все еще не могу хорошо уяснить себѣ...

— Будемъ говорить, Марья Павловна, наглядно, близкими намъ примѣрами... возьмемъ насъ самихъ и безъ смущенія разсмотримъ... Вы вотъ хорошій человѣкъ, золотое у васъ сердце, полно оно любовью... вы дѣвушка съ со-

стояніемъ, но трудитесь, живете съ нами, съ людьми, которые пытаются отъ земли, возитесь съ дѣтми чумазыми, часто даже грязными, — знаю, и обмоете иного грязнаго, умягчите сердце иного злого... Почему вы все это дѣлаете? Вы любите душу дѣтскую, потому и не сторонитесь отъ чумазныхъ и грязныхъ... они всѣ вамъ милы и дороги — и глупенькіе, и умненькіе, и грязненькіе, и чистенькіе... Вы любили Верховскаго, но чтѣ вначалѣ вы любили въ немъ?.. Его красоту тѣлесную, ловкія манеры, пріятный голосъ, бойкую рѣчь и т. д. Знаю, вы любите теперь его душу и не потому, что онъ ушелъ на борьбу за братьевъ нашихъ по крови, нѣтъ—вы забыли то, что онъ невольно, при желаніяхъ иной любви, причинилъ вамъ сердечную боль, душевныя волненія... Потому же вы теперь и сестрицу вашу любите иначе... Вотъ это и есть любовь души!.. О себѣ скажу: я, грѣшный человѣкъ, какъ пастырь исполняю по слабостямъ моимъ только свой пастушій долгъ... Пастырь добрый долженъ положить душу за овецъ своихъ... а я?.. гдѣ мнѣ!.. Мнѣ этого не дано... врачую сколько могу по немощамъ моимъ души и тѣла овецъ моихъ въ страданіяхъ ихъ... Стадо мнѣ Господь далъ большое — не устеречь всѣхъ... Я что?.. Одно сдѣлаю, другое упушу... Только трудъ меня исцѣляетъ, а-то изболѣла бы душа моя... Скажу вамъ откровенно: почему встаю я рано?.. Потому что сонъ бѣжить отъ души тоскующей... и тружусь... Трудъ даетъ мнѣ тѣлесную бодрость и ясность души... Да, жизнь многотрудна, родная моя!.. До свиданья, Марья Павловна!.. Будемъ тверды и ясны!.. Вотъ и вечеръ, день кончился и труды его кончены... Теперь начнемъ труды вечерніе... они насъ утѣшаютъ... А Катерина всегда съ нами... Вы это, надѣюсь, почувствуете потомъ... Образъ этой скиталицы намъ будетъ часто являться и давать бодрость и утѣшеніе въ тоскѣ, какъ образъ человѣка цѣльнаго... Господь съ вами!..

— Глубоко благодарна вамъ, батюшка, что зашли хотя

на полчаса на перекуты... я всегда вамъ благодарна... каждое слово ваше окриляетъ духъ мой!..

— И... что это вы!.. Я что?... Я ничего... я человекъ немощный... исполняю долгъ мой... мнѣ сказано Богомъ моимъ: *»туне пріайте, туне дадите...* что могу, что Господь положить на душу, то къ слову и скажу!.. Миръ съ вами!.. Будемъ трудиться!..

И трудились они — о. Ефимъ въ своемъ обширномъ приходѣ — селѣ Меркушахъ и десяти деревняхъ — Голодявкѣ, Малой Неѣловкѣ, Копенахъ, Зайцевкѣ, Бугоркахъ, Пахомовкѣ, Каменкѣ, Митревкѣ, Алешкинѣ и Нижнемъ Умѣтѣ, приписанныхъ приходомъ къ храму Покрова Божьей Матери, гдѣ онъ былъ настоятелемъ, — Марья Павловна въ своей маленькой школѣ, занимаясь на двѣ смѣны съ сорока ребятами, такъ какъ школьная изба болѣе двадцати человекъ не вмѣщала, а новой, болѣе помѣстительной, пока еще не построили, хотя *»миръ«* на общемъ сходѣ и рѣшилъ: *»срубить избу училищу большую свѣтлую, въ двадцать вѣнцовъ, шатровую, въ шесть оконъ на площадь, съ дворомъ широкимъ и палисадомъ въ двадцать пять деревь, съ цвѣтникомъ и полезными кустарниками«*.

Прикатила шумная масляница съ бубенцами, съ веселыми звонами, съ жирными пухлыми блинами — гречневыми, пшонными, ячневыми, съ пряженцами вкусными, съ драченами яичными, съ крупениками рассыпчатыми. Мчится масляница, разряженная въ цвѣтныя шали, пестрыя платья, по свѣжнымъ улицамъ на разубранныхъ саняхъ, на широкихъ розвальняхъ, съ масляничнымъ дѣдомъ, съ бурымъ медвѣдемъ, съ козкою-бодатою, пощелкиваетъ орѣшки волошскіе, сѣмечки подсолнечныя, рожки сахарныя, жуетъ пряники паточные, коврижки медовыя. Спугнула масляница съ дорогъ, съ пути сердитый морозъ; ушелъ онъ за дальніе лѣса, за горы высокія; повѣяло теплымъ вѣтеркомъ; запушилъ мягкій снѣжокъ, засновалъ бѣлыми звѣздочками, таялъ на веселыхъ румяныхъ бабьихъ и дѣвичьихъ

щекахъ. Бойко прикатила масляница съ посвистомъ-покрикомъ, прогостила три—четыре дня съ удалыми пѣснями, съ заливчатой гармоникой, съ балалайкой рассыпчатой, съ плясомъ безустальнымъ, съ обильными явствами, съ хмельнымъ-зеленымъ виномъ, широко размахистымъ, вольно всюду гуляющимъ, — »ходи изба, ходи печь, гляди въ оба свѣтеть мѣсяць, не то хмель-богатырь смахнетъ тебя, милый, зашибетъ невзначай, сброситъ въ пропасть кромѣшную!..« Погостила масляница и разомъ, словно глазомъ моргнула, укатила прочь изъ селъ и деревень... Протяжно, тоскливо загудѣлъ большой колоколъ на бѣлой колокольнѣ, плавно разливая звукъ за звукомъ по всей долинкѣ; внятно призываетъ онъ православныхъ къ покаянію, точно говорить: »идите, идите, огорченные, отягченные горемъ-нуждой... Идите, идите, брата обидѣвшіе, сердцемъ озлобленные, ложью унижившіеся, правду Божью забывшіе, гордые, благамъ земнымъ служившіе!.. Идите, идите въ храмъ Бога живаго, всевидящаго, покайтесь, сердцемъ смиритесь, помолитесь Христу, за міръ пострадавшему, откройте больныя сердца пастырю Его, возьмите иго Христово и легко вамъ будетъ! Идите, идите, скорбные, немощные, нищіе духомъ, вы будете утѣшены!«. Насталъ великій постъ; закапали съ крышъ капли, точно слезы кающихся, струясь неудержимо. Солнце дало обильные лучи, наполняя все и всѣхъ тепломъ и свѣтомъ. Добрѣе, казалось, глядѣли люди, говорили ласковѣе—начала захватывать ихъ сердца пріятная весна. Прилетѣли веселые жаворонки, а съ ними явилась и Катерина. Вошла она неспѣшно въ рабочу избу о. Ефима.

— Здравствуй, отецъ!

— Радъ тебя видѣть, Катерина, радъ!

— Онъ пришелъ найти послѣдній покой у тебя!

— Притомилась? отдохнешь у насъ.

— Нѣтъ, отецъ, онъ чуетъ, близокъ конецъ!

Проницательный о. Ефимъ, смотря долго Катеринѣ въ

лицо, думалъ: »да, она и не она... это тѣнь ея... и вслухъ сказаль:

— Полежи!

— Когда лежать, огородъ-то забыть?.. Онъ тутъ одну липку облюбоваль, изъ твоихъ...

Понялъ о. Ефимъ мысль Катерины и съ грустью тихо молвилъ:

— Чтожъ, руби!

Катерина пришла къ о. Ефиму утромъ, а вечеромъ сидѣла у Марьи Павловны и вела съ ней бесѣду отрывисто, вдумчиво, касаясь всего вскользь, какъ будто мысли ея уходили куда-то далеко и здѣсь она заканчивала то, что ее когда-то занимало и къ чему она относилась близко, всей душой.

— Что твои ребятенки? новыхъ-то, поди, много прибыло?—спросила Катерина Марью Павловну при первыхъ словахъ свиданія.

— Да, Катеринушка, школа растеть... знаешь, сколько теперь? угадай?..

— Неужто сотня?

— Ну, нѣтъ, до сотни-то далеко, а сорокъ есть.

— Радостно!—сказала она и задумалась; помолчала, какъ будто собираясь съ мыслями, и начала:

— Обошелъ онъ этотъ разъ много земли... былъ въ Горной Неѣловкѣ... сестрица здоровехонька... съ недѣлку жилъ въ ихнемъ селѣ... шерстки набралось тамъ много... томится сестрица-то... Въ Одестѣ былъ—большой городъ, чистый... Моремъ онъ плыль... Ой, война... страшна война!.. Ты что глядишь?.. Ребятенки хорошо учатся?—Катерина улыбнулась. — Вижу по глазамъ твоимъ чего ты ждешь!.. Хорошо ушелъ... онъ былъ въ лазаретѣ при немъ... двѣ noci сидѣлъ... на третью Лексѣй-то Сергѣичъ ушелъ тихо таково... какъ младенцы уходить... Что глаза-то слезишь? Покаялся онъ, искупилъ, что здѣсь натворилъ... успокой твою душеньку!.. Хоть ты и не сказывала, знаю,

все время думала, что да какъ съ имь... Все слава Богу!.. Хорошій конецъ!.. Ходила на могилку Васеньки? не забыла просьбу мою?

— Какъ же забыть! Ты нынче что-то тревожная, Катеринушка!

— То-то! Я это чуяла... Васеньку видѣла... тамъ видѣла... Сижу это послѣднюю ночь при Лексѣѣ Сергѣичѣ... онъ мечется... раскрылась рана-то его въ лѣвомъ боку... кровь сочится... глаза горять... шепчетъ что-то непонятное... гляжу—улыбнулся... глаза прикрылъ... И вспомнила я: такъ улыбнулся мнѣ Васенька, какъ отдавалъ Богу свою ангельскую душеньку... Васеньку я вынянчила... тутъ дьяконъ былъ, Левонъ—онъ сынъ его... Васенька отъ рожденья особый былъ: грудной не бралъ груди въ посты... по четвертому годку зачалъ читать, на пятомъ году мнѣ вычиталъ изъ Четы-Меней житъе моей святой Катерины-мученицы—и какъ читалъ!.. я старцевъ слушала, такъ сердце не трогали... Война была, бабы, старики учили ходить къ Васенькѣ съ солдатскими письмами—ему былъ шестой годокъ. Имъ внятно онъ вычитывалъ, какъ большой сидѣлъ и четко солдатикамъ отписывалъ грамотки... Любилъ онъ каждого, мало игривалъ, былъ не по годамъ уменъ и сердце имѣлъ доброты невиданной... Чуть боленъ кто, придетъ, сидитъ, вычитываетъ житъе того святого... помретъ кто, псалтырь читаетъ, стоитъ всю ночь одинъ... Вотъ, Марьюшка, пришла холера лютая,—ему дошелъ седьмой годокъ... Читалъ онъ псалтырь и по холернымъ покойничкамъ... и снялъ холеру не съ покойничка, съ одной больной вдовы... Бобылка была сирая... она-то поднялась,—онъ слегъ, ломало его день!.. къ вечеру лежалъ онъ пласть пластомъ, томился, сталъ стихать и въ ясной памяти, съ улыбкой на устахъ, взглянулъ такъ свѣтло, словно бы осіялъ его Божій ангель... вздохнулъ легко и ушелъ... Такова ребечка, гдѣ ни бывала, не видывала... Я гробикъ сдѣлала, обмыла Васеньку, уложила бережно дитятко въ домовинку

липовую, какъ живой лежалъ, кабытъ дремалъ... Стою, гляжу ему на лицъ... вотъ-вотъ проснется Васенька... Да, онъ спалъ... онъ спитъ, знаю, и теперь... Какъ приду на его могилку тихую со своей тоской, припаду это, чую я—дышитъ онъ... покой придетъ на сердце... иду—тоски какъ нѣтъ!..

День за днемъ хирѣеть Катерина, ходитъ вяло, молчитъ, уйдетъ въ лѣсъ—не видать ея цѣлый день. Привезла она на каремъ изъ маленькаго лѣснаго участка о. Ефима почти въ два обхвата липовое бревешко, скрылась за баней, сидитъ тамъ, долбитъ бревно; выдолбила его, свесла въ мшеникъ... присѣла—слушаетъ: пчела гудитъ... весна пришла.

— Что сидишь тутъ, необычная?..—заглянувъ къ своимъ пчеламъ, сказалъ о. Ефимъ: — попила бы травки... вишь, какъ исхудала...

— Гляди, слушай!.. Пчела вишь готова вылетить на труды... Весна во дворъ вошла. Пей не пей траву, мнѣ не снимать роевъ отъ этихъ пчелъ... Тебѣ сказано, отецъ: онъ уйдетъ!.. Вонъ домовинка—въ нее ты положи плоть его... Грушенькѣ скажи: изъ мѣшка того, съ какимъ онъ хаживалъ, чтобъ спила мѣшочекъ махонькій... пускай его набьетъ щепой, что лежитъ вонъ въ томъ уголочкѣ—душиста щепы-то липовая... Есть камешекъ въ большомъ мѣшкѣ—тебѣ скажу—съ Елеонской горы онъ... Положи въ домовинку подъ головы... на его мѣшочекъ со щепой... Въ большомъ мѣшкѣ Глашенька найдеть образокъ темненькій съ ликомъ Божьей Матери—онъ отъ матушки моей родимой—его на грудь клади... Могилку облюбовалъ онъ межъ двухъ березъ... въ самомъ уголкѣ, у канавки, ближе къ ржаному полю... хорошо ему будетъ тамъ...

Постоялъ о. Ефимъ, выслушалъ молча, и грустный ушелъ.

Къ вечеру слегла Катерина въ топленой банѣ, пролежала день—два какъ будто въ забытѣи. Заходилъ къ ней

о. Ефимъ, заходили Марья Павловна, матушка, Грушенька, Оенюшка; заглянула старушка Агеевна, принесла моченныхъ кисленькихъ яблочекъ; зашла Палагеюшка съ груднымъ ребеночкомъ, положила сдобную лепешечку; заходили »добродѣйки« разныя, знакомыя Катерины... Бродиль-ходилъ народъ, вздыхали, роняли теплыя слезы, слова сочувствія,—лежить, молчить Катерина, не шелохнется, ни слова никому!.. Спокойный взоръ уходитъ черезъ головы куда-то вдаль... Задумчивъ, тихъ этотъ взоръ, нельзя прочесть въ немъ: болитъ или радуется душа Катерины, но видно, глядитъ она впередъ; не видитъ, что кругомъ нея, но уже провидитъ что тамъ, за гранью бытія...

На третій день поднялась Катерина, сказала Грушенькѣ:
— Принеси, родная, мой мѣшокъ!

Изъ мѣшка Катерина вынула чистую рубаху, кубовый сарафанъ и снова сказала:

— Бери мѣшокъ!.. Оставь меня, я вымоюсь... Скажи, чтобы не ходили сюды... наготы моей никто не видываль... зачѣмъ кавать рубцы?.. Я обряжусь, придешь...

Къ вечеру Катерина попросила Глашеньку:

— Переведи меня, милая, въ избу больныхъ... чую слаба... близокъ конецъ!

Повела Глашенька Катерину огородомъ... Огородъ зеленѣлъ уже легкой зеленью... Идетъ Катерина, оглядывается кругомъ: все ей знакомо тутъ... Видно по глазамъ что думаетъ она... »Скоро не увижу ничего«, говорятъ ея глаза. »Прости, прощай, родной огородъ! онъ пахаль тебя не разъ, ходилъ тутъ твердой поступью... теперь ведутъ его, словно малаго ребеночка... легкимъ вѣтеркомъ колышетъ его... вся-то жизнь ровно день прошла, повяла въ бездождіе какъ былиночка«... Вошла Катерина въ ворота, остановилась, придержала Глашеньку, заржалъ Карько; думаетъ Катерина: »лошадь вонъ, Божія тварь, безсловесная чуетъ: Катерины ей не важивать, не ѣсть овса, сѣна отъ рукъ ея... Прости, прощай, лошадушка!..« Дошла она до

избы больныхъ, сказала: »положи меня на полъ!«. Всю ночь пролежала Катерина, не смыкая глазъ; при ней сидѣла Оеиушка—вторая дочь о. Ефима... Подъ утро Катерина долго смотрѣла на нее, думала: »хорошая дѣвушка, радѣльная... Пошли, Господь, ей жизнь душевную!..« Къ стѣнѣ повернула голову, и полились обильныя слезы на тотъ мѣшокъ, съ которымъ она не разставалась всю жизнь... Ободняло; звонили къ обѣднѣ; встрепенулась Катерина, глубоко вздохнула, прошептала не внятно: »пошла бы на могилку Васеньки, да силъ нѣтъ!«. Сидѣла при ней уже Глашенька; она замѣтила—тревожится Катерина, шепчетъ что-то, спросила ее:

— Что хочешь, Катеринушка?.. испить?

— Нѣтъ, не то! не то, милая!.. Къ обѣднѣ звонять, слышишь?.. Мнѣ тутъ тошнехонько, хоть бы однимъ глазкомъ взглянуть на Божій домъ, на могилку, знаешь, Васеньки...

— Что же, голубушка, я переведу тебя въ горенку!.. Ты помнишь, послѣ службы къ тебѣ придетъ съ дарами мой отецъ... онъ мнѣ сказалъ... его желанье, чтобы ты была въ горенкѣ...

— Веди, веди, я въ горенку хочу!.. Теперь свѣтло, душисто тамъ!.. Поди, цвѣтетъ черемуха? Какъ рада я... Господь Вседержитель, Ты плешь конецъ Катеринѣ ранней весной... Теперь птица поетъ, побѣждали цвѣты, зелень въ лѣсу, духъ чудесный... весело всѣмъ!..

Съ трудомъ провела Глашенька Катерину въ горенку.

— Постой... ссаама... пройду... къ окошечку!..—задыхаясь, глухимъ шепотомъ протянула Катерина.

Двинулась она къ стѣнѣ и оцупью, по стѣнкѣ, шатаясь, пошла къ окну. Позади, чуть-чуть поддерживая ее осторожно, шла Глашенька. Подошла Катерина къ окну, тревожно взглянула на церкви, на палисадникъ, на площадь, тяжело развела руками—упали руки...

— Нѣтъ, въ глазахъ темно!—сказала она глухо.—Лягу

я... вонъ тамъ!—и легла на старый клеенчатый диванъ, закрыла глаза—ни слова. Такъ часъ прошелъ.

Отворились двери, вошелъ въ бѣлой ризѣ съ чашей въ рукахъ о. Ефимъ.

— Катерина, Христось предъ тобой!—тихо сказалъ онъ.

Поднялась Катерина и ясно заговорила:

— Я, недостойная, вижу Его!—стала твердо на ноги:—стою предъ Нимъ, грѣшная!.. Облегчи, отецъ, душу мою, при уходѣ васкорбѣвшую!

О. Ефимъ поставилъ чашу передъ Распятіемъ у евангелія, указалъ Катеринѣ рукой, проговоривъ твердо, проникновенно:

— Вотъ крестъ Христа, вотъ чаша съ пречистою кровію и плотію Его, вотъ святое евангеліе... Я, немощный человѣческими немощами служитель Его, приму что скажешь ты, уходя въ дальній путь... Господь возлюбилъ тебя, скиталица, и вѣра твоя крѣпкая вселить тебя въ въ селеніе добрыхъ, въ обитель чистыхъ сердцемъ, которые Бога узрятъ какъ солнце... Сказывай! мы предъ Нимъ стоимъ... Отчего, дочь моя, скорбишь ты?—положа руку на плечо Катеринѣ, спросилъ ее о. Ефимъ.

— Ты знаешь, бита... я!..

— Бить самъ Христось и распять на крестѣ!.. Ты помнишь истязанія? Забудь!.. прости!.. Тамъ у Него всѣ равны: и битые, и скорбные, и тѣ, кто прожилъ здѣсь въ счастье и холѣ... Туда человѣкъ идетъ, оставляя позади, все, чѣмъ жизнь мила здѣшняя... несетъ туда кроткое, умирное сердце... Не думай, дочь моя, ни объ обидахъ, ни о горячахъ—все это лишнее... Не думай о людяхъ дорогихъ твоей душѣ—все, что могла, ты сдѣлала... Помнишь... ты ходила много, дѣлала большіе пути... что ты брала съ собой въ дорогу? узелъ одинъ... Пойдетъ съ тобой узелъ—невидимо для здѣшнихъ глазъ—большой узелъ хорошихъ твоихъ дѣлъ... они въ этомъ пути всего надежнѣе... Простила?..

— Да-а, отець!

— Еще, скажи, отчего скорбитъ душа твоя? давала обѣщанія, клялась кому и чѣмъ?.. Я, немощный служитель Его, клятву разрѣшу... дѣла твои перевѣсятъ волненія земныя... Христось проститъ, разрѣшитъ и отпуститъ тебя съ миромъ изъ этого міра, раба Его, Катерина!..

О. Ефимъ взялъ чашу въ руки и сказалъ:

— Говори за мной:

»Вѣрую, Господи, и исповѣдую, что Ты есть Христось, пришедшій въ міръ грѣшныхъ спасти, изъ нихъ же первая есть я... Еще вѣрую, что сія есть честная кровь Твоя и сіе есть честное тѣло Твое... И да будетъ мнѣ честное тѣло Твое и честная кровь Твоя не въ осужденіе, но во спасеніе и жизнь вѣчную...«

Катерина приняла тѣло и кровь Христа... Спокоенъ взоръ, миръ въ сердцѣ ея...

О. Ефимъ снялъ ризы и, поцѣловавъ Катерину въ блѣдныя уста, молвилъ:

— Прилягь!.. Ты, дочь моя, теперь вся чиста. Путь твой свѣтелъ.

До вечера никто не тревожилъ Катерину. Вечеромъ посидѣли около нея недолго каждый изъ ея друзей. Къ полночи остался съ ней одинъ отецъ ея духовный—Ефимъ. Онъ сидѣлъ молча, но и это молчаливое присутствіе его, видимо, радовало Катерину »чистую«. По землистому лицу ея блуждала блаженная улыбка... Спусти часъ за-полночь Катерина стала чаще опускать палецъ въ чашку съ водой и, поднося его къ губамъ, глотала по каплѣ воду. Начинало свѣтать, она повернула голову къ окну и внятно сказала о. Ефиму:

— Открой окно, отець!.. погляжу на зарю... на зарѣ уйду...

О. Ефимъ неспѣша открылъ окно; благоухающій запахъ волной влился въ комнату изъ палисадника... Загоралась заря. Катерина устремила потухающія очи на алѣвшія облака. О. Ефимъ осторожно вышелъ въ сосѣднюю горенку, подошелъ къ кровати.

— Мать, спишь?—спросилъ онъ пулушепотомъ.

— Нѣтъ, отецъ! задремала было, очнулась... мнѣ слышался голосъ Катерины—>ухожу!..« вся она въ бѣломъ.

— Вставай! Катерина отходить... потянуло ее къ свѣту... во рту у ней горить... глотаетъ воду... настало тихое томленіе духа... онъ рвется изъ тѣлесной оболочки... Буди Глашеньку, Өенюшку... пускай при ея концѣ всѣ будутъ... легче ей уходить при людяхъ, которыхъ она любила...

— И Марья Павловна здѣсь, у Глашеньки въ комнаткѣ... Она просила разбудить, если заснетъ, какъ будетъ Катя кончатся,—сказала матушка.

— Буди всѣхъ... я иду, прочитаю при отходѣ души мѣста изъ евангелія.

О. Ефимъ положилъ евангеліе на круглый столикъ, сталь противъ лица Катерины и отчетливо, ясно, началъ читать:

»Да не смущается сердце ваше; въруйте въ Бога и въ Меня въруйте. Въ домъ Отца Моего обителей много. А если бы не такъ, Я сказалъ бы вамъ: Я иду приготовить мѣсто вамъ. И когда пойду и приготовлю вамъ мѣсто, приду опять и возьму васъ къ Себѣ, чтобы и вы были, идъ Я. А куда Я иду, вы знаете и путь знаете. Өома сказалъ Ему: Господи, не знаемъ куда идешь и какъ можемъ знать путь? Иисусъ сказалъ ему: Я есмь путь и истина, и жизнь; никто не приходитъ къ Отцу, какъ только черезъ Меня. Еслибы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего. И нынѣ знаете Его, и видѣли Его. Филиппъ сказалъ Ему: Господи, покажи намъ Отца и довольно съ насъ. Иисусъ сказалъ ему: столько времени Я съ вами, и ты не знаешь Меня, Филиппъ? Видѣвшій Меня, видѣлъ Отца; какъ же ты говоришь: покажи намъ Отца? Развѣ ты не въришь: Я въ Отца и Отецъ во Мнѣ? Слова, которыя говорю Я вамъ, говорю не отъ Себя; Отецъ, пребывающій во Мнѣ, Онъ творитъ дѣла. Върите Мнѣ, что Я въ Отца и Отецъ во Мнѣ, а если не такъ,

то впрѣте Мнѣ по самымъ дѣламъ. Истинно, истинно говорю вамъ: впрующій въ Меня, дѣла, которыя творю Я, и онъ сотворитъ и больше сихъ сотворитъ, потому что Я къ Отцу Моему иду. (Евангеліе отъ Іоанна. Гл. XIV, ст. 1—12).

Катерина обводила долгимъ взоромъ о. Ефима; какъ будто паутина темной сѣтью застилала глаза ея. Заря разгоралась. Блуждавшій взоръ Катерины снова ушелъ за окно, къ плывшему востоку. Выкатывалось солнце изъ гряды золотистыхъ облаковъ. По комнатѣ прошло словно тихое дуновение легкаго вѣтерка.

— Осѣяло... Онъ... Христось... въ облакахъ... Васенька... со Христомъ!..—восторженно проговорила Катерина, глубоко вздохнувъ, склонила на бокъ голову и чуть внятно прошептала:—хо-ро-шо!—смежила очи.

О. Ефимъ положилъ руку на голову Катеринѣ; она полоткрыла слабыя вѣки; послышалось: — уу-хо-жуу! Вѣки ея уже не закрывались; въ глазахъ было темно, грудь всколыхнулась, и вылетѣли изъ нея послѣдніе звуки:—уу-шш... Все тѣло вытянулось; лицо покрыла умиленная улыбка. О. Ефимъ вдумчиво сказалъ: — скончалась! Комнатку наполнило глухое рыданіе Марьи Павловны, Глашеньки, Оеюшки...

— Не плачьте о ней, дѣти мои! Дай Богъ каждому въ свой часъ такую кончину... Она радостно ушла... Христа узрѣла... Душа, обильная добромъ, свѣтло уходитъ въ селеніе добрыхъ... Мать, надо исполнить все, о чемъ просила покойная: долгъ остающихся исполнить волю успокоившихся, что связываетъ насъ, земныхъ, съ небесными... Оеюшка, не забудь, сходи на могилку младенца Василя, возьми горсть земли и положи на грудь покойной, прямо на тѣло, какъ она желала... Черезъ часъ мы тѣло опустимъ въ липовую колоду и нынѣ же предадимъ землѣ—такъ она просила: »въ какой день моя душа уйдетъ, въ тотъ день до вечера ты, отецъ, и спрячь мою наготу въ землю«, такъ

и сдѣлаемъ, исполнимъ волю покойной, она поработала для насъ много... Марья Павловна почитайте при ней часокъ псалмы Давида... Катерина васъ любила,—сказаль о. Ефимъ, постояль съ минуту у тѣла покойной и ушелъ.

Вечеромъ схоронили тѣло Катерины. О. Ефимъ съ причтомъ, семья его, Марья Павловна съ учениками и ученицами и всѣ знавшіе въ селѣ Катерину пропѣли ей »вѣчную память«... засыпали землей могилу, положили тяжелый камень-булыжникъ, постояли у этой могилы и пошли къ своимъ дѣламъ... Катерина ни минуты никогда не бывала безъ дѣла, она и въ могилѣ напомнила всѣмъ объ этомъ...

Тихо на свѣжей могилѣ, ни души; не шелохнуть молодые листья на бѣлыхъ березахъ. Румяный закатъ залилъ золотомъ зеленые всходы ржаного поля. Вдругъ налетѣла стая шумливыхъ воробьевъ; воробьи обѣли грустныя березы, зачирикали простую радостную пѣсню, пѣсню весны. И въ вечернемъ затишьѣ, казалось, въ этой пѣснѣ звучало: »миръ Катеринъ!.. миръ русской, незлобивой душѣ!.. миръ, покой вѣчный!..«

Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ

Ст. Куоккала
Юль—августъ
1894 г.

ПАМЯТИ И. А. КРЫЛОВА

I

Я грезилъ на-яву... Я видѣлъ, что Крыловъ,
Тотъ дѣдушка-Крыловъ, что — вылить изъ металла —
Сидитъ въ тѣни Петромъ насаженныхъ дерѣвъ, —
Сошелъ нежданно-нежданно съ пьедестала;
Что, сада Лѣтняго привѣтливую сѣнь
Покинувъ, онъ пошелъ медлительной походкой,
Съ улыбкой на устахъ, улыбкой дѣтски-кроткой,
Туда, гдѣ бьетъ въ набать столицы шумной день.

II

Полвѣка минуло, какъ этотъ человѣкъ
Ушелъ отъ насъ въ тотъ край, гдѣ смертный безопасенъ
Отъ смерти, гдѣ царитъ тотъ идеальный вѣкъ,
Какому — не въ укоръ мораль крыловскихъ басенъ...
И вотъ чрезъ пятьдесятъ, смерть побѣдившихъ, лѣтъ
Причудница-судьба, вершительница жизни,
Позволила ему — любимому въ отчизнѣ
Поэту-мудрецу — взглянуть на бѣлый свѣтъ...

III

Ничто предъ вѣчностью — три дня! Но въ этотъ срокъ
 Всю нашу новизну свидѣтелю была
 Возможно осмотрѣть... И былъ судьбы зарокъ —
 Въ четвертый день опять забыться для Крылова...
 Проснулся, всталъ, пошелъ старикъ въ толпѣ дѣтей,
 Любимца своего аллеей проводившихъ
 До распашныхъ воротъ, несчетно-разъ дивившихъ
 Ихъ чудной прѣрвзью рѣшетчатой своей...

IV

Я грезилъ наяву... Я видѣлъ, что за нимъ
 И я повсюду шель, подъ шапкой-невидимкой...
 Гдѣ-гдѣ ни побывалъ я — хмурый нелюдимъ —
 Съ Крыловымъ въ эти дни!.. Тумана легкой дымкой
 Окутанъ былъ тогда нашъ »Питеръ-городокъ«...
 Но всё мы видѣли въ туманѣ очень ясно;
 А лица, а мѣста — не только ежечасно —
 Мѣнялись каждый мигъ предъ нами въ этотъ срокъ...

V

По набережной мы сперва прошлись вдвоемъ,
 На матушку Неву-рѣку налюбовались,
 Потомъ поѣхали на Невскій, гдѣ и днемъ,
 И ночью строить жизнь надъ жизнью свой анализъ...
 Въ туманѣ догоралъ послѣдній лучъ зари,
 И шла на городъ тьма, туману помогая,
 А уличная жизнь изъ мрака выплывая,
 Вставала, говоря: »Какая есть — бери!..«

VI

Мы въ свѣтскомъ обществѣ, въ пяти-шести домахъ
 Успѣли побывать; въ глаза смотрѣли смѣло

И вамъ, бездѣльники съ рѣчами о дѣлахъ,
 И вамъ — борцы труда, жрецы живого дѣла! —
 Вамъ, дамы нѣжныя, и вамъ, лакеи дамъ,
 Признавшіе въ себѣ Гамлетомъ Донъ-Жуана!..
 И всталъ *весь Петербургъ* на фонѣ изъ тумана
 »Кунсткамерой«, гдѣ всё въ глаза бросалось намъ...

VII

Я грезилъ наяву... А дни, а ночи шли,
 Показывая намъ всё, всёхъ безъ исключенья;
 Мой спутникъ — образъ чей, въ очахъ родной земли,
 Такъ свѣтелъ, такъ высокъ, что стоитъ безъ сомнѣнья
 Всѣхъ тусклыхъ образовъ героевъ нашихъ дней, —
 Мой спутникъ — что ни часъ — все былъ скучнѣй, скучнѣе
 И даже невзначай промолвилъ: »Веселѣе
 Мнѣ было-бы дремать въ тѣни родныхъ аллей!..«

VIII

Три дня — недолгій срокъ... И снова Лѣтній садъ
 Радужно распахнулъ предъ мощнымъ старцемъ двери;
 И шелъ онъ медленной походкою назадъ —
 На старый пьедесталь — и мыслилъ: »Тѣ-же звѣри,
 »Какъ въ наши времена, людишки на Невѣ;
 »Не измѣнилось ничто подъ новой маской, —
 »Всѣ новости полны старинною закваской;
 »Всѣ тѣ-же — лесть, вражда, обманъ и дань молвѣ!..«

IX

Взошелъ и молча сѣлъ задумчивый старикъ,
 Склонился надъ толпой своихъ звѣрей-героевъ
 И — съ добродушною улыбкою поникъ,
 Свое трехдневное волненье успокоивъ...
 И грезы схлынули... И видѣлъ я вокругъ,
 Какъ возлѣ стараго, что птицы на разсвѣтѣ,

Съ веселымъ щебетомъ рѣзвись, играли дѣти,
И думалъ: »Живъ онъ, живъ—вашъ вѣковѣчный другъ!...«

X

...Да, онъ — и мертвый — живъ!.. И минеть много лѣтъ,
А онъ все будетъ жить въ безсмертномъ мыслямъ словѣ —
Изъ бронзы вылитый всѣхъ русскихъ внуковъ дѣдъ...
Забудутъ лишь тогда о *дядушкѣ-Крыловѣ*,
Когда не станетъ Русь и помнить ни о комъ!..
Земной поклонъ тебѣ — достойный жить вѣками,
Ты — первый на Руси заговорившій съ нами
Богатымъ простотой народнымъ языкомъ!..

Аполлонъ Коринфскій

ВЪ ЦАРСТВѢ КОСЫ

РАЗСКАЗЫ СТАРАГО КИТАЙЦА

М. ФОНЬ-Брандта

(Окончаніе)

IV

Пекинъ

Пекинъ открывается взору путешественника только въ ту минуту, когда тотъ оказывается непосредственно подъ стѣнами китайскаго города. Наиболѣе величественное впечатлѣніе получаетъ онъ, вступая въ городъ черезъ одни изъ боковыхъ воротъ, чрезъ ворота „восточнаго удобства“, и слѣдуя вдоль стѣны татарскаго города къ первымъ воротамъ, лежащимъ на южной сторонѣ. Слева, по ту сторону неглубокаго рва, тогда показываются дома китайскаго города; справа, на дюнообразныхъ возвышенностяхъ, поднимаются стѣны въ сорокъ футовъ высоты, съ зубцами, бастионами и мощными башнями по угламъ и надъ воротами; послѣднія изъ этихъ башенъ возвышаются надъ строеніями, выступающими полуаругомъ и образующими преддверіе настоящихъ воротъ. Въ мрачный, дождливый день или во время бури, поднимающей пыль, когда воздухъ становится непрозрачнымъ и улицы совершенно пусты, можно подумать, что находишься подъ стѣнами Вавилона или Ниневіи. На самомъ дѣлѣ, пять или шесть древнихъ военныхъ колесницъ могли бы проѣхать другъ подлѣ друга по стѣнамъ, ширина которыхъ доходитъ наверху до 36 футовъ.

Эти стѣны составляютъ любимое мѣсто прогулки иностранцевъ, которымъ, въ видѣ исключенія, дозволяется пользоваться широкой оградой, ведущей къ этимъ стѣнамъ; доступъ къ по-

слѣднимъ, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ, прегражденъ посредствомъ запертыхъ дверей и заборовъ изъ колючихъ растеній всѣмъ китайцамъ и въ особенности женщинамъ, такъ какъ присутствіе послѣднихъ можетъ показаться неприятнымъ богу войны. Съ высоты стѣнъ открывается красивый видъ на городъ, крыши котораго въ лѣтнее время выступаютъ изъ густой зелени садовъ. Въ особенности кровли императорскаго дворца и главнаго храма, выложенныя желтыми, голубыми и зелеными изразцами, блестятъ и сверкаютъ на солнцѣ на столько, что можно, по крайней мѣрѣ, извинить тѣхъ старинныхъ писателей, которые утверждали будто эти крыши выложены золотомъ. Большая часть домовъ расположена отъ запада къ востоку, т. е. скаты крышъ обращены на сѣверъ и на югъ; вслѣдствіе этого зимою, когда, послѣ сильной метели, наступаетъ солнечный день, замѣчается весьма своеобразное явленіе. Прогуливающійся по стѣнѣ видитъ, къ своему изумленію, что китайскій городъ, обращенный на югъ, покрытъ глубокимъ снѣгомъ, тогда какъ въ татарскомъ городѣ снѣга вовсе не видно. Чтобы объяснить себѣ это поражающее въ первую минуту явленіе, слѣдуетъ припомнить, что въ одной половинѣ города видна только сѣверная сторона, а въ другой половинѣ только южная сторона крышъ.

Пекинъ, вообще, готовитъ путешественнику много сюрпризовъ; онъ вовсе не похожъ на типы городовъ южнаго Китая и скорѣе напоминаетъ большой лагерь, хотя тамъ рѣдко приходится видѣть вооруженнаго человѣка за исключеніемъ знаменитыхъ войскъ, возвращающихся съ ученія или смотра. Однако Пекинъ былъ прежде и остается теперь именно лагерьмъ. Послѣ покоренія Китая настоящей династіей манджуры и монголы, а также и китайцы, применувшіе раньше другихъ къ новымъ властителямъ, составили собою по восьми полковъ или знаменъ; почти всю землю внутри татарскаго города, т. е. около императорскаго дворца, они подѣлили между манджурскими принцами, князьями и дворянами, и между всѣми, принадлежавшими къ 24 знаменамъ; простой народъ и купцы китайскаго происхожденія должны были выселиться въ китайскій городъ, отдѣлившіяся отъ татарскаго города высокой стѣной. Такимъ же образомъ было поступлено при дальнѣйшемъ покореніи страны со всѣми важнѣйшими городами. Гарнизоны, состоявшіе изъ знаменныхъ войскъ, были переведены туда, и имъ были назначены особые кварталы, гдѣ они должны были жить отдѣльно отъ китайскаго населенія. Изъ вождей ихъ образовались, такъ называемые, татарскіе военачальники, которыхъ и теперь еще можно встрѣтить въ южныхъ провинціяхъ; по своему сану они считаются равными генераль-губернатору,

но подпись ихъ на всѣхъ прошеніяхъ и отчетахъ императору ставится выше, хотя занимаемое ими положеніе скорѣе можно назвать почетнымъ, чѣмъ облеченнымъ настоящею властью. Предписанія, составленныя для знаменныхъ войскъ, остаются еще въ полной силѣ; впрочемъ, едва ли нужно прибавлять, что на дѣлѣ эти предписанія часто обходятся. Однако правитель-ство въ послѣднее время слѣдитъ съ болѣею зоркостью, чѣмъ прежде, за соблюденіемъ извѣстныхъ законоположеній, напр. относительно неотчуждаемости земельныхъ участковъ, пред-ставленныхъ служащимъ въ знаменныхъ войскахъ. Эти слу-жащіе подвѣдомственны своему особому суду и получаютъ опре-дѣленное жалованіе наличными деньгами и рисомъ. Кромѣ того они должны вступать въ браки только въ своей средѣ; это постановленіе часто обходится такимъ путемъ, что дѣвуш-ки, желающія выйти замужъ за китайца, показываются въ спискахъ умершими. Изъ дѣвушекъ знаменныхъ войскъ, ноги которыхъ не искалѣчены по китайскому обычаю, выбираются суируга и наложница императора и вся женская дворцовая прислуга. Когда приближается время для вступленія импера-тора въ бракъ, начальники знаменныхъ войскъ получаютъ при-казаніе не допускать болѣе браковъ дочерей ихъ подчиненныхъ и составить списокъ всѣхъ дѣвушекъ брачнаго возраста. За-тѣмъ эти дѣвушки, одинъ, два или три раза, представляются императору, который лично выбираетъ изъ нихъ себѣ невѣсту; при выборѣ императрицы и первыхъ наложницъ играютъ, ко-нечно, роль и другіе мотивы. Нельзя не признать весьма лю-бопытнымъ, что подобный же обычай нѣкогда существовалъ и въ Россіи, гдѣ царю представлялись дочери бояръ, изъ кото-рыхъ онъ выбиралъ себѣ супругу. Еще мать Петра Великаго была избрана согласно описываемому обычаю.

Въ глубокой древности у китайскаго императора были три жены перваго, девять втораго и двадцать семь женъ третьяго ранга и 81 наложница, не говоря уже о большемъ числѣ жен-скаго придворнаго штата и прислужницъ различныхъ ранговъ и возрастовъ. Императору представляли всегда въ одно и то же время девять женъ; вмѣстѣ съ невѣстой являлись ея млад-шая сестра и кузина и по три молодыхъ дѣвушки изъ двухъ родственныхъ семействъ. Въ настоящее время, вмѣстѣ съ су-пругой императора или императрицей, имѣется пять классовъ наложницъ, женскихъ прислужницъ императора и дворцовыхъ служительницъ; прислужницы могутъ сдѣлаться наложницами 5-й степени, наложницы 2-й степени могутъ достигнуть пер-вой, а принадлежащая къ этой послѣдней могутъ подняться до степени императрицы-супруги, что случается, въ особенности тогда, когда у императрицы нѣтъ мужскаго потомства. Если

это случится, объ императрицы различаются наименованіями „восточная“ и „западная“—по мѣсту, какое онѣ занимаютъ при дворцовыхъ церемоніяхъ, и по комнатамъ, какія имѣ отводятся во дворцѣ. Число женщинъ, которыя въ новѣйшія времена одновременно представляются императору, мѣняется сообразно его возрасту и другимъ обстоятельствамъ. Въ указѣ императрицы-регентши, обнародованномъ въ „Пекинской газетѣ“ отъ 8 ноября 1888 г., сообщалось одновременно о предстоящемъ обрученіи императора съ его кузиной Еххоналой, дочерью генералъ-лейтенанта Квей-Хсианга, и о назначеніи двухъ дочерей покойнаго вице-президента какого-то министерства 14 и 13 лѣтъ наложницами четвертой степени.

Нельзя говорить о Пекинѣ и не упомянуть о китайскомъ дворѣ, хотя о послѣднемъ можно сказать только очень мало или почти ничего. „Пекинская газета“ въ своихъ придворныхъ исвѣстіяхъ даетъ краткія сообщенія объ аудіенціяхъ у императора; въ ней, при особыхъ обстоятельствахъ, упоминается о театральныхъ представленіяхъ во дворцѣ или о празднествѣ у какого нибудь высшаго сановника или монгольскаго принца. Этимъ и ограничиваются всѣ придворныя новости, и то, что можно слышать отъ присутствовавшихъ на подобныхъ празднествахъ, едва ли можетъ вызвать сожалѣніе въ тѣхъ, кому не пришлось принимать участія въ этихъ увеселеніяхъ. Императоръ въ настоящее время оставляетъ свой дворецъ лишь для того, чтобы принести жертву въ какомъ нибудь храмѣ или чтобы посѣтить прежнюю императрицу-регентшу въ ея загородномъ замкѣ, гдѣ она проводитъ извѣстную часть года. При такихъ выѣздахъ императора улицы, по которымъ онъ проѣзжаетъ, охраняются стражей, и всѣ дома должны быть закрыты. Горе любопытному, высовывающему носъ слишкомъ далеко: въ него легко можетъ попасть вѣрно направленная стрѣла одного изъ тѣлохранителей. Впрочемъ, чужеземцевъ извѣщаютъ заранѣе о предположенномъ выѣздѣ и вѣжливо просятъ ихъ держаться подалеже отъ того мѣста, гдѣ слѣдуетъ императорскій поѣздъ. Нѣсколько любопытныхъ, въ давнопрошедшія времена, видѣли съ высоты городской стѣны рано утромъ возвращеніе императора во дворецъ съ жертвоприношенія въ храмѣ Неба; они почти ничего не замѣтили, кромѣ желтыхъ носилокъ, которыя несли восемь человекъ въ зеленыхъ кафтаныхъ съ красными и бѣлыми крапинками, а окружали носилки нѣсколько сотъ всадниковъ, ничѣмъ не отличавшихся отъ обыкновенныхъ людей; но давно уже усиленный надзоръ устраняетъ возможность удовлетворенія подобнаго невиннаго любопытства. Другіе, переодѣтые китайцами, провели цѣлую половину дня, спрятавшись въ китайскомъ домѣ, чтобы по наступленіи тем-

ноты черезъ щель въ деревянныхъ ставняхъ увидѣть поѣздъ, который, при обрученіи молодой императрицы, подъ ея предводительствомъ, направлялся во дворецъ. И они ничего не видали, кромѣ множества пѣшихъ и конныхъ людей и нѣсколькихъ носилокъ. Лично видѣть императора удавалось лишь немногимъ членамъ дипломатическаго корпуса, удостоившимся аудіенціи у его величества. Формы приѣма императоромъ иностранныхъ пословъ и посланниковъ уже въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій составляютъ предметъ ожесточенныхъ пререканій между чужеземными дипломатами и китайскими министрами. Китайцы требуютъ, чтобы иностранцы подчинялись китайскому церемоніалу и совершали „котау“, т. е. дѣлали три земныхъ поклона и девять поясныхъ; въ прежніе вѣка многіе чужеземцы, папскіе легаты, голландскіе и португальскіе посланники исполняли эту церемонію. Только два англійскіе дипломата, стоявшіе во главѣ своихъ посольствъ, лордъ Макартней въ 1792 г. и лордъ Амгеретъ въ 1806 г. отказались подчиниться настояніямъ китайцевъ. Съ того времени вопросъ оставался въ неопредѣленномъ положеніи и былъ опять поднятъ только въ 1873 г., благодаря, главнымъ образомъ, энергіи французскаго правительства и посольства. Происходившіе тогда переговоры оставляли еще желать многого, но они привели къ наилучшимъ условіямъ, какихъ можно было достигнуть при существующихъ обстоятельствахъ. О совершеніи „котау“, безъ сомнѣнія, уже не было и рѣчи; приѣмъ пословъ назначался для всѣхъ разомъ, старшина дипломатическаго корпуса держалъ краткую рѣчь, на которую императоръ отвѣчалъ нѣсколькими словами, затѣмъ представители державъ клали свои вѣрительныя грамоты на столъ, отстоявшій довольно далеко отъ императора, и удалялись. Впослѣдствіи иностранная пресса въ Китаѣ воспользовалась случаемъ поставить посламъ на видъ, что ихъ принимали въ „залъ покоренныхъ народностей“, служившей для приѣма делегатовъ народностей, платившихъ Китаю дань. Все это совершенно вымышленно, такъ какъ упомянутая зала никогда не носила этого имени и никогда не служила для указанной цѣли; критики, исключительно державшіеся внѣшности, упустили изъ вида возможность основательнаго упрека посламъ за то, что они въ договорѣ, въ силу котораго происходила аудіенція, не заставили признать послѣднюю своимъ правомъ, а позволили китайцамъ смотрѣть на нее какъ на оказанное имъ снисхожденіе. Въ слѣдующемъ году приѣмъ отдѣльныхъ пословъ сравнительно съ первоначальной программой представлялъ уже рѣшительный шагъ впередъ, но весной 1875 г. императоръ Тунгъ-ши умеръ; малолѣтство новаго императора и регентство двухъ женщинъ не давало возможности

поднять этотъ вопросъ. Онъ былъ поднятъ только въ 1888 г. и притомъ самимъ китайскимъ правительствомъ, когда дѣла правленія перешли въ руки императора Квангъ-хею. Тѣмъ не менѣе переговоры, предшествовавшіе приему иностранныхъ представителей, были продолжительны и тягостны; они окончились, однако, соглашеніемъ, сущность котораго заключалась въ томъ, что за иноземными послами было признано право врученія императору ихъ вѣрительныхъ и отзывныхъ грамотъ или собственноручныхъ писемъ ихъ государей и президентовъ; въ церемоніалѣ были допущены нѣкоторыя измѣненія, еще болѣе приблизившія его къ европейскимъ обычаямъ. Мѣстомъ приема было назначено другое помѣщеніе, но иностранные послы уступили настоятельному желанію китайскаго правительства, чтобы на этотъ разъ приемъ совершился въ залѣ, служившей для этой цѣли въ 1873—74 гг. Приемъ представителей германской имперіи, Соединенныхъ Штатовъ, Великобританіи, Италіи и Нидерландовъ, представившихъ въ отдѣльности свои вѣрительныя грамоты, и послѣдовавшій затѣмъ общій приемъ дипломатическаго корпуса совершились вполне достойнымъ образомъ; присутствующіе имѣли случай убѣдиться, что большая приемная зала имѣла только одинъ недостатокъ, а именно въ ней было страшно холодно; этотъ холодъ былъ весьма чувствителенъ для иностранныхъ дипломатовъ въ тонкихъ мундирахъ и съ непокрытыми головами, тогда какъ для китайцевъ, въ трехъ или четырехъ мѣховыхъ платьяхъ и съ войлочными шляпами на головахъ, онъ могъ казаться довольно пріятнымъ.

Императорскіе сады, на сколько ихъ можно было видѣть, казались хорошо содержанными и своими большими лужайками, прудами и величественными деревьями напоминали англійскій паркъ. Дорога отъ меньшаго зданія, въ которомъ китайскіе министры принимали иностранныхъ дипломатовъ, къ настоящей залѣ аудіенцій, производила странное впечатлѣніе тѣмъ, что на ней были расположены рельсы, по которымъ императоръ любитъ кататься въ маленькомъ вагонѣ, подталкиваемомъ евнухами. Приемъ пословъ отличался отсутствіемъ всего, что можно назвать восточной роскошью; даже публикѣ маленькаго нѣмецкаго театра не понравилось бы, еслибы отецъ принцессы Турандотъ *) явился въ такой не блестящей обстановкѣ. На императорѣ, который, по манджурскому обычаю, сидѣлъ съ поджатыми ногами на широкомъ тронѣ съ высокой спинкой, и на всѣхъ лицахъ его свиты, отъ министровъ и главныхъ ка-

*) „Турандотъ“ — комедія Гоцци изъ китайской жизни, переведенная Шиллеромъ.

мергеровъ до простыхъ солдатъ гвардіи, были надѣты длинныя шелковые синіе кафтаны съ бѣлой мѣховой выпушкой, съ вышитыми знаками отличія на груди и на спинѣ и обыкновенныя зимнія шляпы изъ чернаго войлока съ отдѣлкою изъ красныхъ шелковыхъ шнурковъ и съ шариками, служащими для обозначенія чина. Императоръ, имѣвшій видъ не слишкомъ крѣпкаго, но интеллигентнаго человѣка, весьма интересовался новымъ для него зрѣлищемъ и, какъ говорятъ, по окончаніи аудіенціи высказался весьма благосклонно обо всемъ, что на ней происходило. Второй—позднѣйшій—случай, когда автору этихъ строкъ удалось видѣть императора, только усилилъ благоприятное впечатлѣніе. Какъ извѣстно, съ того времени императоръ началъ учиться англійскому языку, что можетъ служить однимъ изъ доказательствъ его нравственнаго мужества.

Единство, державшееся до тѣхъ поръ въ дипломатическомъ корпусѣ относительно вопроса объ аудіенціяхъ, было нарушено въ 1890 г. односторонними дѣйствіями представителей Россіи и Франціи, которые потребовали, чтобы ихъ приняли въ одной изъ залъ собственнаго дворца императора, что было рѣшительно отклонено китайцами. Результатомъ этого разногласія оказалось, что нѣкоторые изъ иноземныхъ пословъ, какъ, напр., Франціи и Испаніи, до сихъ поръ не могли вручить своихъ вѣрительныхъ грамотъ, тогда какъ это удалось вновь назначеннымъ посламъ Англіи, Германіи и Бельгіи и, безъ сомнѣнія, удастся и представителямъ другихъ державъ.

Можно считать ошибкой, когда вызываются столкновенія по поводу вопроса о церемоніалѣ, и еще большей ошибкой падать самолюбіе націи или двора. Въ глазахъ китайцевъ значеніе происходившихъ до сихъ поръ аудіенцій не можетъ быть подвергнуто какому либо сомнѣнію. Для нихъ, привыкшихъ видѣть посланцевъ чужихъ, подвластныхъ имъ, народностей колѣнопреклоненными передъ дверями залы аудіенцій и своихъ собственныхъ высшихъ сановниковъ говорящими съ императоромъ не иначе, какъ стоя на колѣняхъ, достаточно знаменательно, что послы европейскихъ державъ произносятъ стоя свои рѣчи, которыя президентъ министерства иностранныхъ дѣлъ переводитъ императору на манджурскій или придворный языкъ, оставаясь на колѣняхъ. Поэтому вполне неблагоприятно было бы требовать, чтобы это отступленіе отъ тысячелѣтняго церемоніала происходило въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ даже высшіе сановники не входятъ прямо въ тронный залъ, а совершаютъ „котау“ на ступеняхъ лѣстницы и на дворѣ.

Пекинъ, въ особенности зимою, имѣетъ видъ восточнаго города. Длинныя вереницы вьючныхъ верблюдовъ, красивыхъ животныхъ съ двойнымъ горбомъ и длинною косматою шерстью

на головѣ, шеѣ и груди, танутся по улицамъ съ грузомъ извести и угля; повсюду встрѣчаются группы монголовъ въ красныхъ или желтыхъ кафтанахъ, такихъ же шапкахъ и высокихъ кожаныхъ сапогахъ отчасти пѣшкомъ, отчасти на маленькихъ лохматыхъ лошадакахъ или рослыхъ верховыхъ верблюдахъ. Своими манерами, выраженіемъ и цвѣтомъ лица они походятъ на нашихъ молодыхъ деревенскихъ парней, впервые попавшихъ въ большой городъ; подобно этимъ послѣднимъ они легко дѣлаются добычей мошенниковъ, увлекающихъ ихъ въ питейные дома низшаго разбора, напаяющихъ ихъ тамъ и затѣмъ обирающихъ до-чиста. Монгольскія женщины, носящія такой же костюмъ, какъ и мужчины, не исключая даже тяжелыхъ сапогъ, отчасти могутъ назваться красивыми, еслибы не большіе недочеты ихъ относительно опрятности. Голова, уши, косы, шея и грудь увѣшаны у нихъ тяжелыми серебряными украшениями со множествомъ коралловъ, бирюзы и эмали; болѣе зажиточныя замѣняютъ эти камни жемчугомъ, и нерѣдко украшенія монголки представляютъ цѣнность отъ 2.000 до 15.000 марокъ и даже болѣе. Монголы всегда веселы и довольны и простого Mondo-mondo, „добрый день“, обращеннаго къ нимъ, достаточно, чтобы привести цѣлую толпу въ самое лучшее настроеніе. Главной квартирой ихъ служить площадь, расположенная вблизи иностранныхъ посольствъ; тамъ монголы живутъ въ палаткахъ и ведутъ торговлю войлоками, баранами и дичью, которыми они преимущественно снабжаютъ Пекинъ. Вполнѣ своеобразное зрѣлище представляетъ длинный рядъ торжественно выступающихъ верблюдовъ, навьюченныхъ замороженными бараньими тушами или антилопами въ шеурахъ и множествомъ фазановъ.

На главныхъ улицахъ царствуетъ большое оживленіе. Тамъ лавки тѣснятся одна къ другой съ богатой рѣзбой снаружи, выказывающей слѣды прежней позолоты; между ними выдѣляются вновь открытыя лавки, сіяющія блескомъ свѣжихъ красокъ и яркаго золота. На самой улицѣ находится двойной рядъ палатокъ, лавочекъ и открытыхъ прилавковъ, гдѣ продаются всевозможные товары. Въ лавкахъ наиболѣе обширныхъ ведутъ торгъ, по преимуществу, продавцы стараго платья; передъ ними всегда стоитъ нѣсколько подростковъ глупаго вида съ какою нибудь ветошью въ рукахъ, достоинство и цѣну которой они непрерывно выхваляютъ громкими голосами, пока имъ не удастся остановить какого нибудь простака, котораго они въ одинъ мигъ вталкиваютъ въ лавку и затѣмъ, такимъ же образомъ, выпроваживаютъ оттуда. Передъ харчевнями сидятъ многочисленные гости, уничтожающіе кушанья съ мало аппетитнымъ запахомъ или покуривающіе маленькія трубочки за чаш-

кой чай или за чашечкой теплой водки, стоящей въ оловянной кружбѣ на столѣ. Передъ мясными лавками лежатъ нѣсколько барановъ съ перерѣзаннымъ горломъ, между тѣмъ какъ отборные бараны, бараньи головы, курдюки и внутренности развѣшаны въ лавкѣ для привлеченія покупателей. Черезъ два дома отъ мясныхъ—выставки лавокъ, торгующихъ свинойю, украшены длинными гирляндами аппетитныхъ жареныхъ поросятъ; торговля тамъ идетъ бойко, гораздо бойчѣе, чѣмъ у конкурентовъ-магометанъ, такъ какъ кусокъ жирнаго свиного мяса китаецъ цѣнитъ всего выше. Здѣсь же смѣющаяся и шумящая толпа окружаетъ жонглера, который производитъ свои фокусы съ помощью хмурой козы и всклокоченной обезьяны съ красными и синими сѣдалищными мозолями. Недалеко отсюда сидитъ свазочникъ на низкой скамеечкѣ, а около него сидятъ на корточкахъ внимательные слушатели, которымъ онъ рассказываетъ исторію битвъ между тремя царствами или излагаетъ отрывки изъ какаго нибудь романа, не предназначеннаго для юношества; онъ только что дошелъ до самаго интереснаго мѣста, что возвѣщается ударомъ другъ о друга двухъ кусковъ дерева; затѣмъ онъ хватается за чайникъ, стоящій около него, и, пока онъ наливаетъ себѣ чашку чая и какъ нельзя медленнѣе тянетъ ее, маленькій мальчикъ ходитъ среди его слушателей и собираетъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ, которыя тѣ удѣляютъ ему.

Замѣчательно, что въ уличной толпѣ женщинъ встрѣчается очень мало; немногія попадающіяся женщины принадлежатъ, по большей части, къ низшимъ классамъ; лишь изрѣдка можно увидѣть хорошо одѣтую манджурку съ трубкой въ рукѣ, сопровождаемую служанкой, осторожно пробирающеюся въ своей обуви на высокихъ подошвахъ между многочисленными лужами. Женщины высшихъ классовъ, вообще, никогда не появляются въ публикѣ; онѣ отправляются въ лавки только передъ новымъ годомъ или изрѣдка посѣщаютъ базары. Для своихъ посѣщеній онѣ пользуются экипажемъ или собственнымъ, сопровождаемымъ обыкновенно однимъ или нѣсколькими слугами верхомъ, или же наемнымъ, который можно найти на каждомъ углу улицы, какъ наши дрожки. Извозчики изъ-за каждаго сѣдока вступаютъ между собою въ ожесточенныя скватки, возбуждающія въ послѣднемъ только желаніе уйти по добру по здорову и не быть сбитымъ съ ногъ или ушибленнымъ оглоблями.

Непочтительнаго отношенія къ женщинамъ мнѣ никогда не приходилось наблюдать, но зато я не разъ видалъ крикливыхъ есантипъ, пользовавшихся улицей для разъясненія своихъ домашнихъ или иныхъ несогласій. Я никогда не забуду

спены, хотя нѣсколько и въ иномъ родѣ, видѣнной мною тамъ. По одной изъ главныхъ улицъ проходила дама съ маленькими ногами, т. е. китаянка, повидимому, изъ знатной семьи, такъ какъ за нею ѣхалъ собственный экипажъ съ двумя верховыми служителями; молодая женщина упала ницъ, коснувшись лбомъ до земли, поднялась съ помощью хорошо одѣтой служанки, сопровождавшей ее, прошла нѣсколько шаговъ, вернулась къ тому же мѣсту и повторила тотъ же обрядъ; оказалось, что во время болѣзни своихъ родителей она дала обѣщаніе—въ случаѣ ихъ выздоровленія посѣтить нѣсколько храмовъ въ столицѣ и выразить свою признательность божествамъ въ указанной формѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что только иноземцы, къ своему стыду, останавливались и разглядывали молодую женщину, тогда какъ китайцы, съ истиннымъ тактомъ, дѣлали видъ, что не замѣчаютъ ее. Рѣже встрѣчаются мужчины, проходящіе такимъ же способомъ большія пространства, иногда даже сотни миль; нѣкоторые надѣваютъ при этомъ красное платье преступниковъ и влечутъ за собою тяжелыя цѣпи. Въ окрестностяхъ Пекина, около знаменитаго Мiao-фенгсхана находится отвѣсная скала въ 60 футовъ высотой, съ которой ежегодно нѣсколько человѣкъ свержаются внизъ въ исполненіе своихъ обѣтовъ. Старому буддистскому служителю храма Та-хiaoсе, вблизи котораго нѣмецкое посольство обыкновенно проводитъ лѣто, описываемый ужасный обычай весьма не нравился, какъ не согласный съ предписаніями буддизма; это духовное лицо весьма затруднялось объясненіемъ его. Когда его принуждали къ тому, оно обыкновенно говорило: „Кто съ чистой душой приступаетъ къ исполненію добраго обѣта, тотъ отдѣляется только легкимъ поврежденіемъ, а кто ищетъ удовлетворенія одной лишь суетной славы, тотъ навѣрно ломаетъ себѣ шею“.

Пекинъ не безъ основанія считается городомъ дурныхъ запаховъ, безконечной пыли и невыразимой грязи. Зимой, когда температура ночью падаетъ до 15° Ц. ниже нуля и опускается даже еще больше и не происходитъ уже никакихъ атмосферныхъ осадковъ, городъ все-таки обволакиваетъ облако пыли, которое, быть можетъ, дѣйствуя дезинфицирующимъ образомъ, на улицѣ тѣмъ не менѣе всегда производитъ неприятное дѣйствіе. Когда весной бываютъ бури, приносящія тучи пыли съ монгольскаго плоскогорья, а, быть можетъ, и изъ пустыни Гоби, тогда всѣ нижніе слои воздуха какъ будто превращаются въ желтоватобурю прозрачную массу, которая совершенно скрываетъ солнце, и мельчайшія частички которой проникаютъ повсюду, въ нѣсколько минутъ покрывая все толстымъ слоемъ тонкаго песка. Въ серединѣ лѣта, когда небо открываетъ свои

шлюзы, пыль превращается въ липкую черную грязь; по улицамъ и переулкамъ несутся ручьи и текутъ рѣки, дворы и сады превращаются въ пруды и озера, и всѣ сообщенія совершенно прерываются. Перейти улицу въ это время — не легкая задача, доступная лишь особенно мужественнымъ людямъ, причемъ сапоги и панталоны подвергаются значительной опасности. Дворъ Тсунгли-Ямень (министерства иностранныхъ дѣлъ) приходится переходить по мосткамъ, положеннымъ на козлахъ, и даже въ иностранныхъ посольствахъ обращаются къ подобнымъ же средствамъ сообщенія. Если съ верхней части улицы экипажъ спускается въ нижнюю, то не рѣдко бываетъ, что сидящіе въ немъ тонуть прежде, чѣмъ имъ можетъ быть подана помощь. Сообщение между городомъ и окрестностями, а иногда и между отдѣльными частями города, часто прерывается на нѣсколько дней.

Но какъ же живутъ въ Пекинѣ иностранцы, которыхъ тамъ не болѣе 200 или 300 среди, по крайней мѣрѣ, 5—600,000 мѣстнаго населенія? Изъ приведеннаго числа чужеземцевъ прежде всего слѣдуетъ исключить католическихъ и протестантскихъ миссіонеровъ, живущихъ въ своемъ кружкѣ и для себя, и весьма рѣдко соприкасающихся съ другими кругами иностранной колоніи Пекина. Послѣдняя состоитъ изъ членовъ иностранныхъ посольствъ и чиновниковъ главнаго таможеннаго надзора для товаровъ, ввозимыхъ, вывозимыхъ или провозимыхъ мимо на судахъ чужеземной постройки. О личномъ составѣ посольствъ мы говорить не будемъ, такъ какъ онъ ничѣмъ не отличается отъ посольствъ другихъ столицъ и резиденцій. Что касается иностранныхъ чиновниковъ, находящихся на китайской таможенной службѣ, то они заслуживаютъ величайшей похвалы во всѣхъ отношеніяхъ, въ особенности стоящій уже около 30 лѣтъ во главѣ ихъ сэръ Робертъ Гартъ, личнымъ дѣломъ котораго можно назвать созданіе и поддержаніе международнаго учрежденія, не имѣющаго во всемъ свѣтѣ себѣ равнаго. Но, признавая вмѣстѣ со всѣми заслуги упомянутаго сэра Гарта, мы должны воздать не меньшую похвалу китайскому правительству, которое относилось съ неизмѣннымъ довѣріемъ къ названному учрежденію и воздерживалось отъ всякаго вмѣшательства во внутреннее управленіе его. Благоприятный результатъ дѣятельности послѣдняго долженъ быть приписанъ совмѣстному дѣйствию обоихъ указанныхъ элементовъ.

Въ пыльной пустынѣ и въ грязномъ морѣ Пекина дома иностранныхъ посольствъ, домъ сэра Роберта Гарта, и жилища другихъ чужеземцевъ, находящихся, за немногими исключеніями, одна около другаго на разстояніи нѣсколькихъ минутъ ходьбы, составляютъ тѣнистые оазисы, неохотно оставляемые

обитателями и производящіе на усталыхъ запыленныхъ и измученныхъ зноемъ путешественниковъ, посѣщающихъ Пекинъ, весьма благопріятное впечатлѣніе. Между этими отдѣльными пунктами существуетъ оживленное общеніе, которое осенью и зимою выражается въ формѣ большихъ и малыхъ обѣдовъ, танцевальныхъ собраній, баловъ и даже маскарардовъ. Была зима, когда Пекинъ насчитывалъ до 26 танцующихъ дамъ; нѣкоторыя изъ нихъ, правда, находились въ возрастѣ, который въ другихъ мѣстахъ заставлялъ бы смотрѣть на нихъ какъ на балльныхъ маменекъ, но это не мѣшало веселиться ни имъ самимъ, ни ихъ кавалерамъ. Во время лѣтнихъ мѣсяцевъ всѣ, кому можно покинуть столицу, переселяются въ горы, лежащія на высотѣ отъ 2 до 4 тысячъ футовъ, на разстояніи 4—7 часовъ отъ города.

Лѣтнее помѣщеніе можно найти въ пристройкахъ большихъ храмовъ и можно пользоваться тамъ вполне здоровою жизнью, проводя почти все время на открытомъ воздухѣ и наблюдая много интереснаго, хотя при этомъ и приходится терпѣть отъ москитовъ и отъ другихъ летающихъ и ползающихъ тварей. Когда, около половины или середины августа, дождливое время заканчивается, превосходная погода манитъ къ болѣе или менѣе отдаленнымъ поѣздкамъ, что можетъ продолжаться до конца октября, когда самые поздніе дачники возвращаются въ городъ.

Климатъ Пекина вполне континентальный; находясь на широтѣ Неаполя и Лиссабона, Пекинъ отличается очень холодной зимою и очень жаркимъ лѣтомъ. Зима безъ сомнѣнія можетъ быть названа самымъ лучшимъ временемъ года; снѣгъ выпадаетъ рѣдко и въ небольшомъ количествѣ; за исключеніемъ этихъ немногихъ снѣжныхъ дней почти всегда сухо, и солнце непрерывно сіяетъ на вѣчно голубомъ небѣ. Такой зимой не пользуются ни Ривьера, ни какая либо другая страна. Въ маѣ тепло обыкновенно наступаетъ вдругъ, но даже и въ іюнѣ еще довольно сносно, и только въ іюлѣ жара становится неприятной. Но такъ какъ дома рассчитаны на такую жаркую погоду, имѣя повсюду широкія веранды, занавѣси изъ циновокъ и жалюзи, и окна и балконы открываются только между солнечнымъ закатомъ и восходомъ, то въ домахъ удается по большей части поддерживать температуру въ 21—22° Р. Неприятно только, какъ это случается обыкновенно черезъ каждые 5—6 лѣтъ, когда періодъ дождей совпадаетъ съ періодомъ сильнѣйшаго жара и облачности. Тогда приходится въ теченіе нѣсколькихъ недѣль почти въ буквальномъ смыслѣ слова париться днемъ при температурѣ 31° Р., а ночью 28 Р., впрочемъ это не считается нездоровымъ, а только признается неудобнымъ. Послѣ того, какъ проходятъ эти ужасные дни, ко-

торыя продолжаютъ четыре недѣли и наступленіе и окончаніе которыхъ предсказываются китайцами съ непогрѣшимой точностью, ночи становятся уже прохладнѣе и пріятнѣе. Сентябрь и октябрь не оставляли бы желать ничего лучшаго, если бы, къ несчастью, они не были самыми нездоровыми и не вызывали бы маляріи. Покуда обширная равнина покрыта водою, она не выдѣляетъ никакихъ вредныхъ испареній; только когда солнце начинаетъ нагрѣвать высыхающую почву, начинаютъ обнаруживаться неблагоприятныя вліянія; впрочемъ, отъ нихъ страдаютъ лишь люди недостаточно осторожныя, и въ Европѣ можно найти многія мѣста, по справедливости пользующіяся худшей славой, чѣмъ Пекинъ.

Что касается до сношеній съ Европой, то письма идутъ оттуда 42—50 дней, а зимою на десять дней дольше: тогда водное сообщеніе отъ Шанхая прерывается замерзаніемъ Пейхо, и письма доставляются по сухому пути, на что уходитъ 12—18 дней. Но и это имѣетъ свою выгоду, такъ какъ не приходится пересматривать множество ежедневныхъ газетъ и можно узнать по телеграфу объ окончаніи какого нибудь кризиса прежде, чѣмъ дошло извѣстіе о началѣ его.

Вообще, о Пекинѣ я могу сказать то же, что сказала о немъ одна дама на основаніи собственнаго опыта: „Туда пріѣзжаешь со слезами, но со слезами же и выѣзжаешь оттуда“.

V

Германія и Китай

Когда прусская экспедиція въ восточную Азію, подъ предводительствомъ графа Эйленбурга, въ 1861 г. прибыла въ Китай, Германія была тамъ совершенно неизвѣстна; для чиновниковъ иностранныхъ державъ и даже для лицъ нѣмецкаго происхожденія она была географическимъ понятіемъ, которое для каждаго заключало въ себѣ то, что онъ желалъ видѣть въ немъ. Въ открытыхъ гаваняхъ Китая можно было найти нѣсколько нѣмецкихъ фирмъ, владѣльцы которыхъ, какъ этого и должно было ожидать, утратили болѣе или менѣе чувство своей національности и охотно отдавались чуждому, по большей части англійскому, покровительству, которое имъ оказывалось изъ милости. Правда, тамъ было нѣсколько торговыхъ консульскихъ представителей Пруссіи и ганзейскихъ гороховъ, но такъ какъ существованіе ихъ не было признано какимъ либо договоромъ съ Китаемъ, то они не могли имѣть притязаній даже на то скромное уваженіе, какимъ, быть можетъ пользо-

вались ихъ собратья, оффиціальныя консулы другихъ великихъ державъ. Въ личномъ отношеніи нѣмецкій купецъ, какъ добросовѣстный торговецъ, пользовался извѣстнымъ почетомъ; правда, онъ не считался въ числѣ „merchant princes“, которые, въ теченіе десятилѣтій, господствовали въ торговлѣ съ Китаемъ, но звѣзда которыхъ начинала уже въ то время меркнуть; тѣмъ не менѣе большая солидность спасала германскаго негодяя отъ превратностей судьбы, которая вскорѣ должны были поразить его англійскихъ и американскихъ друзей. И въ судоходномъ сообщеніи Германія играла немаловажную роль, въ особенности на китайскомъ берегу, гдѣ нѣмецкія парусныя суда предпочитались многимъ другимъ. Однако эти суда носили на себѣ около полудюжины различныхъ флаговъ—ганзейскій, прусскій, мекленбургскій, ольденбургскій и шлезвиг-голштейнскій, а также и датскій. Корабли являлись подъ всѣми этими флагами, и нужны были особыя выдающіяся событія, какъ, напр., появленіе прусской экспедиціи и эскадры, чтобы напомнить нѣмцамъ о принадлежности ихъ къ одной націи, достаточно великой и могущественной для оказыванія защиты и покровительства всѣмъ своимъ отдѣльнымъ племенамъ.

Въ 1875 г. 329 германскихъ судовъ въ 121.555 тоннъ принимали участіе въ вывозѣ и ввозѣ между Китаемъ и иностранными портами, и въ то же время 1248 судовъ въ 439.962 тонны были заняты береговой торговлей. Въ это время въ Китаѣ, за исключеніемъ Гонконга, находились 52 германскихъ фирмы и 367 нѣмцевъ на постоянномъ жительствѣ.

Въ 1892 г. 974 германскихъ корабля въ 746,306 тоннъ принимали участіе въ сношеніяхъ съ иностранными портами, 1042 судна въ 719,927 тоннъ — въ береговой торговлѣ, и въ Китаѣ находилось 78 германскихъ фирмъ и 732 нѣмца на постоянномъ жительствѣ.

Предыдущія цифры не даютъ яснаго понятія о пониженіи вещей, такъ какъ при этихъ сопоставленіяхъ, съ одной стороны, Гонконгъ причисляется къ иностраннымъ портамъ, а съ другой значительная роль, которую нѣмцы во всѣхъ отношеніяхъ играютъ въ этомъ городѣ, вовсе не обнаруживается; тѣмъ не менѣе эти цифры, по крайней мѣрѣ, приблизительно указываютъ, что участіе Германіи въ сношеніи съ Китаемъ возросло весьма замѣтно, хотя это можно сказать въ большей степени о сношеніяхъ между Китаемъ и иностранными портами, чѣмъ о береговой торговлѣ. Послѣдній фактъ указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, гдѣ именно заключается погрѣшность Германіи и гдѣ она должна выступать съ удвоенной силой, если не желаетъ быть вытѣсненной изъ подобающаго ей положенія.

Нѣмецкіе судовладѣльцы слишкомъ замедлили переходомъ

отъ парусныхъ судовъ къ паровымъ и тѣмъ дали своимъ соперникамъ преимущество, котораго имъ до настоящаго времени еще не удалось наверстать. Они еще не освоились съ мыслью, что мы живемъ въ вѣѣ союзовъ и что судовладѣльцы, соединяясь между собою, становятся сильнѣе, чѣмъ каждый въ отдѣльности. Такимъ образомъ, нѣмецкія суда уже изъ нѣсколькихъ гаваней вытѣснены англійскими обществами и въ виду значительной силы, представляемой капиталами этихъ обществъ, будетъ трудно, если не вовсе невозможно, возратить утраченное. Наконецъ, что также не маловажно, нѣмецкіе судостроители не отдавали должнаго вниманія условіямъ мореходства и просмотрѣли, что только тѣ суда, которыя посвящаютъ себя постоянному пребыванію въ китайскихъ водахъ, обезпечиваютъ для себя въ нихъ постоянную работу.

Все это повело къ тому, что часть сношеній, которая могла бы быть дѣломъ германскихъ судовъ, досталась флагамъ, прежде почти неизвѣстнымъ у китайскихъ береговъ. Въ 1875 г. въ мореходныхъ сношеніяхъ съ Китаемъ и у береговъ его принимали участіе подъ датскимъ флагомъ 196 судовъ въ 57.087 тоннъ, подъ шведско-норвежскимъ — 88 судовъ въ 26.442 тонны, подъ австрійскимъ—10 судовъ въ 1.938 тоннъ. Въ 1892 г. подъ датскимъ флагомъ было 380 судовъ въ 164.781 тоннъ, подъ шведско-норвежскимъ — 260 судовъ въ 139.255 тоннъ, подъ австрійскимъ — 610 въ 639.744 тонны.

Этотъ излишекъ почти въ 850.000 тоннъ могъ бы достаться нѣмецкимъ судамъ, еслибы судовладѣльцы съ должнымъ вниманіемъ отнеслись къ положенію китайской торговли. Тѣмъ не менѣе несправедливо было бы не признать значительные успѣхи, сдѣланные въ Китаѣ германской торговлей и германскимъ судоходствомъ въ послѣдніе 30 лѣтъ.

Германскій банкирскій домъ и пользующаяся субсидіей отъ правительства германская почтовая пароходная линія достигли уже благопріятныхъ результатовъ и выказываютъ полную способность къ дальнѣйшему развитію. Въ то же время посольство въ Пекинѣ, генеральное консульство въ Шанхаѣ, три консульства и два вице-консульства на жалованьи и чиновники, занимающіеся въ Формозѣ въ качествѣ коммисіонеровъ, служатъ представителями германскихъ правъ и интересовъ передъ центральнымъ управленіемъ и провинціальными учрежденіями Китая.

Главная заслуга этого успѣшнаго развитія принадлежитъ прежде всего безусловно императору Вильгельму I, который, будучи еще принцемъ-регентомъ прусскимъ, принялъ на себя инициативу отправленія прусской экспедиціи и заключенія трактатовъ съ восточно-азіатскими державами; дальнѣйшая заслуга

принадлежить князю Бисмарку и министерству иностранныхъ дѣлъ, старавшемуся въ теченіе многихъ лѣтъ о распространеніи и укрѣпленіи сношеній Германіи съ восточной Азіей. Крупныя политическія событія послѣднихъ десятилѣтій также существенно содѣйствовали къ созданію и поддержанію положенія, занимаемаго германцами въ Китаѣ. Однако всѣхъ этихъ причинъ было бы недостаточно, еслибы германскіе торговцы и промышленники не сумѣли покорить шагъ за шагомъ спорную область и утвердиться въ ней.

Впрочемъ, нельзя не отмѣтить съ признательностью развитіе самаго Китая въ теченіе указаннаго времени; еслибы спокойствіе и порядокъ громадной имперіи не были возстановлены, всѣ усилія торговаго сословія, безъ сомнѣнія, оказались бы тщетными. Въ Европѣ слишкомъ мало знаютъ, чтобы судить по достоинству о томъ, что было достигнуто китайскимъ правительствомъ. Съ 1850 г. возстаніе длинноволосыхъ мятежниковъ Чангъ-мао, которыхъ мы обыкновенно называемъ тайпингами, опустошило всю область къ югу отъ Янгъ-тце и часть провинцій, лежащихъ къ сѣверу отъ этой рѣки; лишь въ 1866 г. правительство могло вполне возвратитъ себѣ власть надъ этими областями. Съ 1851 до 1868 г. мятежники разорали огнемъ и мечомъ сѣверную часть Китая до самыхъ стѣнъ Тьентсина; въ Юнанѣ въ 1855 г. вспыхнуло магометанское возстаніе, которому лишь въ 1873 г. былъ положенъ конецъ взятіемъ въ плѣнъ султана Талифу. Другое магометанское возмущеніе продолжалось съ 1862 г. въ Шензи, Канзу, Или, Кашгаріи и западной Монголіи и повело къ основанію Монгольскаго царства подъ властью Якубъ-хана; оно было подавлено только въ 1878 г. Тсо-тсунгъ-тангомъ. Таково было положеніе Китая, когда, послѣ взятія и очищенія Пекина осенью 1860 г. англійскими и французскими войсками, императоръ Хсиеньфонгъ, сбѣжавшій въ Тэхоль, умеръ тамъ въ августѣ 1861 г. Регентство во время малолѣтства императора Тунгъ-чи досталось въ руки людей, на которыхъ лежала вина въ неудачной политикѣ покойнаго и которые, противоположно совѣтамъ болѣе вѣрныхъ слугъ, убѣдили его оставить столицу. Большія сомнѣнія высказывались относительно подлинности акта, которымъ было утверждено регентство; когда члены послѣдняго, послѣ нѣкотораго промедленія, рѣшились вернуться въ Пекинъ вмѣстѣ съ трупомъ покойнаго и съ молодымъ императоромъ, обѣ императрицы, вдова умершаго и мать его преемника, а также и братья перваго, принцы Тунъ, Кунгъ и Чунъ, воспользовались благоприятной минутой, чтобы свергнуть регентовъ и самимъ заступить ихъ мѣсто. Въ этомъ предпріятіи, выполненномъ столь же быстро, сколько и рѣшительно, они встрѣтили

поддержку всѣхъ выдающихся людей Пекина. Регенты были арестованы; одинъ изъ нихъ, сопровождавшій тѣло покойнаго императора, былъ представленъ собственноручно принцемъ Чуномъ на судъ; двое были приговорены къ лишенію себя жизни, а одинъ къ публичной казни, другіе — къ лишенію должностей и чиновъ съ правомъ остаться въ своихъ семьяхъ. Въ нѣсколько дней, отъ 1-го до 8-го ноября 1861 г., все это дѣло было закончено; обѣ императрицы, первая, восточная, вдовствующая императрица, и вторая, западная, императрица-мать, сдѣлались регентшами до совершеннолѣтія юнаго императора, а принцъ Кунгъ былъ назначенъ ихъ первымъ совѣтникомъ. Принцъ Тунъ, въ качествѣ веселаго, беззаботнаго человѣка, „принца вина“, какъ его называли въ Пекинѣ, и принцъ Чунъ, какъ слишкомъ молодой, не получили никакого замѣтнаго участія въ правленіи.

Императрица-мать, которой было тогда 27 лѣтъ, была несомнѣнно душою всего правительства; она пользовалась славой умной и энергичной женщины и вполне подтвердила ее на дѣлѣ. Ей удалось, сперва въ союзѣ съ вдовствующей императрицей и принцемъ Кунгомъ, а затѣмъ уже безъ ихъ помощи, послѣ многолѣтней борьбы возстановить спокойствіе страны въ большей степени, чѣмъ оно когда либо господствовало тамъ, и вывести Китай, на сколько это отъ нея зависѣло, на путь прогресса. Всегда, когда было возможно представить какое либо дѣло на разрѣшеніе императрицы-матери, можно было сказать съ увѣренностью, что оно будетъ рѣшено самымъ правичнымъ и разумнымъ образомъ. Эта высокопоставленная женщина была несомнѣнно одною изъ самыхъ способныхъ и удачныхъ правительницъ, когда либо занимавшихъ престолъ; благопріятное сужденіе о ней подтверждалось всѣми китайскими государственными людьми, со взглядами которыхъ я имѣлъ случай ознакомиться.

Когда весной 1875 г. сынъ ея умеръ, императрица-мать вновь имѣла случай обнаружить свою энергію. Императоръ не оставилъ законныхъ наслѣдниковъ; у него не было даже пріемнаго сына, и въ правительственныхъ кругахъ господствовало полное недоумѣніе и смущеніе. Тогда императрица-мать отправилась во дворецъ своего зятя, принца Чуна, взяла оттуда старшаго сына его жены, своей сестры, и посадила его на опустѣвшій тронъ. Правда, приверженцы старины сильно покачивали своими мудрыми головами, такъ какъ новый императоръ принадлежалъ къ тому же поколѣнію, какъ и его предшественникъ, и не могъ приносить послѣднему установленныхъ жертвъ; однако хотя бездѣтность нынѣшняго императора Квангъ-хсю доставляетъ существенное затрудненіе вопросу о

престолонаслѣдіи съ государственной и семейной точекъ зрѣнія, имперія до сихъ поръ еще не имѣла случая жаловаться на сердечный порывъ императрицы-матери.

Эта замѣчательная женщина была правительницей во время малолѣтства двухъ императоровъ, и можно сказать съ увѣренностью, что она и послѣ совершеннолѣтія своего племянника продолжаетъ оказывать рѣшительное вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ. Какова, въ дѣйствительности, ея роль никогда не будетъ извѣстно съ достовѣрностью, такъ какъ регентши остаются „за кулисами“, т. е. предполагается, что онѣ, не будучи видими сами, присутствуютъ тайно при аудіенціяхъ императора и затѣмъ даютъ ему соотвѣтственные совѣты. Во всякомъ случаѣ Китай и другія государства, связанныя съ нимъ общими интересами, должны быть признательны ей и слѣдуетъ желать, чтобы ея опытность и энергія и далѣе служили императору совѣтомъ и помощью.

Быть можетъ, найдутся недовольные, которые будутъ утверждать, что не похвально было прикрывать изъяны китайскаго чиновничества, но всегда должно быть важно для насъ видѣть китайцевъ въ отдѣльности и въ совокупности такими, каковы они есть, а не такими, какъ ихъ обыкновенно представляютъ—закоренѣлыми философами, которые уже въ теченіе 3000 лѣтъ ничему не научились и ничего не забыли, или же идолами съ качающимися головами и руками. Кстати, сколько эти идолы стоили мнѣ чернилъ и досады. Каждый добрый пріятель и каждая любезная пріятельница непременно хотѣли имѣть настоящую китайскую куклу, и когда я писалъ имъ, что чудовища, изобрѣтаемыя саксонскими формовщиками, никогда не изготовляются въ Китаѣ, то, въ концѣ концовъ, меня всегда обвиняли въ неучтивости или въ лѣни, препятствовавшихъ исполненію давно желѣаннаго желанія.

Страна, обнимающая третью часть обитаемаго пространства Азіи и насчитывающая по меньшей мѣрѣ двѣсти восемьдесятъ милліоновъ жителей, есть весьма замѣтный факторъ въ исторіи человѣческаго рода, и мы имѣемъ достаточно основаній желать ознакомиться съ нею какъ можно точнѣе въ ея настоящемъ видѣ, а не въ томъ, въ какомъ мы привыкли ее представлять себѣ. Впрочемъ, еще не слишкомъ давно положеніе дѣлъ въ Европѣ во многомъ напоминало Китай, когда чины и должности продавались тѣмъ, кто ихъ просилъ, и, вслѣдствіе своей продажности, употреблялись всѣми, кто ихъ могъ добыть къ возможно скорому обогащенію, когда канцлеры многихъ европейскихъ державъ получали отъ иностранныхъ правительствъ, наряду съ значительными денежными подарками, постоянные пенсіоны ради уступчивости желаніямъ сосѣдей. Мы

не должны удивляться, что въ Китаѣ, по крайней мѣрѣ, относительно продажности многихъ должностей, пользованія ими для личныхъ выгодъ и подкупности чиновниковъ, мы видимъ то же, что было въ Европѣ лѣтъ около ста тому назадъ. И въ Китаѣ нѣтъ недостатка въ честныхъ и достойныхъ довѣрія чиновникахъ, которые, занимая высшія государственныя мѣста, остаются бѣдными и которыхъ даже клевета никогда не касалась. Но большинство, конечно, не въ силахъ устоять передъ искушеніемъ, благодаря скудному, недостаточному содержанію, необходимости заботиться о себѣ и о своей семьѣ и тому обстоятельству, что многія должности въ нѣкоторомъ родѣ находятся на откупѣ, т. е. лишь извѣстныя суммы, получаемыя тамъ, должны быть представлены въ государственную кассу, а излишекъ принадлежитъ занимающему эту должность. Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что уже 3000 лѣтъ тому назадъ въ Китаѣ многое было таковымъ, каково оно и теперь, и это не можетъ не наводить на мысль, что дѣламъ слѣдовало бы идти по другому пути. Если приходится слышать о назначеніи знакомаго на какой нибудь постъ, въ особенности на постъ таможеннаго тао-тая, то китаецъ, сообщающій эту новость, съ видимой завистью прибавляетъ, что это мѣсто приноситъ ежегодно отъ 10.000 до 300.000 таблей, другими словами, занимающій его такую сумму ежегодно кладетъ въ свой карманъ, не встрѣчая никакихъ препятствій снизу или сверху, если только онъ исполняетъ другія стороны своихъ обязанностей, не угнетаетъ народъ свыше допускаемой мѣры, не докучаетъ правительству какими либо вымогательствами или жестокостями, грозящей различными затрудненіями. Жить и давать жить другимъ есть любимое правило Китая, дающее всѣмъ, за исключеніемъ отдѣльныхъ случаевъ, возможность чувствовать себя какъ нельзя лучше. Но совершенно несправедливо было бы отвергать у китайскихъ чиновниковъ трудолюбіе и дѣловитость; у нашихъ чиновниковъ высшихъ и низшихъ волосы стали бы дыбомъ, еслибы ихъ принуждали исполнять только часть той работы, какая лежитъ на плечахъ въ особенности высшихъ китайскихъ сановниковъ.

Содержаніе „Пекинской газеты“ часто кажется необычайнымъ. То какой нибудь губернаторъ сообщаетъ о чудѣ, совершенномъ богомъ войны во исполненіе просьбы населенія какого нибудь города, просившаго это божество въ его храмъ о помощи; чудо заключалось въ томъ, что божество появилось въ сопровожденіи многочисленныхъ воиновъ на стѣнѣ города, осажденнаго мятежниками, и привело осаждавшихъ въ такой ужасъ, что они искали спасенія въ поспѣшномъ бѣгствѣ; получивъ это извѣстіе, императоръ отправляетъ въ храмъ божества доску

съ почетной надписью. То какойнибудь префектъ передаетъ просьбу знатныхъ лицъ своего округа наградить почетнымъ титуломъ или повысить въ чинѣ мѣстное божество или фею, оказавшихъ помощь во время засухи. Въ другомъ мѣстѣ, при наводненіи, драконъ, живущій въ рѣкѣ, появился въ видѣ маленькой змѣйки, которая была перенесена въ торжественной процессіи въ ближайшій храмъ, и которой провинціальныя чиновники воздавали поклоненіе, занимая ее въ то же время театральными представленіями.

Въ Китаѣ вѣрятъ, что изъ лягушечьей икры появляется безчисленное множество саранчи (суевѣріе индійскаго происхожденія); крупновскимъ пушкамъ за неопѣвенныя услуги, оказанныя ими при новомъ покореніи Кашгаріи, тамъ воздвигнутъ храмъ. Еще въ 1891 г. генераль-губернаторъ Манчжуріи извѣщалъ, что ружья и пушки его войскъ не могли стрѣлять, потому что были заколдованы мятезниками, и что потери послѣднихъ возмѣщались людьми, сдѣланными изъ бумаги и оживленными волшебными средствами.

Въ Китаѣ бумажные люди летаютъ по воздуху и обрѣзываютъ косы, и миссіонеровъ тамъ преслѣдуютъ и умерщвляютъ за то, что они покищаютъ глаза у умершихъ съ цѣлью приготовленія элексира, изъ котораго можно дѣлать золото. Однако развѣ эти повѣрья отличаются многимъ отъ тѣхъ, которыя распространены даже въ западной Европѣ среди простаго народа, еще продолжающаго вѣрить и въ колдовство, и въ леченіе волшебными средствами? Развѣ прошло многимъ болѣе столѣтъ съ того времени, какъ въ Германіи была сожжена послѣдняя вѣдьма, и развѣ въ новѣйшее время различныя преслѣдованія евреевъ не показываютъ на какой невысокой ступени стоитъ образованіе низшихъ классовъ западно-европейскихъ странъ? Китайское суевѣріе даже менѣе опасно и безнравственно, чѣмъ европейское, такъ какъ оно обращается противъ личности лишь въ томъ случаѣ, когда къ нему примѣшивается расовая ненависть; обыкновенно оно довольствуется обожаніемъ героевъ, поклоненіе которымъ давно уже составляетъ тамъ неотъемлемую часть народныхъ вѣрованій.

Недавно Чезаре Ломброзо, отчасти основываясь на женскихъ типахъ Захеръ-Мазоха, добросовѣстно старался доказать низшій уровень женскаго пола сравнительно съ мужскимъ. Въ этомъ отношеніи китайцы опередили его почти на 3000 лѣтъ. Впрочемъ, какъ обыкновенно бываетъ на свѣтѣ, практика ежедневной жизни весьма мало заботится о почтенныхъ теоріяхъ старыхъ философовъ и ихъ толкователей, проникнутыхъ ненавистью къ женщинѣ. Въ Китаѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, „вѣчно женственное“ играетъ выдающуюся роль и въ хоро-

шеть, и въ дурномъ смыслѣ, и мы будемъ недалеко отъ истины, если скажемъ, что, по крайней мѣрѣ, въ домашней жизни и въ непосредственной сферѣ своего вліянія, китайская женщина пользуется такими же правами, какъ женщина въ Европѣ и Америкѣ. Обычай держать наложницъ не имѣетъ существеннаго значенія; число домовъ, въ которыхъ можно найти послѣднихъ, всегда сравнительно не велико, и, кромѣ того, законъ и нравы даютъ такое преимущество законной женѣ, что ея владычество можно считать почти неограниченнымъ. Безъ сомнѣнія, это правило не обходится безъ исключеній, но послѣднія можно встрѣтить и тамъ, гдѣ наложницы не признаются закономъ.

Предыдущія поясненія указываютъ намъ, что, при всѣхъ видимыхъ отличіяхъ китайской жизни отъ нашей, на самомъ дѣлѣ она покоится на тѣхъ же основаніяхъ, на какія опирается и наша личная или государственная жизнь или по крайней мѣрѣ опиралась еще въ весьма недавнее время. Политическіе и экономическіе вопросы, волнующіе насъ, захватываютъ и въ Китаѣ интересы народа и правительства; они могутъ иначе выражаться, или для рѣшенія ихъ могутъ избираться другіе пути, чѣмъ у насъ, но въ общемъ дѣло идетъ все о тѣхъ же вопросахъ — объ установленіи благоприятнаго торговаго баланса, о покровительствѣ народному труду, о заботѣ, отдаваемой земледѣлію, о защитѣ отъ завистливыхъ и жадныхъ сосѣдей и объ отстаиваніи своихъ интересовъ за границей. Въ одномъ отношеніи китайцы, несомнѣнно, насъ опередили. Имъ не извѣстны утомительныя, часто излишнія и всегда почти вредныя, пререканія въ прессѣ и народномъ представительствѣ съ сопровождающими ихъ оскорбленіями, травлей и неразрывно связанными съ ними обращеніями общественнаго мнѣнія на ложный путь. Подобная борьба въ Китаѣ никогда не выступаетъ на поверхность; отчетъ генераль-губернатора или главнаго лица въ министерствѣ, постановленія цензора, императорскій указъ, быть можетъ, созваніе верховнаго совѣта, состоящаго изъ принцевъ и высшихъ сановниковъ столицы, представляютъ собою пузыри, поднимающіеся на поверхность, пока рѣшеніе императора, часто совершенно неожиданное, не распутаетъ вопроса. Но было бы ошибочно считать китайскій образъ правленія вполне автократическимъ; императоръ и его совѣтники такъ опутаны старинными философскими началами, прецедентами и обычаями, что они менѣе свободны въ своихъ рѣшеніяхъ, чѣмъ глава какаго либо европейскаго государства, находящійся въ сѣтяхъ конституціи. Въ Китаѣ нѣтъ прессы; нѣсколько газетъ, выходящихъ тамъ въ настоящее время, имѣющихъ каждая не болѣе тысячи подписчиковъ, редактируются

иностранцами и представляют скорѣе возрѣнія этихъ послѣднихъ, чѣмъ китайцевъ. „Пекинская газета“, выходящая ежедневно въ рукописномъ и въ печатномъ видѣ, несмотря на то, что китайскій правительственный Указатель ведетъ свое начало отъ VIII вѣка по Р. Х., содержитъ лишь придворныя извѣстія, указы и отчеты; роль, какую въ другихъ странахъ играетъ пресса, здѣсь принадлежитъ инспекторамъ, обязаннымъ доводить до свѣдѣнія императора обо всемъ, что случается или заслуживаетъ вниманія въ назначенныхъ имъ границахъ. Вообще инспекторы, въ особенности низшихъ степеней, не пользуются хорошей славой и часто подвергаются обвиненіямъ въ злоупотребленіяхъ въ пользу свою или своихъ друзей. Нельзя отрицать, однако, что многіе изъ нихъ съ несомнѣнною смѣлостью, хотя иногда и увлекаясь маніей величія, возбуждаютъ вопросы, которые, какъ имъ извѣстно, должны быть въ высшей степени неприяты правительству и навлекаютъ взысканія на нихъ самихъ.

Во всѣ времена китайскіе чиновники считали своей гордостью рисковать своимъ положеніемъ и даже жизнью, съ непоколебимымъ мужествомъ поддерживать и высказывать свое мнѣніе передъ вышшею властью. Еще въ настоящее время бываютъ случаи, когда цензоръ или другой чиновникъ въ концѣ своего донесенія императору прибавляетъ, что онъ для доказательства своего полного безпристрастія и безкорыстія тотчасъ же послѣ отправленія этого акта лишилъ себя жизни и трушъ его можетъ быть найденъ тамъ-то. Тогда получается приказаніе воздать умершему особыя почести, и, если правительство не послѣдовало его совѣту, оно объясняетъ всенародно на основаніи какихъ причинъ это произошло.

Своеобразный примѣръ преданности своему законному государю составляетъ предметъ легенды, весьма распространенной въ Пекинѣ. Одинъ китайскій военачальникъ во время послѣдней борьбы между манджурами и китайцами былъ первыми взятъ въ плѣнъ; приведенный къ правителю манджуровъ Шунъ-ши, бывшему впослѣдствіи первымъ императоромъ нынѣшней династіи, онъ отказался исполнить „котау“ передъ побѣдителемъ и, по приказанію его, былъ обезглавленъ. Но обезглавленное тѣло продолжало стоять прямо и не могло быть сдвинуто съ мѣста, пока побѣдитель, чтобы положить конецъ этому ужасному явленію, не обѣщаль казненному принять его въ число своихъ предковъ и оказать ему должное почитаніе, т. е. совершить передъ нимъ „котау“. Доска съ именемъ генерала Тинга находится въ храмѣ императорскихъ предковъ въ Пекинѣ, и императоръ одинъ разъ въ годъ воздаетъ ей почести. Во всякомъ случаѣ, этотъ рассказъ, какъ и многіе подобныя

ему, характеризуетъ китайское воззрѣніе на преданность при-рожденному государю и примиряетъ со многимъ чуждымъ и не-пріятнымъ для насъ въ этой странѣ.

Въ сношеніяхъ Германіи съ Китаемъ не слѣдуетъ забывать, что китайцы нація равноправная съ нѣмецкой, носители го-раздо болѣе древней цивилизаціи, и особенности ихъ должно шадить и уважать даже въ томъ случаѣ, когда онѣ кажутся намъ не совсѣмъ понятными. Старыя воззрѣнія, считающія за собою тысячелѣтія, можно измѣнять не угрозами и насиліемъ, а постоянно и медленно дѣйствующими примѣрами успѣховъ другихъ странъ. Къ сожалѣнію, нельзя отрицать, что наши слова значительно разнятся отъ нашихъ дѣйствій, и мы не должны сѣтовать на китайцевъ, видя въ нихъ мало охоты пе-ресаживать на собственныя нивы цвѣты, которые въ послѣд-нія десятилѣтія созрѣли на грядкахъ нашей культуры. Даже примѣръ, который даетъ своему сосѣду младшее дитя консти-туціонной системы, страна Восходящаго Солнца, едва ли мо-жетъ возбудить готовность произвести подобный же опытъ. „Все для народа“ есть старое основное положеніе китайской философіи, которое уже за 400 лѣтъ до Р. Х. высказалъ Мун-цій гораздо рѣзче, чѣмъ кто нибудь это сдѣлалъ въ Европѣ; въ то же время влатель страны каждое несчастье, достига-ющее его народъ, признаетъ послѣдствіемъ своего ошибочнаго образа дѣйствій. Поэтому заключенія общественнаго договора и многихъ другихъ ученій, высиженныхъ почтенными кабинет-ными учеными у письменнаго стола и оставшихся безвредными для народа, были совершенно чужды китайцамъ и, вѣроятно, останутся такими еще на долгое время. На самомъ дѣлѣ, не смотря на внимательное отношеніе правительства къ часто не-основательнымъ желаніямъ и нежеланіямъ массъ, лозунгъ, подъ вліяніемъ котораго совершалось до сихъ поръ развитіе китай-скаго народа, есть власть или авторитетъ, а не большинство. Болѣе частое и близкое соприкосновеніе съ иноземными иде-ями, зависящее отъ болѣе частыхъ сношеній Китая съ чужими странами, не можетъ во многомъ измѣнить этого положенія дѣлъ; если не что либо другое, то уже гордость и ненависть къ иностранцамъ, широко распространенныя въ китайскомъ народѣ, предохраняютъ его отъ легкомысленнаго воспріятія чуждой культуры, вредныя послѣдствія котораго обнаруживаются въ Японіи.

При всей справедливости и при всемъ уваженіи, съ какими мы должны относиться къ китайцамъ, является, однако, не-обходимымъ тщательно и ревниво слѣдить за соблюденіемъ и исполненіемъ трактатовъ, отрывающихъ Китай чужеземнымъ сношеніямъ, по крайней мѣрѣ, на сколько эти трактаты не со-

держатъ никакихъ явныхъ шероховатостей. Въ послѣднемъ же случаѣ ихъ надо стараться обходить дружественнымъ образомъ, чтобы отнять у старо-китайской партіи всякій предлогъ указывать на трактаты, какъ на корень всякаго зла, и добиваться возвращенія къ прежней замкнутости для всего чужеземнаго. Лозунгъ „Китай для китайцевъ“ имѣетъ уже за собой такую силу, что его не приходится оставлять безъ вниманія; въ болѣе или менѣе скрытомъ видѣ онъ лежитъ въ основѣ каждой попытки съ китайской стороны ввести у себя чужеземные техническіе приемы. Пока еще мы можемъ смотрѣть хладнокровно на эти попытки, такъ какъ, безъ полной обезпеченности и независимости капитала нельзя думать о развитіи промышленности, способной къ конкуренціи; судорожныя попытки нѣкоторыхъ китайскихъ государственныхъ людей создать казенную промышленность приводили до сихъ поръ къ самымъ жалкимъ неудачамъ, и ближайшее будущее ихъ представляетъ такія же неутѣшительныя перспективы. Тѣмъ не менѣе было бы большою ошибкой упускать изъ вида принципъ, лежащій въ основѣ этихъ усилій и могущій въ послѣдствіи заявить себя со стороны, крайне невыгодной для иностранной промышленности.

Поэтому сношенія съ Китаемъ, если мы не хотимъ потерять прибрѣтеннаго нами, требуютъ постоянной заботливости и вниманія. Но прежде всего нужно остерегаться, чтобы формы и пути этихъ сношеній не устанавливались теоретиками, склонными вносить въ нихъ свои собственные принципы. За столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, можно придумать многое для поднятія торговли и промышленности, но наиболѣе дѣйствительною оказывается всегда работа испытанныхъ силъ на мѣстѣ даже и тогда, когда результаты ея не вполне соотвѣтствуютъ всѣмъ, быть можетъ, преувеличеннымъ ожиданіямъ. Развитіе Китая совершается весьма медленно; наша главная задача заключается въ томъ, чтобы въ моментъ, когда это развитіе пойдетъ болѣе ускореннымъ ходомъ, имѣть наготовѣ людей, которые могутъ содѣйствовать утѣху нашей промышленности знаніемъ языка, вліятельныхъ личностей и обстоятельство, облегчающихъ намъ путь. Исполнить эту задачу не совсѣмъ легко; на сколько независимъ и предприимчивъ германскій торговецъ и судовладѣлецъ, на столько же нѣмецкій техникъ тяжелъ на подъемъ въ сравненіи со своими собратьями другихъ странъ. Причины этого обстоятельства заключаются отчасти въ томъ, что Германия только съ недавняго времени чувствуетъ себя великою державой, и нѣмцы уступаютъ мѣсто англичанамъ и американцамъ, которые за небольшое содержаніе отправляются въ чужія страны съ твердымъ убѣжденіемъ,

что имъ съ теченіемъ времени удастся приобрести себѣ выгодное положеніе. Даже французъ въ этомъ отношеніи стоитъ выше нѣмца: многія крупныя предпріятія французскихъ промышленниковъ за границей приучили французскаго техника искать въ нихъ себѣ заработка. Другимъ неблагоприятнымъ обстоятельствомъ для нѣмцевъ является казенное управленіе желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ. Достаточно махнуть рукой, чтобы имѣть къ своимъ услугамъ дюжину иностранныхъ техниковъ, а нѣмецъ не оставитъ своего обезпеченнаго казеннаго мѣста, не убѣдившись предварительно, что для него возможно возвращеніе на государственную службу и что годы, проведенные за границей, будутъ зачтены ему въ пенсію. Это тѣмъ болѣе затрудняетъ соглашеніе съ нимъ, чѣмъ менѣе, какъ обыкновенно бываетъ, администраціи учрежденій склонны связывать себя въ видахъ случайностей будущаго. Поэтому правительство Германіи должно рѣшительнѣе взяться за подготовленіе техниковъ для китайской службы, чѣмъ правительство какой бы то ни было другой страны.

Финансовыя кризисы, какіе торговля и сношенія съ Китаемъ испытали въ послѣдніе годы, въ сущности сводятся, по крайней мѣрѣ, относительно первой, къ спекуляціямъ, производившимся преимущественно акціями обществъ для разработки минеральныхъ богатствъ, лежащихъ внѣ предѣловъ Китая; нечего говорить, что эти спекуляціи не имѣютъ ничего общаго съ правильнымъ коммерческимъ дѣломъ. Несомнѣнно, что торговлей теперь уже нельзя приобрести дѣлага состоянія въ короткое время, какъ это бывало лѣтъ 30 тому назадъ; легкость сношеній и возможность имѣть на выгодныхъ условіяхъ кредитъ въ банкахъ вызвали коренное измѣненіе торговаго дѣла; тѣмъ не менѣе трудолюбивый и понимающій дѣло торговецъ и при правильномъ веденіи его можетъ создать средства, болѣе чѣмъ обезпечивающія его существованіе.

Во время упомянутыхъ кризисовъ значительнѣйшее изъ англійскихъ кредитныхъ учрежденій восточной Азіи Hongkong and Shanghai Banking Corporation сохранило себя въ полной силѣ; несмотря на большія собственныя потери, оно ни одной минуты не измѣняло своей задачѣ поддерживать торговля фирмы и вслѣдствіе того существенно содѣйствовало ограниченію размѣровъ бѣдствія. Н. & S. B. C., какъ его называютъ въ Китаѣ, подало примѣръ, заслуживающій подражанія со стороны другихъ національностей. Сосредоточеніе большихъ капиталовъ меньше возбуждаетъ зависти и вражды, когда они употребляются для подобныхъ цѣлей, чѣмъ для распространенія иностранныхъ займовъ.

И добрая слава китайскихъ торговцевъ пашатнудась въ по-

слѣдніе годы, но по большей чести здѣсь дѣло идетъ объ агентахъ иноземныхъ банковъ и торговыхъ домовъ, которые, отчасти слѣдуя примѣру своихъ принципаловъ, разорились въ необдуманыхъ спекуляціяхъ и, оставивъ за собою большіе долги, искали спасенія въ бѣгствѣ. Но въ этомъ отношеніи китайское правительство остается безупречнымъ. Хотя ему со всѣхъ сторонъ предлагались деньги, оно не только устояло передъ этимъ искушеніемъ, но и сумѣло удержать въ должныхъ границахъ финансовыя и другіе проекты провинціальныхъ учрежденій. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно исполняло всѣ обязательства, заключенныя съ другими странами, съ гораздо большей щедротностью, чѣмъ многія другія правительства. О финансовыхъ средствахъ китайскаго государства мы знаемъ весьма немного, такъ какъ доступны намъ свѣдѣнія крайне неполны; однако, измѣряемая европейскимъ масштабомъ, эти средства кажутся почти неисчерпаемыми. Такъ, министерство финансовъ въ Пекинѣ въ 1888 г. выплатило болѣе 23.000.000 таалей, т. е. болѣе ста милліоновъ марокъ экстраординарныхъ расходовъ по исправленію плотины Янгтце, ремонта въ императорскомъ дворцѣ и стоимости свадьбы императора, не прибѣгая ни къ внѣшнему, ни къ внутреннему займамъ, не налагая новыхъ податей и не обращаясь ни къ какимъ мѣрамъ для покрытія этого расхода. Какое изъ европейскихъ государствъ могло бы сдѣлать что либо подобное? Кромѣ того неисчислимыя богатства находятся къ Китаю во владѣніи частныхъ лицъ; въ настоящее время они вложены небольшими суммами въ ссудныя операціи, торговыя дѣла, рестораны, книжныя лавки, и т. п., чтобы спасти ихъ отъ хищничества чиновниковъ; но придетъ время, когда эти капиталы освободятся для финансовыхъ и промышленныхъ потребностей, и тогда Китай едва ли будетъ являться заемщикомъ на денежномъ рынкѣ.

Здѣсь не мѣсто говорить о политическихъ случайностяхъ, которыя могутъ быть вызваны притязаніями державъ, заинтересованныхъ въ восточно-азиатскихъ дѣлахъ болѣе, чѣмъ Германія, но мы не должны забывать о германскихъ интересахъ, заключающихся въ томъ, чтобы наше значеніе къ восточной Азіи, благодаря территориальнымъ измѣненіямъ, не понижалось ниже того уровня, какой признанъ за Германіей различными трактатами. Это должно быть твердо высказано, чтобы вездѣ чувствовалось убѣжденіе въ серьезномъ отношеніи германской имперіи къ покровительству своей торговли и промышленности. На этой основѣ должно будетъ развиваться въ болѣе широкой массѣ нѣмецкаго народа живое участіе къ міровому положенію Германіи. Каждая сотня тысячъ марокъ, на которую поднимается вывозъ изъ Германіи, каждая сотня тысячъ марокъ, на

которую возрастаетъ ввозъ сырыхъ продуктовъ, превращается въ поддержаніе благосостоянія извѣстнаго числа рабочихъ и болѣе всѣхъ красивыхъ рѣчей содѣйствуетъ расширенію социальнаго вопроса въ единственно возможномъ смыслѣ, т. е. освобожденію личности съ помощью работы. Германія должна быть міровою державою; лишь при этомъ условіи можетъ она рассчитывать играть въ будущемъ ту роль, на какую ей даютъ право численность ея населенія и образованность націи. Какъ всегда, мы слишкомъ много уступили при раздѣлѣ колоній, и нуженъ былъ внѣшній толчекъ, чтобы даже такой могучій умъ, какъ князь Бисмаркъ, почувствовалъ необходимость отречься отъ старыхъ традицій прусской политики. Для возрастающаго поколѣнія колоніи будутъ казаться не навязаннымъ излишнимъ балластомъ, а постояннымъ напоминаніемъ о великихъ цѣляхъ и задачахъ, предстоящихъ германской имперіи. Намъ не придется защищать наши колоніи отъ внѣшнихъ нападеній; мы не измѣнимъ нашему рѣшенію относительно обладанія ими ни въ Африкѣ, ни въ Азіи, но соотвѣтственно достоинству германской имперіи мы должны не противъ воли, а съ рѣшимостью, приступить къ организаціи нашихъ владѣній и къ пользованію ими. Это будетъ означать начало нашего мірового положенія и избавить насъ отъ пораженія и насмѣшекъ, которыхъ мы испытали слишкомъ много въ послѣдніе годы. Тогда и другіе проникнутся убѣжденіемъ, что съ Германіей слѣдуетъ считаться какъ съ міровою державою, и слово ея будетъ выслушиваться съ уваженіемъ вездѣ, гдѣ окажутся интересы, касающіеся ея.

Д. Корочевскій

ПѢСНЯ СОЛНЦА

Я наливаю колось хлѣба
Благоухающимъ зерномъ,
И наполняю чашу неба
Я золотымъ моимъ виномъ;

Приди и пей — кто сколько жаждетъ!
Что значитъ подвигъ или грѣхъ?..
Не бойтесь — надо всѣмъ, что страждетъ,
Непобѣдимъ мой вѣчный смѣхъ!

Изъ всѣхъ пѣвцовъ — я лучший въ мѣрѣ:
Какъ на эоловыхъ струнахъ
Люблю играть на вѣчной лирѣ —
На золотыхъ моихъ лучахъ.

И пѣснь моя есть первый лепетъ
Весеннихъ листьевъ, гулъ морей
И въ тучахъ радугъ легкихъ трепетъ,
И ужасъ бурь, и смѣхъ дѣтей...

И полны дивнаго значенья,
Въ неоцѣненной красотѣ,
Спятъ драгоценныя каменья,
Мои любимцы, въ темнотѣ, —

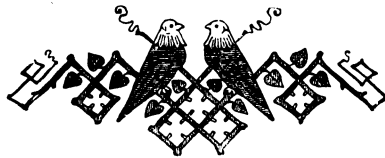
Мои загадочныя дѣти
 Тамъ, подъ землею, ждутъ меня,
 Безмолвный рядъ тысячелѣтій
 Мой перевозанный лучъ храня.

Люблю что молодо и смѣло,
 Люблю я силу въ красотѣ
 И нестыдящееся тѣло
 Въ богоподобной наготѣ.

Зачѣмъ, безумецъ, ты не внемлешь,
 Потупивъ взоръ слѣпыхъ очей,
 И мертвымъ сердцемъ не приемлешь
 Ты евхаристіи моей?

Приди и пей — кто сколько жаждетъ!
 Что значить подвигъ или грѣхъ?
 Не бойтесь — надо всѣмъ, что страждетъ,
 Непобѣдимъ мой вѣчный смѣхъ!

Д. Мережковскій

ЖИЗНЬ ДЛЯ ЛЮБВИ

НОВЕЛЛА

Сальваторе Фарина

VI

Послѣдовало то, что всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Вѣсть о томъ, что Бачичинъ занесъ азіатскую холеру въ Трецери, достигнувъ слуха трусливыхъ, вызвала холерину, которую я лечилъ мѣстными лимонами. Больные не довѣряли этому лекарству и требовали рецептовъ, но я оставался вѣренъ своей методѣ. Результаты оказались превосходными: я излечивалъ болѣзнь и остановилъ панику. Бачичинъ умеръ на третій день ночью и тайно былъ преданъ землѣ. Едва его похоронили, заболѣлъ ухаживавшій за нимъ больничный сторожъ. Такъ какъ въ нашей комунѣ невозможно удержать что либо въ секретѣ, то паника возобновилась, а за нею снова восплѣдовала холерина.

Вскорѣ несправедливая судьба поразила жену Бачичина. Вдова его, единственная поддержка двухъ крошекъ, заболѣла холерой.

Дѣти по приказанію матери не входили въ домъ, а стояли у входа, поджидая—не пройдетъ ли кто либо, чтобы позвать на помощь. Дѣти долго плакали у порога жилища, пока ихъ не разслышалъ мальчишка, промышляющій грабежемъ птичьихъ гнѣздъ. Этотъ-то бродяжка прибѣжалъ за мной, и я послѣшилъ къ несчастной вдовѣ.

Несмотря на всѣ принятые мѣры, нельзя было долго держать въ тайнѣ поразившее Трецери несчастье.

Пріѣзжіе проникли о появившейся эпидеміи въ первый же день.

Ничѣмъ нельзя было остановить бѣгства, и на второй недѣлѣ августа всѣ сезонные гости разѣхались не столько изъ страха передъ азіатской холерой, сколько изъ опасенія быть подвергнутыми карантину. Остались однѣ нѣмецкія синьорины.

Фрейлейнъ Юлія говорила, что она считаетъ бѣгство въ такихъ случаяхъ непростительной жестокостью. По ея мнѣнію это значить то же самое, что сказать остающимся: »мы уходимъ отсюда, потому что намъ очень дорога наша шкура, а вы справляйтесь ужъ сами какъ можете«.

Мари и адвокатъ не замѣтили, что горизонтъ ихъ внезапно омрачался. Напротивъ, при усиливавшейся съ каждымъ днемъ любви ихъ небо казалось имъ яснѣе прежняго.

Вдову Бачичина пришлось отвезти въ больницу, гдѣ ее уложили на ту же самую постель, на которой умеръ ея мужъ, а дѣтей помѣстили въ лазаретъ.

Черезъ пятнадцать дней синдикъ принужденъ былъ выставить на всѣхъ углахъ объявленія, возвѣщавшія жителямъ, что по случаю появленія въ Тредери холеры гражданамъ вмѣняется въ обязанность воздерживаться отъ посѣщенія еще не зараженныхъ общинъ, которыя для огражденія себя отъ подобныхъ нежелательныхъ посѣщеній въ правѣ прибѣгнуть къ насилію. Въ объявленіяхъ этихъ упоминалось также о томъ, что всякое излишество въ холерное время весьма опасно и что при первыхъ симптомахъ болѣзни слѣдуетъ обратиться къ врачебной помощи.

Этотъ послѣдній параграфъ составленъ былъ мною самимъ, но не мнѣ одному пришлось нести тяжесть послѣдствій его. На другой же день помощь одного врача оказалась недостаточной, и община при посредствѣ газетъ вызвала желающихъ оказывать намъ свое содѣйствіе врачей.

Явились многіе съ предложеніями своихъ услугъ. Одинъ изъ врачей былъ принятъ съ жалованьемъ, а другой остался на свой страхъ, въ увѣренности, что будетъ достаточно дѣла для него.

Холерные случаи слѣдовали одинъ за другими. Вначалѣ всѣ они оказались быстротечными со смертельными исходами, и каждый изъ трехъ докторовъ работалъ за троихъ. Единственный могильщикъ не успѣвалъ водворять

своихъ кліентовъ на мѣста вѣчнаго успокоенія. Бѣдняга цѣлыми днями рылъ могилы, выбиваясь изъ силъ, такъ что община должна была назначить ему двойное жалованье и въ добавокъ еще помощника. Смертность дошла до того, что челоуѣкъ, еще утромъ пожимавшій вамъ руку, къ вечеру уже нуждался въ христіанскомъ погребеніи.

Ни Куатроцери, ни иные цери не подверглись эпидеміи, одна наша община была поражена страшной болѣзью.

Для насъ настала ужасная жизнь. Я не говорю только объ однихъ насъ, медикахъ, но о всѣхъ обитателяхъ Трецери. Страхъ передъ смертельной заравой, скорбь о погибшихъ и немощная лѣнь овладѣли самыми энергичными людьми.

Адвокатъ Эмилио не желалъ уклониться отъ постановленій о карантинѣ, но вмѣсто того, чтобы выдержать его въ лазаретѣ, рѣшился остаться въ Трецери до тѣхъ поръ, пока будетъ длиться эпидемія. Въ виду этого онъ нанялъ по сосѣдству отъ своей невѣсты двѣ комнатки.

Молодые люди теперь почти не разставались. Большою частью они оставались дома или блуждали по полямъ. Часто они отправлялись къ заболѣвшимъ холерой для оказанія помощи. Они, такимъ образомъ, завоевывали себѣ мѣстечко въ раю, но при этомъ сильно рисковали отправиться туда раньше времени.

Однажды влюбленные пошли на свою обычную прогулку въ горы. Адвокатъ собиралъ цвѣты и украшалъ ими головку своей невѣсты, причемъ ему удавалось срывать нѣсколько поцѣлуевъ съ ея красивыхъ губокъ. Мари добровольно подчинялась только тогда, когда женихъ ея довольствовался однимъ поцѣлуемъ, но сопротивлялась грабежу, когда адвокату вздумалось похищать ихъ по нѣсколько за разъ.

Мари схватила болѣзнь во время прогулки. Она вдругъ почувствовала большую слабость. У нея подкосились ноги, и, опустившись на землю, она склонила украшенную цвѣтами головку на колѣни своего возлюбленнаго.

Адвокатъ пережилъ самый страшный часъ въ своей жизни. Невѣста его, блѣдная, съ вѣнкомъ на головѣ, походила на святую мученицу. Онъ видѣлъ ее страдающей и не могъ ничего сдѣлать для ея спасенія. Въ этомъ пустынномъ мѣстѣ напрасно было бы звать на помощь — ни-

кто бы его не услышалъ. Чувствовать себя связаннымъ съ этой прелестной дѣвушкой новой цѣпью, почти столько же сильной какъ сама любовь — было состояніе полное ужаса и невыразимой прелести.

Напрасно прождавъ нѣсколько времени, чтобы Мари очнулась, онъ взялъ на руки красивое тѣло больной и бережно снесъ его въ долину. Тутъ онъ тихо положилъ дорогую ношу, чтобы перевести духъ и взглянуть на измѣненное болѣзнию лицо, на эти большіе глаза, въ которыхъ выражалось страданіе вмѣстѣ съ безконечной любовью. Отдохнувъ, адвокатъ снова взялъ на руки Мари, его Мари, которая теперь принадлежала ему болѣе, чѣмъ когда либо, и повесъ ее домой.

Страшное предчувствіе проникло въ сердце фрейлейнъ Юліи, когда она увидѣла свою дочь въ такомъ состояніи. »Она умираетъ, она у меня умретъ, какъ и всѣ члены ея семьи«, подумала бѣдная фрейлейнъ.

Пока укладывали Мари въ постель, полевые цвѣты одинъ за другимъ, отдѣляясь отъ головы милой дѣвушки, падали на полъ. Въ первый разъ фрейлейнъ Юлія не позаботилась ихъ подобрать.

Адвокатъ побѣждалъ за мной.

VII

Тѣмъ временемъ экипажу »Прекрасной Франчески« за-прещено было высадиться на берегъ, и сама она переведена на самую крайнюю оконечность куатроцерскаго мода. Береговой стражъ приказано не спускать бдительныхъ глазъ съ этого судна, надъ главной мачтой котораго развѣвался желтый флагъ, и стрѣлять по каждому изъ матросовъ этого зараженнаго судна, который бы вздумалъ нарушить правила карантина. Это было право, присвоенное страхомъ.

Никому не приходило въ голову, чтобы ктонибудь могъ рискнуть своей шкурой ради удовольствія сдѣлать два шага по континенту раньше опредѣленнаго карантинномъ срока.

Однако одинъ изъ матросовъ, Джузеппе Манджіалеска, черезъ нѣсколько дней покинулъ »Прекрасную Франческу«, бросившись ночью въ море, и вплавь направился къ берегу.

Капитанъ черезъ людей, доставлявшихъ каждое утро провизию на судно, послалъ о случившемся донесеніе куатроцерскимъ властямъ.

Донесеніе, предварительно дезинфицированное хлоромъ и карболкой, прошло подъ носомъ всѣхъ членовъ общиннаго совѣта. Долго обсуждался совѣтомъ вопросъ о томъ—къ какому мѣсту берега могъ пристать Манджіалеска. Сомнѣвались, между прочимъ, чтобы онъ могъ выбраться на берегъ. Было сильное предположеніе, что онъ провалился въ адъ или чистилище. Большинство стояло за то, что бѣглець лишилъ себя жизни.

Манджіалеска, одѣтый, на зло стражѣ, синдикю, членамъ общиннаго совѣта, всѣмъ, бросившись съ носовой части, нырнулъ въ море и долго плавалъ подъ водой. Когда ему измѣнило дыханіе, онъ высунулъ одну только голову на одно мгновеніе. Свѣтъ портовыхъ рожковъ пугалъ его болѣе, нежели мушкеты стражи. Онъ особенно старался, чтобы его не замѣтили съ другихъ судовъ, которыя враждебно смотрѣли на злополучную »Прекрасную Франческу«, ибо всѣмъ извѣстно, что враждебный глазъ — самый зоркій.

Что побудило Манджіалеска покинуть зараженное судно? Не тоска карантинной жизни заставила его это сдѣлать, нѣтъ. Имъ руководило одно желаніе взглянуть на Трецери, коснуться земли, погрузиться на мгновеніе въ то давнопрошедшее время, когда онъ былъ молодъ, красивъ, влюбленъ, упиться сладостью прошлаго и въ опьяненіи горя и сожалѣнія снова кинуться въ море навсегда.

Выйдя на берегъ вдали отъ куатроцерскаго порта, Джузеппе Манджіалеска сталъ приводить въ порядокъ свой странный туалетъ. Воспользовавшись тьмой беззвѣздной ночи, онъ раздѣлся донага, разложилъ свою мокрую одежду на горячемъ пескѣ и самъ зарылся въ немъ, чтобы защитить свое тѣло отъ комаровъ.

На разсвѣтѣ онъ одѣлъ свое высохшее платье и спокойно направился въ Трецери, причемъ ни одинъ стражъ не подумалъ загородить ему дорогу въ зараженную мѣстность.

Блуждая по пустыннымъ улицамъ, онъ встрѣтилъ печальное лицо человѣка, въ которомъ онъ узналъ дружескій обликъ; лицо это было—мое.

Онъ окликнулъ меня. Когда я остановился, Манджіалеска подошелъ ко мнѣ и робко сказалъ:

— Я тебя сейчасъ узналъ, хотя и ты очень измѣнился.

— А кто ты?

— Ты не узнаешь меня? Посмотри на меня хорошенько... Теперь меня зовутъ Джузеппе Манджіалеска, но настоящее мое имя—Массимо...

— Массимо! Какой Массимо? спросилъ я возмущенный тѣмъ, что этотъ бродяга могъ быть человѣкомъ, котораго я нѣкогда любилъ.

— Да, я постарѣлъ, продолжалъ онъ несмѣло.—Лицо мое обросло, волосы порѣдѣли, голосъ огрубѣлъ, и сердце мое очерствѣло... Но отчего ты мнѣ не скажешь хотя бы одно ласковое слово... Какъ бы то ни было, но вѣдь я твой старинный товарищъ. Ты, можетъ быть, одинъ на свѣтѣ, котораго я еще способенъ любить... Если желаешь, чтобы я оставилъ тебя—я уйду. Можетъ быть тебя оскорбляетъ, что я говорю тебѣ ты? скажи мнѣ.

Эти смиренныя рѣчи сопровождались недобрыми взглядами, которые онъ по временамъ бросалъ вокругъ. Откуда взялась у моего стараго друга такое выраженіе? Можетъ быть, человѣкъ этотъ только зналъ моего пріятеля и выдаетъ себя за него, чтобы выманить у меня нѣсколько золотыхъ.

— Это я, я самъ, сказалъ онъ, точно угадавъ мою мысль.—Посмотри на меня, вѣдь осталось же чтонибудь прежняго въ моемъ лицѣ. Вотъ видишь этотъ шрамъ, онъ не исчезъ еще.

И онъ указалъ мнѣ своей жесткой рукой знакъ отъ длинной раны, который во время его студенчества едва былъ замѣтенъ, а теперь рѣзко бѣлѣлъ на его загорѣлой кожѣ.

Хотя это меня убѣдило мало, но я пожалуй несмѣло протянутую мнѣ руку.

— Хорошо, сказалъ я ему.—Если ты въ самомъ дѣлѣ Массимо, то почему, объясни мнѣ, ты такъ долго оставлялъ безъ извѣстій меня, твоего друга, который такъ любилъ тебя. Но такъ и быть—ты мой товарищъ, и я готовъ выслушать тебя. Ты долженъ разсказать мнѣ все!

Изъ широкой груди моряка вырвался болѣзненный стонъ. Напрасно старался онъ подавить рыданія, затыкая себѣ ротъ носовымъ платкомъ.

Онъ мнѣ ничего не отвѣтилъ, но рука, пожимавшая мою руку, трепеть, потрясавшій его тѣло, взглядъ, его прежній взглядъ, все говорило въ немъ: прости, прости, прости...

Онъ провелъ по глазамъ грязнымъ лоскуткомъ и затѣмъ указалъ мнѣ на вышитые на одномъ изъ его уголковъ инициалы.

— Это послѣдній, проговорилъ онъ хриплымъ голосомъ. — Можно подумать, что я убилъ Массимо, чтобы овладѣть этимъ платкомъ и его именемъ. Между тѣмъ Массимо долженъ считаться для всѣхъ мертвымъ; чтобы имѣть право носить чужое имя.

— Ты все это мнѣ объяснишь...

— Нѣтъ, нѣтъ, не теперь, въ другой разъ... Передъ тѣмъ, какъ мнѣ уйти отсюда навсегда...

— Развѣ «Прекрасная Франческа» скоро уходитъ?..

— Да, скоро, но я не вернусь на ней.

— Чтожъ ты намѣренъ дѣлать?

Онъ сказалъ мнѣ, что готовъ пока остаться въ Трецери со мною, если я соглашусь на это. Онъ объяснялъ, что во время эпидеміи не слѣдуетъ пренебрегать человекомъ, выдавшимъ на своемъ вѣку многое, который на зарѣ своей благополучной жизни пріобрѣлъ медицинскія познанія и который, слѣдовательно, могъ бы въ случаѣ надобности быть служителемъ при больницѣ или даже замѣнять могильщика.

— Кто знаетъ, пробормоталъ осипшимъ голосомъ Манджіалеска, бросивъ на меня прежній кроткій взглядъ, — кто знаетъ? Можетъ быть это меня привяжетъ къ жизни, заставитъ отказаться отъ намѣренія собственными руками «снять съ якоря» и «пустить по теченію».

— Мнѣ надоѣла жизнь, сказалъ онъ рѣзко.

— Ремесло мое—борьба со смертью, замѣтилъ я.—Я не хочу знать твоего отвращенія къ жизни. Надо жить, что бы то ни было. Существованіе наше часто мученіе, но иногда оно ничто иное какъ простая скука. Во всякомъ случаѣ противъ того и другого имѣются лекарства. Два лекарства дѣйствуютъ навѣрняка—это трудъ и любовь.

— Но развѣ я не живу, прервалъ меня Манджіалеска.—Я до сихъ поръ еще существую, и Богъ знаетъ сколько это можетъ продолжаться. Мы такъ боимся неизвѣстнаго.

— Отлично! Значитъ, твоя мысль о самоубійствѣ—дурная шутка и только!

— Нѣтъ, не шутка, потому что она никогда не оставляет меня, но иногда я самъ перестаю этому вѣрить. До сихъ поръ я старался поддерживать свой духъ, именно трудясь... Я былъ то матросомъ, то фельдшеромъ, то аптекаремъ и даже докторомъ... Завтра, если хочешь, я готовъ быть могильщикомъ, но настоящее лекарство не это...

Я слишкомъ заговорился и мнѣ надо было спѣшить къ моей дорогой пациенткѣ.

Боже, подумалъ я, вспомнивъ фрейлейнъ Юлію, что-то будетъ, когда бѣдняжка узнаетъ въ Манджіалеска того, кого она любила всю свою жизнь!

— Послушай, я тороплюсь, подожди меня на берегу или около больницы. Я скоро вернусь.

— Если я тебя не стѣсняю, позволь мнѣ пойти съ тобою.

— Какъ хочешь...

Но смущавшія меня мысли заслоняли собою всё остальные соображенія. Манджіалеска не могъ не замѣтить моего безпокойства. Мы шли рядомъ, но я и не думалъ расспрашивать о прошедшемъ этого пріятеля, котораго я такъ долго считалъ погибшимъ, хотя любопытство мое было сильно задѣто.

Я размышлялъ о томъ, что произойдетъ, если Манджіалеска и его прежняя возлюбленная встрѣтятся лицомъ къ лицу.

Въ эту минуту показалась огромная шляпа фрейлейнъ Юліи, быстро направлявшаяся ко мнѣ.

Оставивъ среди улицы Манджіалеска, я бросился ей на встрѣчу.

— Что случилось?

— Новое несчастье, заболѣлъ Эмилио.

Изъ ея смутныхъ объясненій я узналъ, что еще утромъ онъ былъ вполне здоровъ и добросовѣстно замѣнялъ сидѣлку у постели своей невѣсты.

— Мнѣ кажется, что онъ серьезно боленъ, онъ едва держится на ногахъ, хотя и продолжаетъ настойчиво ухаживать за Мари и ни за что не желаетъ ложиться въ постель. Я послала за вами въ больницу, но, увидѣвъ васъ изъ окна разговаривающимъ съ кѣмъ-то, вышла къ вамъ на встрѣчу.

— Тебѣ придется меня обождать, сказалъ я, подойдя къ Манджіалеска.

— Кто эта карриатура? спросил онъ.

Но я не отвѣтилъ ему на этотъ вопросъ и пошелъ за Юліей. Очевидно, эти два человѣка не узнали другъ друга. Время, разъединившее два сердца, измѣнило черты двухъ существъ, которыя когда-то стремились навѣки запечатлѣть въ своей памяти образы другъ друга.

Я нашелъ адвоката Эмилио весьма плохимъ. У него проявились самыя опасныя признаки страшной болѣзни. Тѣмъ не менѣе онъ увѣрялъ, что совершенно здоровъ, и даже тогда, когда ноги отказывались служить ему, когда его уложили на диванъ сосѣдней комнаты, онъ продолжалъ шутить и успокаивать Мари.

Онъ увѣрялъ, что радъ холерѣ, потому что, благодаря ей, онъ можетъ испытывать всѣ тѣ ощущенія, какія испытывала Мари.

— Къ тому же, говорилъ онъ,—надо свести счетъ съ судьбою и скорѣе заплатить ей долгъ за наше счастье.

Его только беспокоило, что ему придется вернуться на свою квартиру и покинуть на время Мари.

Фрейлейнъ Юлія оставила больного дома и принялась ухаживать за обоими дорогими больными.

— Мнѣ кажется, у меня довольно силъ, сказала она мнѣ,—но если Господу угодно будетъ взять меня къ себѣ, я оставлю этотъ міръ безъ сожалѣнія.

Я засталъ Манджіалеска у дверей больницы.

— Послушай, сказалъ я ему.—Самое лучшее тебѣ вернуться на судно. Нѣтъ? Ну, такъ ступай за мной.

Прежде всего я повелъ его къ холернымъ больнымъ, надѣясь, что видъ ихъ возбудитъ въ немъ желаніе удалиться отсюда. Но онъ настаивалъ на своемъ намѣреніи остаться въ Трецери, выражая готовность исполнять обязанности больничнаго служителя.

Я поговорилъ о немъ съ синдикомъ, и Манджіалеска безъ всякихъ затрудненій былъ принятъ въ составъ больницы прислуги.

Признаться, мнѣ хотѣлось освободиться отъ моего воскресшаго друга. Массимо, превратившійся въ Манджіалеска, былъ мнѣ чуждъ. Пока я считалъ его мертвымъ, я хранилъ о немъ воспоминаніе какъ о живомъ, но теперь, когда онъ стоялъ передо мною живымъ, онъ мнѣ казался давно счороненнымъ. Любопытство, однако, побуждало меня узнать

о прошломъ этого человѣка и на нѣкоторое время вытѣснило мысль о томъ горѣ, какое онъ можетъ еще причинить бѣдной фрейлейнъ, еслибы вздумалъ открыть ей свою настоящую личность.

У адвоката оказалась жестокая холера, въ гораздо болѣе сильной степени, нежели у Мари. Мнѣ казалось, что моя наука бессильна спасти его. На судьбу я надѣялся мало и еще менѣе полагался на помощь молитвъ фрейлейнъ Юліи. »О, милосердый Боже, возьми мою никому ненужную жизнь взаменъ этихъ дѣтей!« днемъ и ночью молилась старая дѣвушка.

Но и она не надѣялась, что молитва ея будетъ услышана. Ей пришлось много разъ убѣдиться, что Господь проявляетъ милосердіе по своему, вопреки людскимъ понятіямъ о благодати.

— *Наше* милосердіе, сказала мнѣ однажды моя старая подруга, — основывается всегда на тайныхъ личныхъ желаніяхъ, въ которыхъ мы подчасъ боимся признаться даже самимъ себѣ. Быть вполне искреннимъ такъ трудно!

Этими невольно вырвавшимися у нея словами она призналась, что желала смерти для того, чтобы въ иной жизни встрѣтиться со своимъ возлюбленнымъ.

А возлюбленнымъ этимъ былъ Манджіалеска! Что мнѣ было дѣлать? Удалить его или дать совершиться встрѣчѣ Юліи съ ея идеаломъ, превратившемся въ грязь...

Но теперь я ни о чемъ не могъ думать, я весь былъ поглощенъ заботой какъ излечить моихъ пациентовъ отъ холеры и, вообще, изгнать ее изъ нашего города.

Однако это оказалось не такъ-то просто. Мои коллеги, призванные на консилиумъ къ постели моихъ друзей, нашли, что положеніе синьорины подаетъ надежду на выздоровленіе, тогда какъ жизнь синьора находится въ опасности.

Адвокатъ Эмиліо среди самыхъ жестокихъ страданій ни единымъ стономъ не желалъ встревожить свою невѣсту.

Ни Мари, ни Эмиліо не вѣрили тому, что блаженству ихъ можетъ быть конецъ. Они слишкомъ любили другъ друга и они чувствовали, что любовь ихъ сильнѣе смерти.

Но однажды насталъ такой моментъ, который показался мнѣ послѣднимъ въ жизни адвоката. Кровь еле переливалась въ его похолодѣвшемъ тѣлѣ. Голова, которая во все время болѣзни отлично служила ему для размышленій объ его возлюбленной, внезапно отяжелѣла, и онъ впалъ въ

сонъ. Фрейлейнъ Юлія подумала, что наступилъ счастливый кризисъ и съ радостью сообщила объ этомъ Мари.

— Мужайся! ободряла со своей постели своего жениха Мари, но онъ ея уже не слышалъ.

Я не зналъ на что рѣшиться; оставалось положиться на волю неба. Но тутъ мнѣ пришла мысль попробовать подкожное впрыскиваніе водой. Мой больной тотчасъ же открылъ глаза и сталъ звать свою возлюбленную.

— Я здѣсь Эмилию.

Пока я совершалъ эту операцію, очевидно, принесшую больному облегченіе, Мари, которую на минуту оставили безъ присмотра, притаилась въ комнату больного и упала въ кресло, стоявшее у изголовья постели.

— Это безуміе! сердился я, — вы дѣлаете вредъ ему и себѣ...

— Мнѣ хорошо, прошептала Эмилию.

Мари въ полусознаніи склонила головку на подушки своего возлюбленного, который, тихо прикоснувшись къ ней губами, снова закрылъ глаза.

Мари въ обморокѣ. снесли на ея постель. Я питалъ мало надежды на только что испытанное средство, впрыскиваніе, однако, пощупавъ пульсъ больного, замѣтилъ нѣкоторое улучшеніе. Сердце билось сильнѣе прежняго, и къ вечеру обнаружались симптомы счастливаго кризиса.

Въ то время я приписывалъ все благодѣтельному дѣйствию подкожнаго впрыскиванія. Теперь же, по зрѣломъ обсужденіи, я пришелъ къ заключенію, что если Мари и Эмилию не умерли, то это только потому, что они сильно любили другъ друга и были созданы для того, чтобы хранить эту любовь навсегда.

VIII

Когда настало время, что всѣ три медика Трецери могли встрѣтиться безъ необходимости для двоихъ подписать смертный приговоръ третьему и оба могильщика могли смотрѣть другъ другу въ лицо, радуясь, что ни одному не пришлось вырыть могилу для своего товарища, — только тогда три больничныхъ служителя и сестра милосердія позволили себѣ выйти изъ больничной ограды, чтобы подышать свѣжимъ морскимъ воздухомъ. Въ началѣ они выходили по одному

часа на два въ день, потомъ по два на полдня, и, наконецъ, убѣдившись, что для немногихъ оставшихся больныхъ достаточно одного человѣка, они уходили на цѣлый день.

Манджіалеска, поступившій на тяжелую службу больницычнаго служителя, выказалъ себя человѣкомъ дѣльнымъ, выносливымъ и нетребовательнымъ; онъ охотно уступалъ своимъ товарищамъ часы свободы, предоставленные бѣднягамъ администраціей, хотя лицо его врядъ ли могло поддерживать бодрость духа въ оставленныхъ на его попеченіе больныхъ. Лицо его обѣщало мало хорошаго и отличалось порядочнымъ безобразіемъ. Его угрюмость, скрытность и таинственность его прошлаго не внушали къ нему большаго довѣрія.

Наконецъ, я однажды почувствовалъ себя обязаннымъ удѣлить сколько нибудь времени моему старому другу и, зайдя къ нему въ больницу, предложилъ ему провести со мною часокъ.

— Мнѣ надо рассказать тебѣ *многое*, но съ тѣмъ, чтобы и ты мнѣ взаимно сообщилъ кое-что... началъ Манджіалеска.— Пойдемъ на берегъ!

Манджіалеска, казалось, готовъ былъ броситься въ море, въ этотъ день тихое, почти неподвижное. Нѣкоторое время мы шли на самомъ краю берега, оставляя на сыромъ пескѣ глубокіе слѣды нашихъ шаговъ.

— Хочешь ты знать, что было со мною за все это долгое время? спросилъ онъ и, не дождавшись моего поощренія, началъ свою грустную исповѣдь.

Вотъ что я узналъ.

»Счастливая мысль« отправиться въ Монте Карло и тамъ поставить на карту всю свою будущность оказалась для него гибельной. Она проигрался и цѣлую ночь провелъ въ »Русскомъ Отелѣ« съ пистолетомъ въ рукахъ, намѣреваясь покончить съ собою, только образъ одного существа помѣшалъ ему исполнить это намѣреніе, и это былъ образъ фрейлейнъ Юліи.

— Помнишь ты ее, обратился онъ ко мнѣ,—эту дѣвушку, съ которой я познакомился здѣсь и съ которой обручился съ тѣмъ, чтобы черезъ два года жениться на ней, ты помнишь?

— Еще бы! отвѣтилъ я только.

Манджіалеска продолжалъ свой рассказъ...

На другой день администрація игорнаго дома, найдя его въ живыхъ, отпустила Манджіалеска сто лиръ, чтобы дать возможность вернуться домой.

— Ты не повѣришь, сказалъ онъ, прервавъ свой рассказъ, — но когда поѣздъ, уносившій меня на родину, проѣхалъ мимо Трепери, я заплакалъ, зарыдалъ какъ ребенокъ.

Къ счастью въ то время онъ находился въ вагонѣ одинъ и безпрепятственно могъ проливать слезы — сколько ему было угодно. Въ Генуѣ, пока онъ ждалъ поезда на Туринъ, ему пришла идея бѣжать въ Америку. Не медля ни минуты, онъ отправился на судно, отплывавшее съ транспортомъ эмигрантовъ въ Аргентину, и предложилъ свои услуги въ качествѣ ассистента доктора.

Онъ былъ принятъ. Его намѣреніемъ было нажить деньги и къ извѣстному сроку поѣхать въ Берлинъ и тамъ жениться на фрейлейнъ Юліи. Въ началѣ дѣла его пошла довольно хорошо. Такъ какъ въ пути весь экипажъ навывалъ его докторомъ, онъ и по прибытіи, на мѣстѣ, продолжалъ пребывать въ этомъ званіи, хотя и не имѣлъ на него формальнаго права.

Коллеги его узнали истину и стали говорить о самозванствѣ его такъ громко, что ему не оставалось ничего болѣе, какъ перемѣнить мѣсто жительства.

Южная Америка, по наивному мнѣнію Манджіалеска, представляетъ собою поле битвы, на которомъ нѣтъ великодушія, свойственнаго континенту Европы.

Въ Парагваѣ дѣла его тоже шли недурно, но тутъ съ нимъ приключилось новое несчастье. Онъ влюбился. Новый предметъ его страсти была женщина красивая, коварная и злая, какъ сирена.

Сирена эта заставила его забыть о бѣдной Юліи, съ которой онъ до сихъ поръ велъ правильную переписку. Но теперь ему стало противно писать лживыя фразы любви, и онъ предпочелъ умолкнуть. Онъ думалъ, что невѣста сочтетъ его умершимъ и выйдетъ за другаго. Успокоившись въ своемъ эгоизмѣ, онъ женился на *той*.

— А затѣмъ?

— А затѣмъ, продолжалъ онъ послѣ долгаго молчанія, — затѣмъ сирена разбила мое сердце, убѣжавъ съ моимъ другомъ, совѣмъ по американски. Но я нагналъ ихъ; я убилъ ее и изувѣчилъ соблазнителя.

Съ этого дня началась его скитальческая жизнь. Долгое время скрывался онъ въ рудникахъ и, наконецъ, подъ именемъ Манджіалеска, посвятилъ себя морской службѣ.

— Съ тѣхъ поръ я не зналъ покоя, продолжалъ онъ.— Всѣ мои мысли только и были заняты тѣмъ, чтобы скрыться отъ правосудія. Теперь прошла судебная давность, и я могъ бы свободно открыть свое настоящее имя. Но къ чему? Мнѣ только хотѣлось одно—видѣть Трецери. А ты доставилъ мнѣ еще утѣшеніе, что не отвергъ твоего стараго друга... У меня еще одна просьба къ тебѣ, продолжалъ онъ робко...—Я хотѣлъ тебя спросить—знаешь ли ты что нибудь о фрейлейнъ Юліи, жива ли она еще, писала ли она тебѣ, что она обо мнѣ думала...

— Фрейлейнъ Юлія писала мнѣ много разъ, отвѣтилъ я, рѣшившись сказать ему приблизительную правду.—Она ни за кого не вышла замужъ, оставаясь вѣрной тебѣ; она состарѣлась, думая только о тебѣ. Къ ея счастью она считаетъ тебя умершимъ и спокойно ждетъ минуты, которая соединитъ ее съ тобою.

— Она все еще живетъ въ Берлинѣ, въ Лютцовъ-Штрассе? продолжалъ разспрашивать Манджіалеска, пронизывая меня своими глазами, которые когда-то такъ плѣнили мою бѣдную подругу и которые теперь вовсе бы ей не понравились. Они глубоко ввалились въ орбиты и скрывались подъ густымъ лѣсомъ разросшихся бровей.

— Да, она все еще живетъ въ томъ же домѣ и, не смотря на всѣ постигшія ее несчастья, хотѣла остаться вѣрной мѣстамъ, гдѣ испытала первую и единственную любовь.

— Она не пріѣзжала больше въ Трецери?

— Нѣтъ... она бывала здѣсь.

— Измѣнилась ли она? Какая она теперь?

— Она теперь стара, худа, некрасива, произнесъ я безъ запинки.

— Это все равно, я долженъ ее видѣть передъ смертью, замѣтилъ Манджіалеска, грустно покачавъ головой.

— Послушай меня, не ѣзди въ Берлинъ, тебѣ не зачѣмъ встрѣчаться съ этой несчастной женщиной.

— Ты правъ, мнѣ не надо ѣздить въ Берлинъ для этого, я вижу по тебѣ, что она здѣсь, отвѣтилъ онъ рѣзко.

— Да, она здѣсь и живетъ вотъ въ томъ домѣ, и ты

встрѣтилъ ее въ первый же день по прибытіи въ Трецери, когда я съ тобою разговаривалъ. Если ты зналъ все, зачѣмъ было меня спрашивать, къ чему было разыгрывать комедию?

Но Массимо клялся мнѣ, что онъ не могъ узнать въ этой муміи прежнюю Юлію, красивую цвѣтущую дѣвушку, его бывшую невѣсту, нѣтъ!

— Вотъ я и говорю тебѣ, чтобы ты оставилъ ее въ покоѣ, встрѣча съ тобою можетъ сильно потрясти ее. Она отличная сидѣлка, но можетъ оказаться плохой пациенткой. Она умереть—какъ дважды два четыре.

— А можетъ быть, сказалъ Манджіалеска съ оттѣнкомъ грубой ироніи, можетъ быть, если она сохранила ко мнѣ частицу прежняго чувства... кто знаетъ... все уладится, хоть мы и состарились для этого.

— Если ты считаешь фрейлейнъ Юлію способной на такую глупость—ты ошибаешься. Она слишкомъ уважаетъ себя и свое прошлое. Она останется одинокой до самой смерти и до послѣдняго своего вздоха будетъ скорбѣть о своемъ идеалѣ. Ты долженъ знать, что Манджіалеска и Массимо—это два разныхъ человѣка, ничего не имѣющихъ между собою общаго. Еслибы ты пожелалъ привести на самомъ дѣлѣ твою мысль въ исполненіе—предупреди меня, чтобы я могъ приготовить бѣдную женщину. Но если въ тебѣ осталась хоть одна искра прежняго Массимо—ты не сдѣлаешь этой низости. Я ухожу... ты знаешь гдѣ меня можно застать: дома или въ больницѣ.

Манджіалеска ничего не сказалъ. Онъ стоялъ неподвижно, устремивъ взоръ на море и не замѣтивъ даже моей протянутой руки.

Я ушелъ въ самомъ скверномъ настроеніи. Когда я обернулся—Манджіалеска продолжалъ неподвижно смотрѣть на спокойное блестящее море.

IX

Не желая явиться въ домъ моихъ дорогихъ пациентовъ въ томъ состояніи душевнаго волненія, въ которомъ я оставилъ моего стараго пріятеля, я рѣшилъ прежде обойти другихъ больныхъ. Лишь вполнѣ успокоившись, я постучался въ дверь фрейлейнъ Юліи.

Она сама мнѣ открыла. Взглянувъ на нее, я сразу замѣтилъ, что судьба нанесла ей новый ударъ.

— Что Мари? Эмилио? быстро спросилъ я Юлію, едва державшуюся на ногахъ.

— Имъ лучше, пробормотала она упавшимъ голосомъ.

— Что же случилось? Вы больны.

— Нѣтъ, я здорова и, кажется, даже чему-то рада, но бываютъ радости, которыя превышаютъ силы такой слабой души какъ моя, сказала Юлія, показавъ мнѣ батистовый платокъ, въ одномъ изъ угловъ котораго виднѣлась выпитая гладью буква М.

— Это моя работа, я вышила его когда-то для Массимо. Его принесъ старый морякъ, который просилъ Шарлотту, передать его мнѣ. Онъ сказалъ ей, что желаетъ меня видѣть. Но видъ этого платка слишкомъ взволновалъ меня, я не могла его принять и велѣла ему прійти вечеромъ. Когда вы постучали—я думала, что это онъ, и вотъ почему я такъ дрожу.

— Описала ли вамъ Шарлотта каковъ онъ изъ себя?

— Да, это обыкновенный матросъ, старый, безобразный... Мнѣ и въ голову не приходило, чтобы это былъ мой Массимо... Я думала, что онъ пришелъ сказать мнѣ чтонибудь о немъ... и этого было достаточно, чтобы лишить меня всѣхъ силъ...

Упорство Манджіалеска пугало меня. Я рѣшилъ не уступать ему и во чтобы то ни стало отклонить ударъ, грозившій идеалу, которымъ жила эта добрая женщина.

Пока я занятъ былъ моими соображеніями, послышался робкій стукъ въ дверь.

— Это онъ! прошептала фрейлейнъ Юлія, задрожавъ.

— Уходите отсюда, я приму его, сказалъ я ей.

Она подчинилась, но, уходя, замѣтила:

— Не забудьте, что я сама тоже хочу поговорить съ нимъ.

Я открылъ ему дверь. Увидѣвъ меня, Манджіалеска инстинктивно отступилъ назадъ.

— Зачѣмъ ты пришелъ? что ты хочешь сказать этой несчастной? началъ я, не давъ ему опомниться.—Что ты забылъ ее, измѣнилъ ей, женившись на другой... и что теперь ты рѣшилъ исправить свою ошибку... женишься на ней...

Я говорил тихо, чтобы слова мои не достигли слуха Юліи, подслушивавшей, можетъ быть, у дверей. Я говорил тихо, но рѣзко и рѣшительно.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, пробормоталъ несчастный.— Нѣтъ, у меня другое намѣреніе.

— Какое? Объяснись скорѣе. Она можетъ войти, и если ты назовешь себя, это убьетъ ее.

— Я только хочу взглянуть на нее. Какъ бы она не измѣнилась—все же она лучшая часть моей жизни. Не бойся, я сочиню ей что нибудь... А узнать она меня не можетъ. Этого нечего опасаться. Взгляни на мое лицо: тропическое солнце, время и нужда слишкомъ его измѣнили.

— Да, такъ будетъ лучше, замѣтилъ я,—я позову ее.

— Постой... остановилъ меня Манджіалеска,—дай мнѣ оправиться. Мнѣ казалось, что я потерялъ способность чувствовать глубоко и сильно... Но вотъ, видишь, я весь дрожу. Оказывается, что люди остаются дѣтьми до самой старости. Теперь прошло... Пойди, позови ее.

Когда фрейлейнъ Юлія вошла въ комнату, въ которой ждалъ ее Манджіалеска, я готовился къ трагическому исходу. Я думалъ, что Юлія, по необъяснимой прозорливости любящаго сердца, узнаетъ своего друга и за смерть упадетъ въ мои объятія. Но мой старый пріятель оказался слишкомъ хорошо замаскированнымъ временемъ, страстями, страданіями...

— Садитесь, сказала Юлія моряку ввзволнованнымъ голосомъ.

Манджіалеска предпочелъ стоять, а фрейлейнъ Юлія опустилась въ пододвинутое мной кресло.

— Этотъ храбрый матросъ, обратился я къ бѣдной Юліи,—называется Манджіалеска. Онъ знаетъ доктора Массимо. Такъ?

Манджіалеска, пользуясь тѣмъ, что Юлія не смотрѣла на него, не спускалъ глазъ съ несчастнаго созданія.

Онъ отвѣтилъ утвердительно.

— Гдѣ? тихо спросила бѣдняжка, едва поднявъ къ нему свои глаза, которые въ былое время проникали въ душу какъ солнечные лучи.

— На »Молніи«, трехмачтовомъ маленькомъ суднѣ. Я исполнялъ всякія службы, а докторъ Массимо состоялъ на немъ врачомъ.

— Когда?

— Тому двадцать лѣтъ... Докторъ Массимо въ то время сильно заболѣлъ.

— Какой болѣзнью?

— Почему знать? Онъ занимался леченіемъ другихъ и между тѣмъ самъ отправился на тотъ свѣтъ... Онъ выса-дился въ Монтевидео и умеръ въ мѣстной больницѣ.

— О, великій Боже! прошептала фрейлейнъ Юлія.

Очевидно Манджіалеска не могъ болѣе выдержать тя-желой сцены, и, чтобы скорѣе покончить эту комедію, онъ поспѣшно сталъ нанизывать одну выдумку на другую.

Манджіалеска увѣрялъ будто Массимо однажды обра-тился къ нему съ такою рѣчью:

»Послушай, я вылечу тебя отъ раны, но когда ты вер-нешься на родину твою, въ Трецери, отыщи доктора Таль-ди Тали и попроси его передать этотъ платокъ фрейлейнъ Юліи Гохбурхъ, гдѣ бы она ни находилась, и сказать, что я умеръ думая о ней«. Я это исполнилъ и могу уйти.

Фрейлейнъ Юлія долго смотрѣла внизъ, опустивъ голову на грудь. Когда Манджіалеска произнесъ послѣднія слова, она подняла полные слезъ глаза.

— Онъ былъ хорошій, добрый, сказала она, какъ бы оправдываясь въ своей слабости. — Не правда ли?

Манджіалеска стала, наконецъ, невыносима его роль, и, боясь подвергнуться дальнѣйшимъ вопросамъ, онъ воз-разилъ:

— Онъ былъ такой же человѣкъ, какъ всякій другой — способный и на хорошее, и на дурное, какъ мы всѣ.

Фрейлейнъ Юлія вытерла свои слезы. Поблагодаривъ матроса, она предложила ему выпить стаканъ вина, но Манджіалеска отказался и вышелъ.

Я былъ очень радъ, что дѣло кончилось такъ легко, и, пощупавъ пульсъ моей старой подруги, я посоветовалъ ей лечь въ постель, успокоиться и постараться заснуть.

Но фрейлейнъ Юлія отказалась послѣдовать моему со-вѣту. Въ эти нѣсколько минутъ она пережила все свое прошлое, оно такъ живо стояло передъ ея глазами, что спо-койствіе и сонъ для нея были невозможны. Она рѣшила при-бѣгнуть лучше къ ея обычному лекарству. Она рѣшила снова забыться въ заботахъ о другихъ.

Я пошелъ къ моимъ больнымъ. Эмилио изъ другой ком-наты угрожалъ Маріи явиться къ ней закутанный въ про-

стыню, какъ привидѣніе, чтобы отмстить ей, а Мари, лежа въ своей постели, громко хохотала.

— За что онъ хочетъ мстить? допрашивалъ я напрасно.

Мари все продолжала хохотать, а адвокатъ изъ своей комнаты вторилъ ей.

Мои больные не внушали больше опасеній. У нихъ еще осталась слабость, противъ которой я прописалъ имъ крѣпкіе бульоны. Это былъ мой послѣдній рецептъ, а любовь, поддерживавшая ихъ жизнь, должна была девершить исцѣленіе.

— Могу ли я встать? спросила Мари.

— А вы сегодня еще не вставали?

— Нѣтъ, онъ-то всталъ, между тѣмъ какъ ему болѣе необходимо спокойствіе...

— Хорошо, встаньте на часокъ.

— А завтра?

— Завтра вы можете встать оба; вы можете прогуляться вмѣстѣ подъ ручку по комнатѣ, а когда вы устанете, фрейлейнъ Юлія поставитъ для васъ два кресла одно противъ другаго или рядышкомъ... Выбирайте какъ лучше: одинъ противъ другаго или рядомъ.

Мари смѣялась. Эмилио не зналъ что предпочесть. Я сказалъ имъ, что они могутъ еще обдумать этотъ вопросъ, и, пожавъ руку фрейлейнъ Юліи, ушелъ.

У подъѣзда меня ждалъ Манджіалеска.

Х

— Ты еще здѣсь? спросилъ я и, замѣтивъ на его сумрачномъ лицѣ тѣнь какой-то дурной мысли, прибавилъ: — пойдн со мною, я тороплюсь въ городское управленіе. По дорогѣ ты скажешь мнѣ что тебѣ надо.

Онъ пошелъ со мною, но продолжалъ молчать.

— Ты мнѣ ничего не скажешь?

— Что же мнѣ тебѣ сказать? Что фрейлейнъ Юлія некрасивая развалина, такая же какъ я и ты. Объ этомъ, кажется, не стоитъ говорить. Это не наша вина.

— Что касается меня, то я вовсе не считалъ себя развалиной. Когда мнѣ приходилось смотрѣть на себя въ зеркало, я былъ увѣренъ, что никому не можетъ придти въ голову жалѣть меня, считать меня жертвой времени. Это обидное обо мнѣ

сужденіе въ устахъ Манджіалеска, который, несмотря на его прежнюю красоту, явился теперь обладателемъ радужнаго носа, неумѣренно разросшихся бровей, беззубаго рта — лица бродяги — мнѣ казалось страннымъ и смѣшнымъ.

— Да, правда, мы далеко не красивы — ни я, ни ты, ни она. Но ты, по крайней мѣрѣ, въ памяти ея остался такимъ, какимъ былъ когда-то, отвѣтилъ я.

— Прекрасное преимущество! проворчалъ онъ въ досадѣ. — Знаешь, у меня было сильное искушеніе сказать ей все. Если она въ самомъ дѣлѣ очень добра, она способна простить мнѣ и даже могла бы согласиться выйти за меня. Чтожъ, теперь она богата... но она такъ некрасива и стара!.. А моимъ несчастьемъ всегда было влеченіе къ красивымъ женщинамъ. При встрѣчѣ съ хорошенькимъ личикомъ у меня всегда было желаніе становиться на колѣни. Оно осталось, почти въ прежней силѣ, и до сихъ поръ... Можно было бы поселиться въ чужой странѣ, продолжалъ онъ свои соображенія, — и при этихъ условіяхъ не трудно создать себѣ честное имя. При богатствѣ я, не имѣя права лечить безъ аттестата за деньги, могъ бы лечить даромъ и даже даромъ раздавать лекарства. Легче всего будетъ заслужить любовь моей жены, самое трудное полюбить ее. Но можно жить и безъ любви; довольно продолжать такую жизнь...

— Ты остался все тѣмъ же безумцемъ. То, что ты называешь твоимъ несчастьемъ — это твое счастье. Оно мѣшаетъ тебѣ совершить самую большую низость, какая только возможна на землѣ — жениться на женщинѣ безъ надежды полюбить ее когда либо.

— Я думаю, что всегда можно надѣяться полюбить, а въ ожиданіи этого можно и жениться... А если надежда не осуществится...

— Тогда что? Тогда остается одно — страдать.

Манджіалеска на мое наивное замѣчаніе только пожалъ плечами, что должно было выражать слѣдующее:

— Тогда ѣдать, спать, играть въ карты, а главное... пьютъ... напиваются, чтобы забыться.

Когда мы дошли до самой ратуши, Манджіалеска сказалъ:

— Передай синдикку, что я ухожу, и напomini ему, что мнѣ еще не заплачено.

— Я могу дать тебѣ пока взаймы, предложилъ я великодушно.

— Нѣтъ, спасибо!

— Куда же ты уходишь?

— Я вижу тебѣ очень хочется, чтобы я ушелъ изъ этихъ мѣстъ, сказала онъ съ горькой улыбкой.

— Я бы желалъ твоего отъѣзда только по одной причинѣ. Еслибы не это, я сказалъ бы тебѣ: оставайся, я тебя устрою при больницѣ.

— Хорошо, дай мнѣ мѣсто, можетъ быть я и останусь съ тобою. Но прежде всего мнѣ надо попасть на «Прекрасную Франческу», чтобы взять мои вещи.

Но карантинъ являлся важнымъ препятствіемъ его намѣренію.

Постановленіе о карантинѣ между Трецери и Куатроцери все еще находилось въ силѣ, хотя въ Трецери цѣлую недѣлю не было ни одного случая холернаго заболѣванія. Напрасно обращались къ куатроцерскому синдикку съ просьбами объ отмінѣ суроваго постановленія.

Но кавалеръ Алессіо обнаруживалъ твердость древняго римлянина, отказывая и себѣ въ утѣшеніи свидѣться съ собственнымъ, единокровнымъ сыномъ, пребывавшимъ въ Трецери. Онъ доказывалъ просителямъ, что еслибы онъ, синдикъ изъ Куатроцери, вступилъ на зараженную территорию, онъ не рѣшился бы принять на себя снова свои серьезные обязанности, ставшія въ это смутное время еще болѣе отвѣтственными, раньше, чѣмъ подвергнуть себя карантину, какъ самый послѣдній изъ управляемыхъ имъ гражданъ.

Въ этотъ день, наконецъ, назначено было засѣданіе, въ которое были призваны всѣ доктора. Они должны были подтвердить фактъ прекращенія эпидеміи и разрѣшить снятіе ненавистнаго карантина.

Манджіалеска, попрощавшись со мною, пошелъ по направлению горъ, вѣроятно, надѣясь по горной тропинкѣ, черезъ менѣе охраняемые проходы, пробраться въ куатроцерскій портъ, а оттуда на свое судно.

У меня была смутная надежда, что Манджіалеска не вернется болѣе и мнѣ придется съ большими хлопотами переслать ему жалованье. Когда я вошелъ въ залъ засѣданія, тамъ шли оживленные дебаты. Мои товарищи клялись, что отъ холеры ничего не осталось, кромѣ неприятнаго воспоминанія. Я подтвердилъ ихъ увѣренія, и секретарь немедленно внесъ наши мнѣнія въ протоколъ.

Въ заключеніе синдикъ собственноручно написалъ суб-префекту письмо, великолѣпное посланіе, въ самомъ высокомъ бюрократическомъ стилѣ, изъ одного періода, безъ точекъ, даже безъ точекъ съ запятыми. Въ немъ красовались одни лишь запятые, чтобы не дать возможности читающему совершенно захлебнуться. Въ этомъ торжественномъ документѣ выражалась настоятельная просьба объ отмѣнѣ карантина, столь губельно отзывавшагося въ теченіе двухъ мѣсяцевъ на коммерческихъ отношеніяхъ и взаимныхъ чувствахъ жителей двухъ сосѣднихъ мѣстностей, связанныхъ между собою узами общихъ интересовъ—денежныхъ и сердечныхъ.

Секретарь прочелъ намъ посланіе, и мы всѣ поочереды подписали его. Никто не сомнѣвался, что карантинъ будетъ въ силѣ не долге, чѣмъ требовалось для передачи этой официальной бумаги по назначенію и для напечатанія объявленія. Итого два дня. Но карантинъ, однако, мучилъ насъ еще цѣлую недѣлю.

Отмѣна карантина обозначилась прежде всего появленіемъ на треперскомъ горизонтѣ куатроцерскаго синдика, прибывшаго для того, чтобы, на законномъ основаніи, прижать къ своей груди единственнаго сына.

Манджіалеска, между тѣмъ, не подавалъ болѣе никакихъ признаковъ жизни. Я не зналъ куда мнѣ переслать полученные для него сто тридцать лиръ за двадцать девять дней тяжелой службы и выданный ему похвальный, весьма пространный, аттестатъ.

Къ слову сказать: я просилъ для него въ вознагражденіе сто шестьдесятъ лиръ и короткій аттестатъ, но совѣтъ предпочелъ написать шестидесятью словами болѣе и заплатить тридцатью лирами менѣе.

Между тѣмъ мои влюбленные молодые люди, освободившись отъ холеры, чуть не заболѣли снова при мысли о необходимости временной разлуки. Адвокатъ Эмилио заявилъ отцу, что онъ еще слишкомъ слабъ, чтобы двинуться съ мѣста.

Отецъ рѣшилъ сдѣлать необходимое оглашеніе, пока, при помощи фрейлейнъ Юліи, не удастся преодолѣть въ Берлинѣ всѣ затрудненія международныхъ браковъ, и милостиво дозволилъ ему продолжать свое выздоровленіе около Мари. Общественнаго мнѣнія они больше не боялись, ибо

всѣмъ было извѣстно, что Мари и Эмилио вмѣстѣ болѣли отъ любви и холеры, вылечили другъ друга и скоро соединятся законнымъ бракомъ. Такимъ образомъ, отрѣзаны были всѣ дороги для клеветы.

Мысль, что вскорѣ они будутъ соединены на всю жизнь, ввергла въ лихорадочное состояніе молодого адвоката, который при всякой помѣхѣ берлинскаго гражданскаго правленія раздражался противъ бюрократіи громкими филиппиками, уподобляя ее холерѣ. Когда, наконецъ, берлинскія духовныя и свѣтскія власти разрѣшили Мари и Эмилио вступить въ бракъ, тогда поднялась борьба между двумя куатроцерскими приходами за право вѣнчать молодыхъ. Борьба эта продолжалась бы еще долго, еслибы адвокатъ не обратился къ отцу-синдику со смѣлымъ предложеніемъ самому ихъ повѣнчать, безъ помощи церкви.

— Для насъ и этого будетъ достаточно, не правда ли Мари?

Мари готова была довольствоваться этимъ, но фрейлейнъ Юлія желала, чтобы свадьба состоялась самымъ торжественнымъ образомъ, по всѣмъ правиламъ и обычаямъ.

— Не безпокойтесь — все будетъ великолѣпно и такъ, увѣрялъ Эмилио.

Но фрейлейнъ Юлія улыбалась и неодобрительно качала головой.

Тогда синдик-отцу пришла блестящая мысль, которою онъ самъ очень остался доволенъ:

— Устроимъ свадьбу въ Трецери. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, только одинъ приходъ.

— А тебѣ это не очень будетъ неприятно?

Правду сказать синьору Алессіо не очень-то было пріятно въ этомъ случаѣ уступить свои обязанности другому синдик-отцу, но ему хотѣлось проучить духовныя власти Куатроцеръ; къ тому же для него было интересно посмотреть какъ это синдикъ изъ Трецери сѣмѣетъ справиться съ обычною рѣчью молодымъ въ присутствіи его, знаменитаго оратора нѣсколькихъ округовъ.

XI

Послѣ долгихъ поисковъ я узналъ, что Манджіалеска былъ задержанъ стражей и помѣщенъ въ карантинъ, по выходѣ изъ котораго онъ явился на »Прекрасную Фран-

чешку», чтобы забрать свои вещи. Но капитанъ не отпустилъ его и заставилъ дослужить свой срокъ.

Я отправился къ нему, чтобы отдать ему деньги и пообѣщать явиться за ними въ Трецери. Тѣмъ не менѣе Манджіалеска объявилъ мнѣ, что черезъ день онъ совершенно освободится отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ »Прекрасной Франческѣ« и что первый его визитъ будетъ принадлежать мнѣ.

— Я знаю, это не доставитъ тебѣ удовольствія, но это дѣло рѣшенное—вооружись терпѣніемъ.

— Постараюсь, сказалъ я въ шутовскомъ тонѣ.

Но я напрасно прождалъ его весь слѣдующій день. Онъ не явился ко мнѣ; онъ счелъ для себя лучше отправиться прямо на домъ къ фрейлейнъ Юліи.

Очутившись наединѣ съ несчастной дѣвушкой, онъ объявилъ ей, что Массимо не умеръ, что онъ живъ и находится недалеко...

— Ты меня не узнаешь? обратился онъ къ ней,—ты видишь этотъ шрамъ? Онъ ничего тебѣ не напоминаетъ? А это колечко? Я не разставался съ нимъ съ тѣхъ поръ, какъ ты обручилась со мною... Массимо... это я...

Фрейлейнъ Юлія при этомъ извѣстіи грохнулась на полъ.

Адвоката Эмилио и Мари въ это время не было дома. Они въ полѣ ворковали о своемъ будущемъ счастьи. Шарлотта, услышавъ стукъ, прибѣжала изъ кухни.

— Что вы сдѣлали съ моей госпожей! кричала она сначала по нѣмецки, а затѣмъ на ея самой созданномъ итальянскомъ языкѣ. Она пришла въ такую ярость, такъ вопила, что Манджіалеска изъ боязни скандала благоразумно удалился.

Шарлоттѣ, обладавшей двумя желѣзными руками, которыми она переворачивала тяжелые тюфяки какъ перышки, не трудно было поднять эту легкую связку косточекъ и перенести ее на постель.

Убѣдившись, что члены ея госпожи не потерпѣли поврежденій, Шарлотта пустила въ ходъ всѣ эфирныя соли и эссенціи, какія только находились въ домѣ.

Фрейлейнъ Юлія перевела духъ. Это обстоятельство совершенно успокоило вѣрную служанку, ибо, по мнѣнію Шарлотты, пока человѣкъ дышетъ, можно быть увѣреннымъ, что онъ еще живъ.

— Скажите, докторъ, спросила Юлія, рассказавъ мнѣ всѣ подробности описанной сцены,—скажите, возможно ли, чтобы это была правда? Вѣдь вы хорошо знали Массимо. Еслибы вы думали, что это правда—вы бы отъ меня не скрыли.

— Я ничего не могу вамъ сказать. Еслибы Массимо чудомъ и превратился въ Манджіалеска, я, все равно, считалъ бы его для себя умершимъ, отвѣтилъ я, чтобы приготовить бѣдную дѣвушку ко всякимъ возможнымъ выходкамъ безсовѣстнаго человѣка, повидимому, рѣшившагося на отчаянный шагъ.—Впрочемъ, замѣтилъ я,—въ этомъ матросѣ нѣтъ ни одной черты, которая бы напомнила мнѣ о нашемъ общемъ другѣ.

— А шрамъ на рукѣ?

— Вы его видѣли сами?

— Нѣтъ, но слѣдуетъ посмотреть.

— Но что значать эти признаки—почти ничего. Очень можетъ быть, что мы имѣемъ передъ нами смѣлаго самозванца, который случайно узналъ нѣкоторые интимные факты изъ жизни Массимо, овладѣлъ его вещами и теперь хочетъ изъ этого извлечь для себя выгоду.

Слова эти, внушенные мнѣ досадой, очевидно, запали въ душу фрейлейнъ Юліи.

— Однако теперь надо заняться имъ... Я совершенно оправилась... Еслибы онъ оказался въ самомъ дѣлѣ тѣмъ, кого я любила, и еслибы онъ потребовалъ отъ меня исполненія нѣкогда даннаго ему обѣщанія... я обязана буду согласиться... сказала она и горько заплакала.

Успокоившись, она снова стала упрашивать меня отыскать и привести къ ней »этого человѣка«.

Я нашелъ Манджіалеска на морскомъ берегу. Онъ лежалъ на песокъ съ надвинутой на глаза соломенной шляпой и выставленными на солнце ногами. На этотъ разъ бушевавшее море гнало къ нему громадныя волны, словно намѣреваясь смыть его съ занятаго имъ мѣста.

Манджіалеска точно почувалъ мое присутствіе, и прежде, чѣмъ я вздумалъ присѣсть рядомъ, онъ сказалъ, не измѣняя своего положенія:

— Я ждалъ тебя. Я зналъ, что ты придешь. Ты знаешь ли, что я сдѣлалъ? Я пошелъ къ ней и сказалъ ей все. Она упала въ обморокъ!

Я стоялъ передъ нимъ, не произнося ни одного слова.

— Ты молчишь, продолжалъ онъ стараясь приподняться и опираясь на локтѣ.—Тебѣ видно уже все извѣстно, тѣмъ лучше. Ты можешь не говорить: одно твое присутствіе здѣсь уже доказываетъ, что Юлія пришла въ себя... Женщины живучи, какъ кошки.

Какъ Манджіалеска ни старался казаться развязнымъ, но мое молчаніе, очевидно, смущало его.

Я замѣтилъ, что онъ еле могъ удержаться въ сидячемъ положеніи и съ трудомъ сохранялъ равновѣсіе.

— Ты былъ дурнымъ возлюбленнымъ, а теперь ты оказался и сквернымъ другомъ.

— Не ты ли оказался добрымъ другомъ?

— Для тебя я теперь никто. Я только врачъ и вижу, что ты сильно нуждаешься въ леченіи, ты пьянь. Только это одно служить тебѣ извиненіемъ.

— Я не прошу извиненія и не нуждаюсь въ прощеніи, проворчалъ Манджіалеска.

— Тѣмъ хуже! То, что ты совершилъ, даетъ мнѣ право предполагать, что ты намѣренъ продолжать въ томъ же духѣ. Какъ угодно. Только прежде, чѣмъ ты вздумаешь возобновить эту гнусную комедію, ты дашь намъ доказательство, что ты истинный Массимо. Я знаю только Манджіалеска.

— Я представлю эти доказательства фрейлейнъ Юліи.

— Фрейлейнъ Юлія поручила мнѣ принять васъ. Она больна и только тогда увидитъ васъ, когда я ей это позволю. Она уѣдетъ изъ Трепери, когда я разрѣшу: завтра, а можетъ быть и сегодня. Если вы желаете дать доказательства, подтверждающія, что вы именно тотъ, за котораго вы себя выдаете, то я готовъ васъ слушать.

Мой рѣзкій тонъ ошеломилъ несчастнаго.

— Мнѣ некогда оставаться здѣсь, ты знаешь, гдѣ меня можно застать, сказалъ я, бросивъ на него суровый взглядъ и собираясь уходить.

— Подожди!

— Я остановился.

— Почему ты такъ говоришь со мной?

— Потому, что ты обмануль меня, и я не могу теперь ни въ чемъ тебѣ повѣрить.

— И ты тоже...

— Именно я.

— А если я дамъ тебѣ доказательства, ты скажешь Юліи, ты общаешь мнѣ?

— Да, если ты хочешь.

— Представить законныя юридическія доказательства, началъ онъ съ саркастической улыбкой, — мнѣ было бы слишкомъ трудно, но фрейлейнъ Юлія вѣроятно требуетъ отъ своего жениха не этого рода доказательства, а инныя, которыхъ у меня сотни. Я могу повторить всѣ клятвы любви, какія мы давали другъ другу у подножія одной итальянской сосны. Она еще существуетъ до сихъ поръ. На ней еще и теперь виднѣются наши имена, которыя я вырѣзалъ на корѣ перочиннымъ ножомъ. Если Юлія пойдетъ со мною, я приведу ее къ этому мѣсту. Это, конечно, не юридическое доказательство, но для нея это что нибудь да значить, особенно если она еще чувствуетъ какую нибудь привязанность... къ моей памяти.

Онъ умолкъ на минуту, очевидно, желая проникнуть въ мои мысли, но я остался непроницаемымъ.

— Я могъ бы показать ей, продолжалъ онъ, — сотни нѣмыхъ свидѣтелей нашей любви. Я могъ бы показать ей камень, на которомъ она однажды сидѣла. Ручей, къ которому мы прибѣжали, чтобы обмыть отъ крови мое лицо, поцарапанное вѣткой дерева, и ея заплаканные глаза.

Манджіалеска снова умолкъ, устремивъ глаза въ бушующее море. Казалось, передъ его взоромъ теперь проходили менѣ радостныя воспоминанія.

— Можетъ быть, всего этого мало, сказалъ онъ нервно, — но я могу перечислить столько подробностей, что фрейлейнъ Юлія должна будетъ повѣрить. Узнавъ, что Массимо существуетъ, узнавъ о томъ, какъ онъ страдалъ, что онъ желаетъ стать теперь инымъ человѣкомъ, чтобы любить ее... она... Но счастье ея, что она сдѣлалась стара и дурна. Не всякая женщина, которая нравится другимъ, могла бы удовлетворить Манджіалеска! какъ бы тебѣ это ни казалось страннымъ, но это правда. Безумная страсть къ красотѣ меня не оставила и до сихъ поръ.

Я воспользовался слабымъ мѣстомъ моего пріятеля и сталъ ему доказывать, что несчастному человѣку, достигшему преклонныхъ лѣтъ, лишенному возможности жениться на красивой дѣвушкѣ, не слѣдуетъ портить по-

слѣдніе проблески стремленія къ красотѣ, связавшись со старухой.

— Надо всегда любить что нибудь, хотя бы воспоминаніе о любви, если нѣтъ ничего другаго, заключилъ я наставительно.

— Въ моемъ положеніи даже и это невозможно, отвѣтилъ нѣсколько помолчавъ Манджіалеска.

Я ушелъ, оставивъ моего стараго друга въ томъ же положеніи съ глазами устремленными на вздымавшіяся волны, которыя точно стѣной скрывали передъ нимъ обширный горизонтъ моря.

Уходя, я обѣщаль вернуться къ нему, лишь только покончу съ немногими визитами.

Когда я вернулся, я нашель его попрежнему лежащимъ на берегу съ надвинутой на глаза шляпой.

— Манджіалеска, Массимо! окликнулъ я его, нагнувшись надъ самымъ его ухомъ, чтобы заглушить ревъ моря.

Но онъ не двигался.

Я поднялъ шляпу и заглянулъ ему въ лицо. Глаза его были открыты и, казалось, глядѣли на грозное море, а на вискѣ изъ маленькой ранки струилась кровь, которая, окрасивъ щеку, капля за каплей просачивалась въ песокъ.

Я сталъ его трясти, приводить въ чувство. Приложивъ руку къ его сердцу, я убѣдился, что мнѣ ничего ужъ не оставалось сдѣлать для него. Онъ былъ мертвъ.

XII

Трупъ самоубійцы перенесли въ мертвецкую больницу. Я счель нужнымъ самъ извѣстить фрейлейнъ Юлію о случившемся; иначе она могла бы узнать объ этомъ отъ другихъ... Не скупаясь на выдумки, я сочинилъ ей цѣлую исторію, которой бѣдная дѣвушка простодушно повѣрила. Я счель обязанностью доктора и друга какъ можно больше уклониться отъ истины. Я разсказаль ей, будто Манджіалеска передъ смерью признался въ своемъ самозванствѣ, чистосердечно раскаявшись, что этимъ безчестнымъ поступкомъ встревожилъ душу доброй женщины... Я наговорилъ столько трогательныхъ вещей, что фрейлейнъ Юлія вдругъ вдумала во чтобы то ни стало взглянуть на покойника.

— Я должна это сдѣлать... позвольте мнѣ... Я никогда не прошу себѣ, если не послушаюсь голоса моего сердца, который не перестаетъ шептать мнѣ: »взгляни на самоубійцу, взгляни на Манджіалеска«.

Мнѣ пришлось уступить ей; я рѣшилъ самъ проводить ее.

Передъ дверью мертвецкой я пытался было остановить фрейлейнъ Юлію отъ этого шага, но напрасно.

Мы вошли. Я не могъ замѣтить впечатлѣнія, какое произвелъ на мою пріятельницу видъ мертвеца, ибо все мое существо было потрясено представившимся намъ зрѣлищемъ. Это было ужасно!.. И жизнь не пощадила несчастнаго, преждевременно исказивъ лицо его до неузнаваемости, а смерть еще болѣе жестокимъ образомъ наложила на его обликъ печать своей всеразрушающей руки. Мнѣ стоило большого напряженія фантазіи, чтобы въ этомъ безобразномъ, страшномъ трупѣ найти хоть отдаленное подобіе съ Массимо, молодымъ, красивымъ, полнымъ жизни...

Теперь, думалъ я про себя, Массимо умеръ, умеръ на самомъ дѣлѣ.

— Уйдемъ, прошептала Юлія,—уйдемъ!

— Я хорошо сдѣлала, что видѣла его. Теперь я убѣдилась, что этотъ человѣкъ не могъ быть Массимо. Теперь я могу уснуть спокойно. Я больше не буду бояться, чтобы въ сновидѣніяхъ моихъ чистый образъ моего друга осквернялся обликомъ Манджіалеска, сказала она, когда мы вышли на воздухъ.

— Бѣдный Манджіалеска! Я простила ему страхъ, который онъ на меня навелъ, и буду молиться за него, прибавила она, какъ бы раскаиваясь въ своихъ жестокихъ словахъ.

Черезъ нѣсколько дней синдикъ торжественно связалъ Марію и Эмилию брачными узами на всю жизнь, а священникъ изъ Трецери закрѣпилъ ихъ навѣки, заявивъ всѣмъ присутствующимъ съ высоты своей кафедры, что бракъ этотъ во имя небснаго Отца будетъ длиться и за предѣлами этого міра.

Я былъ однимъ изъ свидѣтелей обѣихъ церемоній; другимъ свидѣтелемъ былъ капитанъ Стомбіо.

Когда молодые люди, отправившись въ брачное путе-

шествіе тотчасъ послѣ вѣнца, покинули насъ на желѣзно-дорожной станціи, я взялъ подъ руку фрейлейнъ Юлію и повелъ ее домой. Она говорила мнѣ о великомъ блаженствѣ истинной любви, часто обращая къ небу свои бѣдные глаза, какъ бы ища въ небесной выси образъ своего незабвеннаго жениха.

Мари поселилась въ Куатроцери, гдѣ она счастливо проживаетъ со своимъ адвокатомъ и обзавелась порядочной горсточкой дѣтей. Фрейлейнъ Юлія ежегодно пріѣзжаетъ сюда, чтобы навѣстить свою любимую дочь и взглянуть на дорогія для нея мѣста. Съ каждымъ годомъ она кажется мнѣ худѣе и прозрачнѣе.

Въ этомъ году она вовсе не пріѣхала—она умерла. И вотъ почему я позволилъ себѣ написать эту грустную исторію.

Съ итальянскаго И. А. Гриневская

ПОКИНУТАЯ

Опять одна, одна съ моей тоской
По комнатамъ брожу я одинокимъ,
И чернымъ шлейфомъ бархатное платье
Мететь за мной холодный мраморъ плитъ...

О, неужели ты не возвратишься?

Мои шаги звучать средь залъ пустыхъ...
Съ высокихъ стѣнъ старинные портреты
Глядятъ мнѣ вслѣдъ насмѣшливо и строго
И взорами преслѣдуютъ меня...

О, неужели ты не возвратишься?

У ногъ моихъ, играя на коврѣ,
Малютка нашъ спросилъ меня сегодня:
»Гдѣ мой отецъ и скоро ли вернется?«
Но что-жь ему отвѣтить я могла?

О, неужели ты не возвратишься?

Я видѣла какъ влѣзъ ты на коня
И передъ тѣмъ, чтобъ въ путь уѣхать дальній,
Со всѣми ты простился, какъ бывало.
Лишь мнѣ одной ты не сказалъ »прости!«

О, неужели ты не возвратишься?

Но, помнится, какъ будто по окну,
Гдѣ колыхалась тихо занавѣска,
Скрывавшая меня съ моимъ страданьемъ,
Скользнулъ на мигъ зажегшійся твой взглядъ...

О, неужели ты не возвратишься?

Свое кольцо вѣнчальное въ тотъ день,
 Въ безуміи отчаянья нѣмаго,
 Такъ долго я и крѣпко цѣловала,
 Что выступила кровь изъ губъ моихъ!..

О, неужели ты не возвратишься?
 И медальонъ на цѣпи золотой
 Попрежнему ношу я неизмѣнно...

Ты хочешь знать—чье тамъ изображенье
 И прядь волосъ? Такъ знай—они твои!

О, неужели ты не возвратишься?
 Иль надъ моей всеиленъ ты душой? —
 Но день и ночь, во снѣ, въ мечтахъ, всечасно,
 Подъ вѣтра шумъ и легкій трескъ камина —
 Всегда, всегда я мыслю о тебѣ!..

О, неужели ты не возвратишься?
 Давно угасъ румянецъ щекъ моихъ,
 И взоръ померкъ!.. Я жду!.. я умираю!..
 И, если я не шлю тебѣ проклятья, —
 Какъ велика, пойми, моя любовь!..

О, неужели ты не возвратишься?

М. Лохвицкая

ВѢРНОЕ СЕРДЦЕ

(Изъ жизни странствующихъ артистовъ)

А. Е. Зарина

XVIII

Поздно ночью Хлябина была разбужена громомъ упавшаго стула. Она тревожно приподнялась въ постели и въ бѣломъ сумракѣ ночи увидѣла пьянаго Кочетова. Онъ глупо смѣялся и бормоталъ что-то, ходя по комнатѣ и задѣвая мебель.

— Ложись спать! крикнула ему Хлябина.

— Спать? тихо смѣясь, отвѣтилъ Кочетовъ. — Спать мы пойдемъ, ты не безпокойся! И циркъ устроимъ! да! Харитоновъ приглашалъ меня сегодня, а я говорю врешь — я самъ хозяинъ! ха-ха!..

Хлябина встала и сама уложила его въ постель.

Пьяный Кочетовъ нѣсколько смутилъ ее, и она долго не могла заснуть, но потомъ, мало по малу, успокоилась.

Что за бѣда, если и выпилъ? Не переродиться же ему въ самомъ дѣлѣ! Встрѣтился съ товарищами — и выпилъ. Они всѣ пьютъ...

И, когда полуденное солнце ударило ее своими жаркими лучами прямо въ лицо, она проснулась попрежнему бодрая, довольная и счастливая. Главное уже сдѣлано: она въ Петербургѣ; остальное все зависитъ отъ нея — и она снова чувствовала себя сильной и вѣрила въ осуществленіе своихъ завѣтныхъ желаній.

Кочетова уже не было въ комнатѣ. Въ корридорѣ за дверью раздавались сильные голоса и грубый смѣхъ.

Хлябина быстро соскочила съ постели, повернула ключъ въ замкъ и стала поспѣшно одѣваться.

Въ этотъ день она познакомилась со всѣмъ населеніемъ комнатъ Свинохиной. Кочетовъ привелъ ихъ всѣхъ пить утренній чай и знакомиться съ Хлябиной.

Она увидѣла Колесова, Ваську, работающаго гимнастомъ и клоуномъ. 18-тилѣтній мальчишка, онъ выучился кое-какъ отъ Шепурова партеру и прыжкамъ и слонялся по балаганнымъ подмосткамъ, работая за три, много за четыре рубля задѣльной платы. Его молодое безусое лицо было нагло, и въ его крошечныхъ глазахъ свѣтился порокъ. Онъ былъ одѣтъ въ пестрый пиджакъ и красный галстухъ. Обыкновенно развязный и наглый среди балаганныхъ женщинъ и подростковъ-мальчишекъ, онъ походилъ теперь на побитую собаку, чувствуя, что его могутъ оборвать за каждое слово и прогнать, какъ мальчишку.

Тутъ былъ и Степанъ Шепуровъ, здоровенный, плотный мужчина съ воловьею короткою шеею, огромною головою и угрюмымъ лицомъ. Наканунѣ, вѣроятно, онъ сильно пилъ, и, неумытый, хмурый, въ сюртукѣ безъ нижняго бѣлья (почему онъ поднималъ воротникъ и все время не отпускалъ руки отъ горла), онъ производилъ впечатлѣніе мрачнаго пропойцы, готоваго за рюмку зарѣзать ближняго. Третьимъ гостемъ явился Сашка Немиловъ, занимавшій со своей Дарьей сосѣднюю комнату.

Десять лѣтъ работая по балаганамъ и открытымъ сценамъ въ качествѣ музыкальнаго клоуна, онъ серьезно считалъ себя артистомъ и съ презрѣніемъ глядѣлъ на своихъ болѣе молодыхъ собратьевъ. За всю свою практику онъ изучилъ и прыжки, и партеръ, и пантомиму. Теперь же онъ гнулся передъ Кочетовымъ и Хлябиной, чувствуя ихъ денежную силу, и старался всячески снискать ихъ расположеніе.

Наконецъ, Хлябина увидѣла и злополучнаго отца Нинки, Алешу Кобелева. Этотъ несчастный старикъ, со слезящимися глазами, бѣгалъ для Кочетова за виномъ и закускою и теперь нерѣшительно остановился на порогѣ комнаты, ожидая приглашенія, словно собака, ждущая подачки. Невысокаго роста, худощавый, съ длинными сѣдыми волосами и трясущейся головою, онъ произвелъ на Хлябину удручающее впечатлѣніе.

— Идите и вы, пожалуйста! позвала она его, и старикъ

мелкими, дрожащими шажками робко приблизился къ столу и протянулъ свою руку за рюмкую.

— Въ очередь, старикъ, въ очередь! съ шутовской гримасой крикнулъ Немиловъ, ударяя старика по рукѣ; старикъ отшатнулся съ жалкою улыбкою на лицѣ, а вся компанія дружно расхохоталась.

Этотъ смѣхъ и эти люди произвели ошеломляющее впечатлѣнiе на Хлябину. Въ первый разъ она попала въ такое странное общество. Когда она знакомилась съ Кочетовымъ, безспорно онъ не произвелъ на нее впечатлѣнiя джентельмена, но никогда она не ожидала ничего подобнаго.

И по мѣрѣ того, какъ выпивалось вино и бесѣда принимала все болѣе и болѣе оживленный характеръ, ей дѣлалось все страшнѣе и противнѣе. Она взглядывала на Кочетова и глазами умоляла избавить ее отъ этого общества, но онъ не понималъ ея безмолвной просьбы и, увлекшись разговоромъ, самъ старался перекричать всѣхъ и оралъ, стуча кулакомъ по столу.

— Чинизелли и Никитина убью! вотъ что! вы идете со мной — и баста!

— Милый ты человекъ, да я за тебя во-о! хрипѣлъ Шенуровъ и билъ себя правою рукою въ грудь. Въ лѣвой теперь онъ держалъ кусокъ сыру. Его скюртку распахнулъ и открывалъ широкую, покрытую рыжими волосами, грудь.

— Ку-ка-ре-ку! въ восторгѣ кричалъ Немиловъ, стараясь разсмѣшить компанію, и даже Колесовъ, оправившись отъ своего смущенія, ласково засматривалъ въ глаза Кочетову и говорилъ:

— И меня возьмите!

— И тебя возьму! оралъ Кочетовъ въ отвѣтъ Колесову.

— И тебя! кричалъ онъ и Кобелеву и дружески билъ ихъ по плечу.

— Меня-то что! моргая глазами, говорилъ старикъ: — а вотъ Нинку, Нинку бы!

— И Нинку возьмемъ! возьмемъ Анюта? а? обратился пьяный Кочетовъ къ Хлябиной.

Хлябиной стало невыносимо противно; она встала и прошла въ корридоръ, а оттуда на кухню.

Тамъ, у сосноваго стола, сидѣла Дарья Васильевна и раскладывала пасьянсъ, а подлѣ нея въ бѣлой ночной

кофточкѣ, съ попилботками въ волосахъ, сидѣла слабая худенькая дѣвочка съ блѣднымъ лицомъ, на которомъ горѣли черные глаза. При видѣ Хлябиной она окинула ее пытливымъ взглядомъ и хотѣла уйти, но потомъ словно одумалась и осталась на мѣстѣ.

Дарья Васильевна привѣтливо кивнула Хлябиной головою и смѣшала карты.

— Не въ привычку вамъ-то? спросила она ее, льстиво и заискивающе улыбаясь ей.

Хлябина утомленно опустила на табуретку.

— Теперь у нихъ это день въ день пойдетъ, пока кто до горячки не допьется. Благо есть на что, продолжала Свиноухина, не дожидаясь отвѣта Хлябиной. — Понятно, если вы не сократите сокола своего. Я бы на вашемъ мѣстѣ....

— Мой-то тоже тамъ? спросила вдругъ надтреснутымъ голосомъ дѣвочка, перебивая Свиноухину.

— А то гдѣ же и быть ему! отвѣтила за Хлябину Свиноухина и, обращаясь къ Хлябиной, пояснила: — это и есть Нинка, а отецъ-то ея у васъ за виномъ бѣгалъ. Пьянчужка горькая! Теперь вернется — и сейчасъ скандалъ.

Хлябина съ любопытствомъ посмотрѣла на Нину. Такъ это и есть та, у которой отъ работы спина распухла? и она сказала.

— Да, тамъ и вашъ отецъ. Онъ нигдѣ теперь не работаетъ?

— Онъ? дѣвочка взглянула на нее, нахмурилась и махнула рукой: — ужъ не скандалилъ бы только — и то спасибо. А то—работать!.. Онъ, какъ только я получила первыя деньги, такъ и бросилъ. Ему что!

— Она вотъ одна и мается, а развѣ это легкое дѣло, заговорила Свиноухина: — хорошо еще, если въ благородномъ саду, а то нате за 40 рублей!..

— За 40! перебила ее опять Нина:—а какъ я на Масляной за 15 работала! а потомъ у Крихера въ циркѣ. Нѣтъ, нашей сестрѣ все на руку. Иногда и за рубль пойдешь!..

И тутъ Хлябина впервые узнала всю неприглядную сторону этой тяжелой жизни. Мишурныя блестящія и оживленная улыбка выбѣгающаго на арену артиста часто скрываютъ вопиющую нищету и неописуемыя страданія.

Хотя бы эта дѣвочка. Ей уже восемнадцать лѣтъ, а на видъ ей не болѣе 12, потому что непосильная работа,

холодь и голодь постоянно задерживали ея развитіе. Но при наружности двѣнадцатилѣтняго ребенка умъ ея — умъ все испытывшей женщины. Она не покраснѣетъ отъ неосторожнаго слова и не смутится даже въ пьяной мужской компаніи. Отець и закулисная жизнь балагана научили ее всему.

Какая жизнь, какія наслажденія жизнью и какая работа!

Нина одушевилась и съ жаромъ рассказывала исторію своей жизни и жизни подругъ. Чтó ей пришлось испытать!

Когда ее учили и ломали ея хребетъ, приучая гнуться его въ кольцо, ее били. Теперь голодь и холодь, и то же битье, когда отецъ напьется и отнимаетъ на водку деньги, необходимыя для жизни.

— Нѣтъ тяжеле хлѣба! а всѣ думаютъ: то-то мы веселые, то-то мы безпутные! кутежъ! — колбасы на 3 коп. да бутылка пива тутъ и кутежъ, и обѣдъ! ха-ха! Нѣтъ, моя мечта, окончила съ оживленіемъ Нина, — пусть я издохну за этой каторжной работой (туда мнѣ и дорога), но Женьку съ Петькой не пущу туда. Пусть мастерство выучать, сапожниками будутъ — все лучше, чѣмъ »господами артистами!« Ея лицо вспыхнуло отъ волненія, а большіе черные глаза словно горѣли.

Хлябина была тронута. Со свойственной ей порывистостью она схватила эту дѣвочку-женщину за плечо и, цѣлуя ее, сказала:

— Славная вы, славная! Я къ вамъ зайду непременно. Можно? а теперь, можетъ, вамъ денегъ надо?

Нина улыбнулась и тряхнула головою.

— Вотъ то же! Если артистъ, сейчасъ денегъ! Нѣтъ, не надо, сказала она: — а къ намъ пожалуйста. Мама всегда дома, а я днемъ... Что это у насъ такъ тихо?..

Она поднялась съ табуретки и, кивнувъ головою, вышла изъ кухни.

— Славная дѣвушка! зашептала Свиноухина: — только не надолго ее... Чахотка!

Хлябина сидѣла, низко опустивъ голову, и въ сердце ея снова закрадывалась тоска.

ХІХ

Иванъ Кочетовъ теперь совершенно освоился со своимъ положеніемъ. Энергичный, грубый и чувственный онъ

успѣлъ подчинить себѣ и Хлябину, и она отчасти примирилась со своимъ положеніемъ, продолжая надѣяться, что наступитъ то время, когда она рука объ руку съ Кочетовымъ выйдетъ на арену своего собственнаго цирка.

Кочетовъ пьянствовалъ безъ просыпа, т. е. вѣрнѣе — кутилъ. Теперь онъ бросилъ пиво и водку и перешелъ на вино; оставилъ соленый огурецъ и колбасу и перешелъ на буфетныя закуски.

Одѣтый франтомъ, въ чистой сорочкѣ, съ булавкой въ галстухѣ, съ золотой цѣпочкой и перстнемъ на пальцѣ, онъ обратился въ красавца мужчину, и Хлябина невольно любовалась имъ, любя его со всею горячностью своей порывистой натуры. И, въ своей любви подчиняясь ему, она мало по малу свыклась и съ его безпутною жизнью и, втянувшись въ нее, стала кутить съ нимъ вмѣстѣ.

Каждый вечеръ они ѣздили въ Акваріумъ, Аркадію или Зоологическій садъ.

Тамъ, просматрѣвъ представленія, Кочетовъ собиралъ подлѣ себя компанію артистовъ, и они ужинали или въ саду, или въ отдѣльномъ кабинетѣ. Здѣсь Хлябина увидала находящихся артистовъ, не тѣхъ, что получаютъ 3 рубля за вечеръ или 40 за мѣсяцъ, а получающихъ 100, 200 и 300 рублей!

И они всѣ были за панибрата съ Кочетовымъ. Это еще болѣе возвышало его въ глазахъ Хлябиной. Пусть ужъ онъ отдохнетъ послѣ жизни среди постояннаго труда и лишений. Потомъ веселѣе будетъ приняться за дѣло. И какой онъ красавецъ! Она жадно смотрѣла на него, когда онъ, окруженный своими пріятелями, вспоминалъ съ ними встрѣчи и приключенія, оцѣнивалъ ихъ работу или высказывалъ вслухъ свои мечты о циркѣ, а они всѣ слушали его и поддакивали ему. Да, это будетъ богатое дѣло! Они всѣ пойдутъ къ нему, какъ товарищи. И, говоря это, они всѣ, наперерывъ, ухаживали за Хлябиной.

Но ей не нравился никто, кромѣ Кочетова. Развѣ одинъ Молодцевъ. Это былъ уже пожилой, но сильный и крѣпкій мужчина. Огромнаго роста, широкоплечій, великанъ по сложенію, онъ имѣлъ почти дѣтское, нѣжное лицо съ бѣлокурыми усами, нѣжными голубыми глазами и смущенною улыбкою на губахъ.

Хлябина слышала легендарные рассказы объ его храб-

рости, и сама съ замирающимъ сердцемъ видѣла его работу на канатѣ на высотѣ 8 сажень надъ землею. Онъ, казалось, презиралъ опасность и смѣялся надъ смертью. Про него рассказывали страшную исторію, будто онъ возилъ въ тачкѣ свою любимую дочь и уронилъ ее съ высоты каната. Дѣвочка умерла, его молодая жена сошла съ ума отъ горя, и вотъ теперь онъ ищетъ смерти дочери для самого себя и не находитъ ея. Но когда нибудь онъ сорвется нарочно.

Хлябина относилась къ нему съ особенной предупредительностью и нерѣдко звала его къ себѣ, а онъ, молчаливый, краснѣющій, смущенно благодарилъ ее и взглядывалъ на нее благодарнымъ взглядомъ.

Въ обществѣ артистовъ проходило незамѣтно полъ ночи, и потомъ Хлябина, съ Кочетовымъ вдвоемъ, ѣхала домой по уснувшимъ улицамъ города среди блѣднаго свѣта лѣтней бѣлой ночи. Они переѣзжали Малую Неву и рѣчки, ихъ то и дѣло перегоняли изящные собственные экипажи, и Хлябина, невольно увлекаясь этою полуночною жизнью, иногда забывала даже о своемъ призваніи, о своей мечтѣ.

Полупьяный Кочетовъ, вернувшись домой, цѣловалъ ее и говорилъ:

— Что, довольна? у тебя, небось, и въ головѣ того не было, что увидѣла! А, погоди вотъ, свое дѣло заведемъ! И онъ восторженно начиналъ говорить объ ихъ циркѣ, куда онъ соберетъ всѣхъ лучшихъ артистовъ.

Хлябина увлекалась и, прижимаясь къ нему, шептала:

— А когда меня выучишь?

— Будетъ время! Постой. Всему, что хочешь!..

И они засыпали довольные другъ другомъ, оба вѣря въ счастливое будущее.

XX

Кочетовъ сорилъ деньгами. Не проходило недѣли, чтобы Хлябина не ѣздила съ нимъ въ банкирскую контору и не брала оттуда съ текущаго счета, но она никогда не выражала на это своего неудовольствія, потому что ей было все равно. Она слишкомъ мало придавала значенія деньгамъ.

И деньги таяли. Кочетовъ раздавалъ ихъ своимъ друзьямъ щедрою рукою. Кромѣ того они не жалѣли денегъ для своего удовольствія. Вечеромъ Кочетовъ съ Хля-

биной угощали садовыхъ артистовъ; днемъ же въ ихъ комнату всегда собирались сосѣди. Теперь они освоились съ Хлябиной, и она все ближе и ближе узнавала всю неприглядную сторону ихъ трудовой жизни.

Если въ саду она слышала безпечные разговоры и веселый смѣхъ, то здѣсь вся бесѣда представляла сплошную жалобу, надрывающую сердце. Тѣ, садовые артисты, не искали антрепренеровъ; антрепренеры сами бѣгали за ними и приглашали ихъ, соглашаясь на всѣ условія; здѣсь же артистъ напрашивался на работу, и антрепренеръ дѣлалъ съ нимъ все, что хотѣлъ.

Да и могла ли спорить съ антрепренеромъ, наприимѣръ, несчастная Нинка, не имѣющая ни костюма, ни цѣлыхъ башмаковъ въ то время, когда на ея слабыхъ плечахъ лежала забота о цѣломъ семействѣ?

И она ходила отъ одного антрепренера къ другому, сама сбивая себѣ цѣну, лишь бы имѣть обезпеченный кусокъ на три, на четыре мѣсяца. Что могли подѣлать Колесовъ, Шепуровъ и Немиловъ съ женою, когда съ прекращеніемъ работы для нихъ наступалъ буквальный голодъ? И они готовы были бы ходить по дворамъ, не только работать въ балаганѣ въ жестокіе морозы на масляницу.

У тѣхъ, садовыхъ и цирковыхъ, артистовъ скоплены деньги, и они всегда могутъ выждать; у этихъ — деньги истрачены впередъ, и они всегда въ долгу у антрепренера.

Въ жизни какъ на рынкѣ. Сдѣлайте такъ, чтобы на васъ былъ спросъ — и вы будете возвеличены. Пойдите на рынокъ жизни предлагать себя — и ваша жизнь обратится въ униженіе и страданіе.

Хлябиной, въ первый разъ ставшей лицомъ къ лицу съ жизнью, представилась вся борьба этихъ несчастныхъ за свое существованіе и ей стало страшно.

Жажда работы снова охватила ее съ прежнею силою, и въ тотъ же вечеръ, сидя за столикомъ въ ресторанѣ Зоологическаго сада, она сказала.

— Я хочу чемунибудь выучиться и тоже играть на сценѣ.

— Работать! поправилъ ее Кочетовъ и сказалъ смѣясь: — успѣешь еще! вотъ свой циркъ откроемъ — чему хочешь научишься!

— Я до цирка хочу!

Присутствующіе засмѣялись. Ишь, какая пряткая. Чему же хотѣла бы она выучиться, что знаетъ?

— Что знаетъ? заговорилъ за Хлябину Кочетовъ: — можно сказать ничего не знаетъ! Вотъ что!

— Охота есть—это главное! сказалъ Сципіонъ Рослей, удивлявшій публику работой на турникѣ.

Хлябина съ благодарностью взглянула на него.

— По моему ничего нѣтъ легче каната, тихо проговорилъ Молодцевъ.

— Каната? изумленно сказала Хлябина: — это на такой-то высотѣ?

— Что высота! въ этомъ дѣлѣ главное куражъ!

— Что такое куражъ?

— Это, чтобы рѣшиться. А то вѣдь въ рукахъ балансъ. Чего же?

— Вотъ и учись, если ужъ хочешь! сказалъ поощрительно Кочетовъ.

Хлябина вся вспыхнула. Она будетъ тамъ, на высотѣ 8 сажень, идти по узкому канату, изумляя публику своей безумною смѣлостью.

— А вы меня учить будете? спросила она у Молодцева.

Молодцевъ вспыхнулъ въ свою очередь и смущенно улынулся.

— Я... я съ удовольствіемъ!

Они тутъ же рѣшили, что ихъ уроки начнутся со слѣдующаго дня. Что для этого нужно? Покуда ничего? такъ, кусокъ мѣлу — и все... Хлябина весело засмѣялась.

— Это ужъ даровой артистъ! смѣялась остальная компанія, а Кочетовъ поощрительно говорилъ:—Что же, пускай попробуетъ!

Хлябина ѣхала домой въ восторженномъ настроеніи. Въ ней снова проснулась дремавшая страсть къ аренѣ, и теперь она вся трепетала отъ ожиданія первыхъ своихъ уроковъ. О, она будетъ понятливой ученицей! Куражу ей не занимать! Она говорила вслухъ, снова повѣряя свои мечты Кочетову, и онъ, полупьяный, покачивался въ пролеткѣ на каждомъ ухабѣ и сквозь дремоту отвѣчалъ односложными словами.

Хлябина не могла заснуть и, лежа на постели съ открытыми глазами, промечтала всю ночь. Что ей до своего цирка! она сама будетъ артистка, будетъ такая же смѣлая,

какъ этотъ Молодцевъ, для котораго нѣтъ страха! Она выучится, и сама станетъ придумывать такіе нумера, отъ которыхъ у публики будетъ захватывать дыханіе!

А Кочетовъ въ это время лежалъ, раскинувшись по постели, и оглашалъ комнату богатырскимъ храпомъ.

XXI

Молодцевъ сталъ приходить каждый день, и отъ 12 до часу Хлябина училась у него съ горячимъ рвеніемъ. Это были странные уроки. На нихъ обыкновенно присутствовала вся обычная компанія. За столомъ, уставленномъ тарелками, бутылками и стаканами, сидѣлъ Кочетовъ, окруженный Колесовымъ, Шепуровымъ, Немиловымъ и старымъ Кобелевымъ.

По серединѣ комнаты брала свои первые уроки Хлябина. Молодцевъ проводилъ мѣломъ по всему полу черту и заставлялъ Хлябину проходить по ней, уча какъ надо переставлять ноги и ставить ступню на канатъ, изображенный чертою. Это оказывалось нелегко. Хлябина сбивалась, сходила съ черты и начинала снова. Компанія смѣялась и поощряла ее лстивыми похвалами. Иногда Немиловъ въ роли клоуна становился на черту и подражалъ Молодцеву. Иногда Кочетовъ, желая хвастнуть, бойко проходилъ по чертѣ, не обращая вниманія, какъ ставить ноги. Иногда въ комнату входила Нина Кобелева (большую часть за пьянымъ отцомъ) и, слѣдя за движеніями Хлябиной, потомъ повторяла ихъ, говоря со смѣхомъ, что въ ея дѣлѣ все пригодится. И только Молодцевъ оставался всегда сосредоточенно угрюмъ, относясь къ дѣлу обученія съ суровымъ педантизмомъ. Онъ нагибался, слѣдя за движеніями Хлябиной, не уставалъ поправлять ея ноги каждый шагъ, становился на линію и по нѣсколько разъ показывалъ ей то или другое движеніе, и Хлябина невольно проникалась его серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу и удваивала рвеніе.

Спустя три недѣли они перешли уже на пробный канатъ. Посреди комнаты на высотѣ полуаршина Молодцевъ установилъ двѣ стойки и натянулъ канатъ. Это было уже настоящее дѣло. Выучись на этомъ и тогда подымайся хоть на сто сажень: все дѣло въ личной уже храбрости

потому что вся наука можетъ быть пройдена и на высотѣ полуаршина.

Молодцевъ училъ Хлябину безъ баланса, и Хлябина удивляла его своей понятливостью и смѣлостью.

Эти уроки происходили уже безъ компаніи. По требованію Молодцева компанія перешла въ другую комнату и теперь располагалась у Немилова.

Молодцевъ и Хлябина оставались одни; изрѣдка къ нимъ присоединялась Нина Кобелева, все ближе сходявшаяся съ Хлябиной.

Молодцевъ оживалъ. Сильной рукой поднималъ онъ Хлябину и медленно велъ ее по канату, поправляя невѣрные движенія. Потомъ она стала только опираться на его плечо и, наконецъ, проходила вовсе безъ его помощи.

Лицо Молодцева вспыхивало и оживлялось отъ удовольствія, его глаза загорались, и онъ говорилъ Хлябиной:

— Только жена моя была такая смѣлая!

Хлябина краснѣла отъ удовольствія.

— А скоро можно будетъ передъ публикой?

— Фью! свистѣлъ Молодцевъ: — это еще подождать надо!

Нина Кобелева приходила въ восторгъ отъ успѣховъ Хлябиной и осыпала ее поцѣлуями.

Хлябина чувствовала теперь себя удовлетворенной. Въ своей радости, при своей любви къ Кочетову, она часто, оставаясь съ нимъ наединѣ, прижималась къ нему и говорила:

— Теперь уже скоро и я артисткой буду!

Кочетовъ усмѣхался и отвѣчалъ на это:

— Открою циркъ и тебѣ самое большое жалованье положу!

Рядомъ съ увлеченіемъ работой Хлябина все ближе и ближе сходилась съ семейю артистовъ. Она вникала въ ихъ интересы, знала всѣхъ антрепренеровъ, имена лучшихъ артистовъ и понемногу освоилась съ ихъ манерами и рѣчью.

Ближе всѣхъ она сошлась съ Ниною Кобелевой, этою дѣвочкою-женщиной. Маленькая, тщедушная, Нина носила въ своемъ хрупкомъ тѣлѣ мужественную душу и была способна на всякія лишенія ради семьи, которую добровольно вызвалась содержать. Что ей мѣшало бросить ихъ всѣхъ — отца, мать и двухъ братьевъ?

Когда они были въ Динабургѣ, артиллерійскій полковникъ оставлялъ ее у себя, да она не согласилась; въ Вильнѣ тоже одинъ помѣщикъ ухаживалъ за ней сильно. Гдѣ ей только свистнуть! но она дура, совершенная дура. И, говоря это, она вздергивала плечами и весело смѣялась, придавая своимъ словамъ характеръ болтовни. Хлябина удивлялась ея героизму и привязывалась къ ней съ каждымъ днемъ сильнѣе.

Она сошлась и съ Дарьей Яковлевной или Дашкой, какъ ее звали Немиловъ и его пріятели. Это была полная, пухлая женщина съ бѣлыми, какъ ленъ, волосами и съ голубыми, всегда удивленными, глазами. Когда-то она вела разгульную жизнь, но, встрѣтившись съ Немиловымъ гдѣ-то на ярмаркѣ и полюбивъ его, она вдругъ перемѣнилась, отдавъ всю свою жизнь вмѣстѣ съ любовью вѣчно пьяному бродягѣ-артисту. Онъ ее выучилъ нѣсколькимъ па, нѣсколькимъ пѣснямъ, и она изрѣдка подвизалась на дешевыхъ сценахъ въ качествѣ шансонетной пѣвицы. Обыкновенно же большую часть времени она проводила дома, всячески убоготворяя Немилова и, мало по малу, теряя въ его присутствіи всякую самостоятельность.

Хлябина относилась къ ней съ глубокимъ состраданіемъ, а Нина Кобелева звала ее съ мальчишескимъ задоромъ »глупымъ животнымъ«.

Однажды Хлябина уже кончила свой урокъ съ Молодцевымъ, когда въ комнату быстро вошелъ полупьяный Кочетовъ. Хлябина дошла по канату до конца комнаты и смѣясь прыгнула на полъ. Ея прическа растрепалась, лицо было красно отъ напряженія, глаза горѣли; она весело обернулась къ Молодцеву и вдругъ, увидѣвъ Кочетова, внезапно смолкла и замерла въ изумленіи. Такимъ она не видѣла его ни разу.

Лице его было бѣло, какъ бумага, глаза, воспаленные пьянствомъ, дико блуждали, и онъ издавалъ какіе-то глухіе звуки, прежде чѣмъ произнесъ связную фразу.

— Гдѣ твоя книжка? а?

— Какая?

— Съ чеками, чеками? контора-то...

У Хлябиной замерло сердце.

— Что ты говоришь! закричала она.

— Контора Демьянова закрылась! онъ убѣжалъ! про-

изнесъ, наконецъ, Кочетовъ. Хлябина всплеснула руками и бросилась къ комоду. Она знала, что положила деньги свои въ контору Демьянова по указанію Кочетова (ее любили всѣ артисты), но въ эту минуту ужаса ей хотѣлось достать чековую книжку и посмотрѣть на нее въ безумной надеждѣ, что она окажется отъ другой конторы.

— Демьянова! прошептала она поблѣднѣвшими губами. Кочетовъ бросился къ ней и вырвалъ книжку изъ ея рукъ.

— 18 тысячъ! заревѣлъ онъ:—о, Господи! вотъ я сейчасъ! Онъ, какъ безумный, заметался по комнатѣ, по два раза схватывая одну и ту же вещь и бросая ее, потомъ, кое-какъ одѣвшись, онъ бросился изъ комнаты.

Пораженная Хлябина опустилась на постель. Въ головѣ ея былъ хаосъ. Что же это такое? за что? какъ это все случилось? »Вѣдь хотѣла же я въ банкъ«, мелькало у нея въ головѣ, и она чувствовала какъ тоска сжимаетъ ея сердце, подымается выше, выше и сдавливаетъ спазмами ея горло.

Она не видѣла, какъ изъ комнаты вышелъ Молодцевъ, какъ другъ за другомъ въ комнату вошли и окружили ее всѣ жильцы квартиры съ самою Свинюхиною во главѣ.

Колесовъ считалъ себя героемъ минуты, потому что первый прочелъ роковое извѣстіе въ »Листкѣ« и въ сотый разъ рассказывалъ:

— Только прочелъ я это, какъ онъ вскочить, какъ рванетъ отъ меня газету, да какъ потомъ кинется вонъ изъ комнаты...

— Такую уйму денегъ потерять—это мое почтеніе! пробурчалъ Шепуровъ.

— А сколько денегъ-то? спрашивала Свинюхина.

— 25 тысячъ! отвѣчалъ Немиловъ.

— Господи Боже мой! всплеснула она руками и начала причитать надъ Хлябиной: — бѣдная вы, горемычная моя! все то, что было только. Теперь совсѣмъ, совсѣмъ бѣдная!

Даша молча плакала, утирая кулаками свое пухлое лицо, а Нина присѣла къ Хлябиной и, обнявъ ее, тихо шептала, стараясь ее ободрить:

— Э! что деньги! соръ! Теперь лучше. Вы выучились; онъ пить бросить. вмѣстѣ за работу возьметесь. Изъ-за денегъ-то только ссора одна! И теперь—вы по канату, онъ какъ прежде. Еще веселѣе будетъ!

Хлябина сидѣла молча, опутивъ голову, и ее угнетало смутное тяжелое сознание, что вдругъ надъ ея головою стряслась какая-то тяжкая бѣда, бѣда, которой не исправить никакими усиліями.

Соболѣвнующіе артисты разошлись другъ за другомъ и, сойдясь въ кухнѣ Свинюхиной, стали вновь обсуждать событія утра, съ нетерпѣніемъ поджидая возвращенія Кочетова.

Одна только Нина осталась подлѣ Хлябиной, стараясь вывести ее изъ страшнаго, безмолвнаго оцѣпенѣнія.

Кочетовъ все не возвращался. Жильцы Свинюхиной пообѣдали и, затѣмъ, другъ за другомъ, стали уходить на работу. вмѣсто прежняго гама наступила безмолвная тишина, только изрѣдка слышался крикъ Кобелевой матери, перебранивавшейся со своимъ мужемъ.

Хлябина вышла изъ своего оцѣпенѣнія, но мысли путались и сбивались въ ея головѣ. Она поднялась съ постели и машинально принялась за уборку каната. Эта тяжелая работа нѣсколько развлекла ее. Затѣмъ она снова сѣла и отдалась своему тоскливому чувству.

Дверь съ шумомъ распахнулась, и въ комнату вошелъ Кочетовъ. Не раздѣваясь онъ съ шумомъ опустился на стулъ и сталъ кричать:

— Ничего! контора заперта и опечатана. Былъ въ судѣ, былъ у слѣдователя, былъ у адвоката. Дай Богъ, говорятъ, тысячу назадъ получить!

Онъ вскочилъ со стула, сбросилъ съ себя пальто и шляпу и снова подошелъ къ Хлябиной.

— Сколько у тебя денегъ?

— Посмотри въ комодѣ, прошептала Хлябина поблѣвшими губами. Кочетовъ выдвинулъ ящикъ, порылся въ немъ и вынулъ пачку ассигнацій.

— 80 рублей! закричалъ онъ съ яростью, пересчитавъ деньги: — 80 рублей! и это все! дура! сколько разъ говорилъ я: бери больше. Нѣтъ, возьму сто! Вотъ и вышло! Дура, дура! онъ бѣгалъ по комнатѣ, не помня себя отъ ярости. Всѣ мечты пошли прахомъ. Калифъ на часъ! думалъ, рассчитывалъ, мечталъ... вотъ-те и циркъ! только лишняя обуза на шеѣ! Такъ бываетъ всегда, когда свяжешься съ бабой.

Въ порывѣ ярости ему казалось, что она его ограбила, и онъ осыпалъ ее бранью и упреками.

Хлябина, наконецъ, подняла голову, все время опущенную.

— Вѣдь ты же самъ ведѣлъ отнести деньги къ Демьянову, я хотѣла въ банкъ, сказала она оправдываясь.

Кочетовъ затопалъ ногами. Не хватало этого. Теперь онъ во всемъ оказался виновнымъ. Покорно благодаримъ! Какъ бы то ни было, онъ одно знаетъ, что теперь за нее, дуру, онъ долженъ расплачиваться своими боками. Это онъ знаетъ отлично. Онъ на время смолкъ и мрачно ходилъ по комнатѣ.

Хлябина сидѣла молча. Что ей было говорить? Дѣйствительно, теперь она для него обуза, и ея сердце тоскливо ныло.

Въ квартирѣ, какъ и въ комнатѣ, царил тишина. Кочетовъ не выдержалъ.

— О, чертъ! все гадость и гадость! воскликнулъ онъ съ отчаяніемъ. Ему хотѣлось жаловаться, кричать и слышать соболѣзнованія. Онъ взялъ пальто, шляпу, снова надѣлъ ихъ и, не сказавъ Хлябиной ни слова, вышелъ за двери.

Хлябина вздрогнула. Лучше бы онъ ее ударилъ. Она припала головою къ доскѣ стола и вдругъ зарыдала.

XXII

Послѣднимъ номеромъ въ программѣ значилось хожденіе по слабо натянутой проволоки м-лле Антонины. Немногочисленная публика провинціального цирка Пирогова любила этотъ номеръ и терпѣливо ждала, пока прислуга устанавливала стойки и укрѣпляла проволоку.

Наконецъ, раздался жидкій звонокъ и на сцену съ граціозной легкостью выбѣжала м-лле Антонина. Ее привѣтствовали дружными рукоплесканіями. Отвѣтивъ улыбкою и заученнымъ поклономъ, м-лле Антонина взобралась на проволоку и стала медленно скользить по ней, время отъ времени взмахивая руками для равновѣсія и стараясь удерживать колеблющуюся проволоку подъ ногами.

М-лле Антонина была никто иная, какъ Хлябина. Она похудѣла, но была все также прекрасна своею мужественною красотою. На блѣдномъ лицѣ ея горѣли большіе глаза;

роскошныя формы ярко обрисовывались подъ трико и плотно облегающимъ ея грудь корсажемъ.

Публика первыхъ рядовъ жадно слѣдила за всѣми ея движеніями, а она подъ тягучіе звуки вальса »Дунайскія волны« медленно и плавно скользила по проволокѣ, останавливалась, повертывалась, недвижно стояла, раскачавъ подъ собою проволоку, и, наконецъ, бросивъ на проволоку платокъ и ставъ на одно колѣно, осторожно нагибалась, брала платокъ зубами и снова выпрямлялась. Громкія рукоплесканія награждали ее за каждый трудный номеръ. Наконецъ, она быстро дошла до конца проволоки и спустилась на землю. Лицо ея улыбалось, когда она раскланивалась публикѣ, и въ глазахъ ея свѣтилось удовольствіе.

Она скользнула за занавѣсъ и быстро прошла къ уборной.

— Скажите Ивану Матвѣвичу, что я кончила, кинула она по дорогѣ попавшемуся конюху.

Пройдя въ уборную, она стала торопливо переодеваться. Тамъ съ узелкомъ въ рукѣ сидѣла Нина Кобелева.

— Чего ждешь? весело спросила ее Хлябина.

— Чего? уныло отвѣтила Нина: — отецъ опять пошелъ денегъ просить.

Это было вѣчнымъ несчастьемъ Нины. Ея отецъ успѣвалъ всегда перебрать отъ антрепренера деньги впередъ и Нинѣ приходилось потомъ работать за забранное.

— А что мать?

— Мать-то? умираетъ... отвѣтила Нина и прибавила: тянетъ ужъ очень!..

Эта грубость, вызванная самою жизнью, нѣсколько покорила Хлябину. Она переодевалась и вышла. Въ длинномъ корридорѣ, между стойлами, служители гасили лампы. Въ зрительной залѣ, на аренѣ, уже царило безмолвіе и черезъ отодвинутый занавѣсъ чернѣлъ мракъ огромной залы. Хлябина прошла къ мужской уборной и постучала въ дверь.

— Чего надо? раздался изнутри грубый голосъ.

— Это я, Дубовъ! сказала Хлябина: — пошлите Ваню!

Дверь пріотворилась и изъ нея выглянуло толстое красное лицо Дубова. Онъ работалъ въ циркѣ клоуномъ и выпросилъ себѣ помѣщеніе въ уборной.

— Ваня! сказалъ онъ: — ищи вѣтра въ полѣ. Какъ вы на сцену вышли, такъ онъ и ушелъ съ Кобелевымъ. Ко-

белевъ 10 рублей выклянчилъ, прибавилъ Дубовъ и захлопнулъ двери.

Хлябина нѣсколько мгновений постояла у двери, потомъ быстро вернулась къ своей уборной.

— Твой отецъ 10 рублей получилъ и съ Иваномъ ушелъ, сказала она, входя въ комнату.

Нина быстро вскочила и всплеснула руками.

Господи! чего она думала. Ей почему-то почудилось, что отецъ растроганъ болѣзвью матери, и она его ждала. А теперь онъ, можетъ быть, все пропилъ уже. Развѣ могъ растрогаться этотъ пьяница!..

— Пойдемъ скорѣе! лихорадочно стала торопить она Хлябину.

— Куда пойдешь-то?

— Въ «Медвѣдь». Они всегда тамъ хороваются. Давно ушелъ, говоришь?

— Какъ я на сцену вышла.

— Господи! сколько онъ пропить успѣлъ, вѣрно! Идемъ же!

Онѣ торопливо прошли по полуосвѣщенному корридору и вышли черезъ крошечную боковую дверь цирка.

Морозный воздухъ охватилъ ихъ своимъ жгучимъ холодомъ. Снѣгъ скрипѣлъ подъ ихъ ногами. Онѣ быстро перебѣжали площадь, и Хлябина остановилась.

— Иди ты одна. Я домой пойду! сказала она.—Устала!

Нина кивнула ей головою и поспѣшно бросилась въ сторону. Хлябина медленно дошла до сѣраго деревяннаго домика, гдѣ снимала съ Кочетовымъ комнату отъ жильцевъ, и, поднявшись на три ступени, осторожно дернула за ручку звонка.

Дверь почти тотчасъ отворилась, и Хлябину встрѣтила со свѣчею въ рукѣ молодая дѣвушка, очевидно, только что вставшая съ постели.

— Ты бы мнѣ самоваръ, Катюша!

— Сейчасъ, милая! отвѣтила дѣвушка,—я и-то ждала, когда придете.

— Устала я, сказала Хлябина и прошла въ свою комнату, куда дѣвушка внесла свѣчку.

Небольшая комнатка, благодаря заботамъ Хлябиной, имѣла чистый и уютный видъ. Бѣлыя занавѣски, бѣлое постельное бѣлье, чистая скатерть на столѣ, а въ углу комнаты стоялъ пузатый комодъ съ зеркаломъ и массою без-

дѣлушекъ, которыя придавали всему помѣщенію женственный характеръ.

Хлябина раздѣлась и сѣла къ столу, взявъ съ комода чай и сахаръ. Дѣвушка внесла кипящій самоваръ и, пока Хлябина заваривала чай, остановилась у двери.

— Анна Семеновна! произнесла она шепотомъ. Хлябина обернулась.

— Чего тебѣ, Катя?

— Наша-то сквалыга говорить: »безпремѣнно спроси у нихъ деньги«. Что сказать-то ей? а?

Хлябина нахмурила свои красивыя брови.

— Скажи—завтра... завтра отдамъ, повторила она еще разъ.

— Хорошо, скажу. Вы на меня не сердитесь, Анна Семеновна, потому я всюю душою, задаромъ, а коли она меня пилить...

— Хорошо, перебила ее Хлябина: — завтра; такъ и скажи ей!

Дѣвушка тихо выскользнула изъ комнаты и закрыла дверь. Хлябина осталась одна.

Завтра! И, значить, завтра она должна будетъ съ дѣланной веселостью просить у Пирогова впередъ рублей 25. Онъ сдѣлаетъ кислое лицо, станетъ удивляться, куда она переводитъ деньги, скажетъ ей сальность, а она будетъ улыбаться и ждать, какъ подачки, этихъ несчастныхъ денегъ. Хлябина тяжело вздохнула.

Не того она ждала отъ этой жизни, не такъ рисовалась она въ ея воображеніи, когда она — богатая помѣщица — мечтала выступить на арену.

Дѣйствительность разрушила сонъ.

Господи, чего она не вытерпѣла, чего она не знаетъ теперь! голодъ, холодъ, побои, униженіе, все!..

Какъ терзалъ и мучилъ ее Кочетовъ, когда они прожили послѣднія крохи, послѣднія вещи! Не было дня, чтобы онъ не возвращался домой пьянымъ и не осыпалъ ее упреками. А она въ это время, окончивъ уроки у Молодцева, уже работала въ Акваріумѣ на проволоку и приносила домой 75 рублей въ мѣсяць.

Съ той поры прошло три года, и во все время ни одного просвѣта. Изъ-за чего ея муки?

Но при этой мысли передъ ней пронесся образъ Коче-

това, и она поняла изъ-за чего—изъ любви къ нему, изъ любви непонятной, странной, потому что онъ ничего не даетъ ей кромѣ страданій.

Женщины часто любятъ человѣка именно за то горе, которое онъ причиняетъ имъ.

Ей вспоминались рѣдкія минуты, когда онъ ласкалъ ее, и она ради этихъ минутъ готова была нести страданія многихъ дней.

Все же они прожили три года. Когда окончилось то несчастное лѣто, ихъ пригласили въ Кострому, въ циркъ, и съ той поры начались ихъ скитанія. Гдѣ они ни были за это время!

Хлябина опять улыбнулась.

Вездѣ ее встрѣчали съ удовольствіемъ. Публика любила ее всюду, и ни разу она не уходила съ арены, не сопровождаемая громкими рукоплесканіями. Чего она теперь не знаетъ? Правда, главные нумера ея—канатъ и проволока, но она знаетъ и эквилибрь, и немного партеръ и, наконецъ, можетъ работать силачкой...

Она задумалась. Зажженная лампа тихо жужжала, самоваръ, затихая, тянулъ какую-то пискливую ноту, изъ со-сѣдней комнаты доносился храпъ.

Сколько бы они вдвоемъ могли зарабатывать денегъ, еслибы Кочетовъ исправился!.. Онъ совершенно отказывается отдавать ей свои деньги и почти всѣ ихъ прокучиваетъ со своими пріятелями, а не будь этого...

И Хлябиной представилось, что Кочетовъ исправился, что они живутъ душа въ душу и копятъ деньги. У нихъ много денегъ. Они могутъ начать свое дѣло и бросить эту скитальческую жизнь.

Господи, все это можно...

Раздался звонокъ, и дверь вздрогнула отъ удара въ нее ногою.

Хлябина быстро встала и пошла отворить.

Это вернулся пьяный Кочетовъ. Онъ не измѣнился за эти три года, только лицо его словно пополаѣло. Онъ вошелъ въ комнату шатаясь, придерживаясь за стѣну рукою.

Хлябина подвела его къ столу.

— Что ты шумишь! тревожно сказала она: — хозяйева спать — разбудишь. Они и такъ деньги требуютъ!

— Деньги, закричалъ Кочетовъ: — пускай! отдай имъ!

вотъ тебѣ деньги! И онъ сталъ искать кармана въ своихъ брюкахъ.

Хлябина торопливо закрыла дверь и старалась успокоить его.

Онъ не былъ сильно пьянъ и больше ломался.

— Давай чаю!.. Ты прссти, вдругъ сказалъ онъ, — что я съ тобою не вышелъ на нумеръ. Меня утащилъ этотъ Кобелевъ. А за нимъ Нинка пришла. Ругаетъ его! Умора!

Хлябина вдругъ просвѣтлѣла.

Нѣсколько разъ въ моменты любовнаго экстаза онъ выходилъ съ нею на арену и стоялъ подъ проволокою, оберегая ее отъ паденій, и вдругъ сегодня онъ вспомнилъ объ этомъ.

— Пей чай, еще горячій! сказала она ласково.

Кочетовъ принялъ отъ нея стаканъ и сталъ жадно пить. Потомъ онъ вытеръ рукавомъ губы и сказалъ:

— Надобно тебѣ еще что нибудь выучить. Пироговъ сегодня говорилъ мнѣ: »надоѣло!«

— Что же я выучу? Публикѣ нравится.

— Говорить »надоѣло« — и все! Его дѣло хозяйское: не послушаешь — прогнать.

— Что же я выучу? повторила Хлябина.

Кочетовъ стоялъ подлѣ кровати и раздѣвался. При послѣднихъ словахъ Хлябиной онъ вдругъ обозлился.

— Что, что! закричалъ онъ: — учи, что хочешь! а ежели онъ тебя выгонитъ, такъ знай: я съ тобою и часу не останусь. И такъ на шеѣ виснешь!

— Я тебѣ ничего не стою.

— Поговори еще! Кочетовъ раздѣлся и легъ въ постель.

Хлябина замолчала, да о чемъ и говорить ей? Уже давно она приняла на себя вину въ своемъ разореніи и съ той поры несетъ эту кару.

Кочетовъ не скупился на попреки. Какое! Онъ даже билъ ее. Она вспомнила, какъ онъ однажды ударилъ ее за то, что она не давала денегъ ему на пьянство, и вся вспыхнула при этомъ воспоминаніи.

А Кочетовъ лежалъ, закинувши на подушку голову, и оглашалъ комнату богатырскимъ храпомъ.

Ему жилось отлично. Онъ могъ бы даже ничего не дѣлать. Хлябина все равно прокормила бы его своей работой. Если онъ работалъ, то лишь для того, чтобы имѣть полное

право предаваться разгулу. Онъ зналъ всю силу вліянія своего на Хлябину, зналъ ея любовь къ себѣ и понималъ, что въ лицѣ ея онъ имѣетъ у себя дароваго старательнаго работника. Стоитъ приласкать ее — и она пойдетъ на все.

Странный народъ этотъ — бабы.

И онъ съ циничнымъ смѣхомъ рассказывалъ въ трактирѣ про ея любовь и преданность...

Какъ родятся такія женщины, какъ Хлябина? Это вѣчная загадка. Разочарованная, осмѣянная въ лучшихъ своихъ чувствахъ, — она все же сохранила безграничную любовь и преданность къ человѣку, который ежечасно отравлялъ ей жизнь, любовь и преданность за тѣ мгновенія призрачнаго счастья, которое она видѣла съ нимъ въ первые дни своихъ надеждъ и мечтаній.

XXIII

Хлябина проснулась ни свѣтъ, ни заря. Она встала и, вспомнивъ вчерашнія слова Кочетова, тотчасъ осмотрѣла карманы его платья. Въ нихъ она нашла 15 рублей съ мелочью, но всѣхъ взять не рѣшилась. Она взяла только 10 рублей и съ ними тихо прошла въ кухню.

Тамъ дѣвушка уже возилась у плиты. Увидѣвъ Хлябину она привѣтливо закивала ей головою.

— Чайку бы мнѣ, Катюша! попросила Хлябина.

— Гдѣ пить будете?

— Здѣсь, Катя!

— Давайте чай сюда. Кипятокъ-то уже кипить! сказала дѣвушка.

Хлябина принесла чай, сахаръ и черезъ десять минутъ пила чай за кухоннымъ столомъ, тихо бесѣдуя съ Екатериною.

— Какъ хозяйка проснется, отдай ей эти десять рублей, а остальные шесть, скажи, отдамъ вечеромъ.

Катя взяла деньги и радостно закивала головой.

— Вотъ это хорошо! А то она меня совсѣмъ запилила. Проси да проси. Я вѣдь знаю — чего просить, когда нѣту? Такъ вотъ же лѣзетъ!

— Спасибо тебѣ! сказала Хлябина.

— Мнѣ что! А вы сегодня опять ходить будете? спросила она.

— Буду! я почти каждый вечеръ...

— Вотъ бы мнѣ билетикъ! сказала Катерина съ загорѣвшимся взоромъ! — страсть люблю!

Хлябина улыбулась.

— И я любила, Катя! а теперь — не дай Богъ злему врагу. Не ходи лучше. Не гляди. Соблазниться такъ легко!

— Господи Боже! всплеснула руками Катя: — да если бы я могла попасть къ вамъ только!

— Однѣ слезы, Катя!

Но Катя не повѣрила. Она покачала головою и прошептала снова:

— Господи! да полъ жизни отдала бы!

Хлябина отпила чай и стала собираться. Только теперь, до сбора артистовъ, и можно поговорить съ Пироговымъ. Потомъ онъ увидитъ, ловить надо.

Она одѣлась и, уходя, сказала:

— Ты постереги, Катюша, какъ мой-то проснется!

— Ладно, ладно, ужъ будьте спокойны, перебила ее Катя. Хлябина кивнула ей головою и вышла.

Зимній утренній туманъ еще не разсѣялся, когда она переходила городскую площадь, направляясь къ неуклюжей громадѣ деревяннаго цирка. Только утромъ и можно поймать Пирогова.

Въ это время онъ сидитъ обыкновенно въ, такъ называемой, своей конторѣ.

Хлябина вошла въ дверь, прошла корридормъ и стукнула въ досчатую дверь.

— Войдите! раздался за дверью голосъ.

Хлябина вошла въ небольшую комнату, уголъ которой и всѣ стѣны были заняты разными бутафорскими принадлежностями.

За небольшимъ столомъ при свѣтѣ лампы съ зеленымъ абажуромъ сидѣлъ Пироговъ въ лисьей шубѣ, пенсне и барашковой шапкѣ. Это былъ молодой человекъ съ карими наглыми глазами и черною бородою.

Здѣсь, въ этой комнатѣ, онъ торговался съ артистами, нанималъ и рассчитывалъ ихъ, составлялъ афиши и занимался всѣми несложными дѣлами, которыя требовались при управленіи циркомъ.

— Наше вамъ! привѣтствовалъ онъ Хлябину: — съ чѣмъ пожаловали?

Хлябина протянула ему руку, улыбнулась и сѣла противъ него на стулъ.

— Все за тѣмъ же, стараясь казаться веселой сказала она:—денегъ мнѣ. До мѣсяца всего недѣля, а мнѣ страхъ надо!

— Денегъ! воскликнулъ Пироговъ: — да что у меня фабрика ихъ, что ли? Вчера только Иванъ Матвѣевичъ тридцать рублей взялъ. Куда вы ихъ садите?

— Я не его, а свои прошу. Мнѣ до его денегъ нѣтъ дѣла.

— Да живете-то вмѣстѣ!

Хлябина покраснѣла.

— Я не знаю, куда онъ деньги дѣваетъ. Мнѣ нужно на жизнь. У меня ничего нѣтъ!

Пироговъ оказался въ добромъ настроеніи.

— Не хочу обидѣть васъ, сказалъ онъ:—вотъ 25 рублей. Больше не могу. Ей Богу. Пишите расписку.

Онъ быстро придвинулъ къ ней развернутую книгу и подалъ 25 рублей. Хлябина вписала въ книгу свою фамилію и промѣтила деньги.

— Эхъ, барынька, говорилъ тѣмъ временемъ Пироговъ,—и что вамъ этотъ пьяница? Были бы вы въ бархатѣ. Вѣдь вонъ Коноводовъ какъ ко мнѣ пристааетъ! Свели ужинать...

Хлябина дѣланно улыбнулась. Безъ этихъ разговоровъ не обходилось ни одно свиданіе съ Пироговымъ.

Она встала и, прерывая его рѣчь, сказала:

— Теперь до свиданія. А на репетицію я не приду сегодня.

— Это почему? а штрафикъ?

— Такъ я же говорю вамъ. Хочу къ Кобелевымъ сходить. У нихъ мать...

— Умерла?

— Нѣтъ еще...

— Охъ, эти Кобелевы! вздохнулъ Пироговъ:—вотъ они у меня гдѣ! Онъ показалъ себѣ на затылокъ. — Что же, идите!

Хлябина уже повернулась уходить, когда дверь распахнулась и въ комнату вошла высокая стройная барыня въ плюшевой кофтѣ, съ моднымъ боа вокругъ шеи, въ прекрасной шляпѣ съ огромными полями.

Пироговъ поспѣшно вскочилъ ей на встрѣчу.

— Авдотья Николаевна! голубушка! садитесь!

— Фу, запыхалась! сказала пришедшая, — пришла кон-трактъ подписать. Готовъ?

— Готовъ, готовъ!

Хлябина стояла и не двигалась. Круглое лицо барыни съ черными бровями и черными жгучими глазами показало ей знакомымъ.

Въ это время Пироговъ обратилъ на нее вниманіе.

— Вотъ кстати, сказалъ онъ, — познакомьтесь. Новая наша артистка Авдотья Николаевна Полозова, а это старая наша артистка Анна Семеновна...

— Хлябина! воскликнула незнакомка и засмѣялась.

Хлябина вздрогнула и покраснѣла. Она припомнила теперь эти жгучіе глаза.

— Цампа! если не ошибаюсь, сказала она.

— Вѣрно, вѣрно, милая! закивала Цампа головою и спросила Хлябину:

— Что же вы съ Кочетовымъ?

Хлябина не отвѣтила. Какая-то глухая злоба вдругъ поднялась въ ней противъ этой прищелицы, и она, молча, повернулась къ двери.

— Помѣщицей была, что ли. Съ Кочетовымъ спуталась и вотъ... говорила Цампа ей вслѣдъ будто бы Пирогову.

Хлябина вышла въ корридоръ и быстро пошла къ выходу. Въ корридорѣ какой-то человекъ отпрыгнулъ въ сторону и робко прижался къ стѣнѣ, давая ей дорогу.

»Цампа«, напряженно думала Хлябина, »что мнѣ эта Цампа?« И ей вдругъ припомнились слова Кочетова еще давно, въ началѣ, что у нихъ за кулисами ей Цампа первая глаза выпарапаетъ.

Тоскливое предчувствіе сжало ей сердце. Прежде всего она хотѣла побѣжать къ Ивану и разспросить его все о Цампѣ, но гордость превозмогла ея порывъ. Она свернула за уголъ и прошла къ Кобелевымъ.

Кобелевы жили въ пустомъ заброшенномъ строеніи въ глубинѣ двора большого дома. Вѣроятно, это строеніе служило раньше теплымъ сараемъ или чуланомъ. Они сняли его у дворника за 8 рублей въ мѣсяцъ и жили впятеромъ, сбившись въ кучу.

Хлябина отворила тяжелую дверь-калитку и вошла въ полутемное помѣщеніе. Огромная пустая комната освѣща-

лась двумя небольшими окнами сверху, сквозь грязныя стекла которыхъ едва пробивался свѣтъ.

Посреди комнаты стояла чугунная переносная печка, труба отъ которой тянулась черезъ всю комнату и уходила въ стѣну. Меблировку комнаты составляли три табурета, столъ и кровать, на которой подъ грудю разноцвѣтнаго тряпья стонала женщина.

При входѣ Хлябиной изъ угла выскочила Нинка и, бросившись къ Хлябиной, сквозь слезы сказала:

— Ничего! несчастные три рубля — и это все, что успѣла вырвать! а мамкѣ хуже!

— Изъ-за тебя, подлая! раздался въ углу голосъ старика Кобелева: — я бы отыгрался, не приди ты, я бы двадцать пять рублей принесъ!

— Молчи, пьяница! закричала Нина.

— Щенокъ, дура! раздался снова голосъ, и со стороны угла въ Нину полетѣла старая калоша.

— Я тебя кормить перестану! закричала Нина и опять со слезами въ голосѣ стала говорить Хлябиной.

— Сегодня же попрошу Пирогова копѣйки ему не давать. Казначей нашелся!

— Что съ матерью-то? спросила Хлябина. Эта окружающая ее теперь нищета на время заглушила всѣ ея личныя чувства.

— Развѣ я знаю! докторъ говоритъ, что стара очень. Потомъ — говорить — сыро, холодно. Вино прописалъ. Господи! а на что все это!

— Нинушка, смотри на репетицію опоздаешь! послышался съ кровати слабый голосъ матери.

— Сейчасъ пойду, мамушка! сейчасъ! Ты, Петька, вставай да мамушкѣ чаю сдѣлай, а отца выгони, если ссору затѣетъ!

— Я пришла посидѣть вмѣсто тебя, сказала Хлябина.

У Нины на глазахъ выступили слезы.

— Милая ты моя! сказала она, восторженно цѣлуя Хлябину.

XXIV

Хлябина вернулась домой къ обѣденному часу, усталая и измученная. Дежурство подлѣ больной старухи Кобелевой совершенно истомило ее, и въ то же время мысль о Цампѣ

почему-то не давала ей покоя. Дома поджидалъ ее уже вернувшійся Кочетовъ.

— Знаешь новости? спросилъ онъ ее.

У нея сжалось сердце. Она почувствовала, что рѣчь пойдетъ о Цампѣ.

— Какія?

— Новые артисты у насъ—Жанъ и Цампа. Помнишь, когда мы познакомились, она на лошади ѣздила, а онъ эквилибръ дѣлалъ?

Хлябина молчала.

— Поженились теперь. Онъ отъ нея безъ ума, продолжалъ Кочетовъ,—а она носъ воротить. Расфрантилась фу-ты, ну-ты! подлѣ нея двое какихъ-то увиваются... И гдѣ она подхватить ихъ успѣла? Удивительно! И Кочетовъ замолчалъ, словно погружаясь въ размышленія.

— Пойдемъ обѣдать! сказала Хлябина.

— Ахъ, обѣдать-то! встрепенулся Кочетовъ, вставая.— Идемъ!

Они прошли въ ближайшую кухмистерскую, гдѣ собирались всѣ артисты ихъ труппы, и опять, за обѣдомъ, разговоръ только и шель, что о Цампѣ.

Эта Цампа начинала мучить Хлябину, какъ кошмаръ. Она съ дрожью и какимъ-то непонятнымъ страхомъ шла въ этотъ день въ циркъ на вечернее представленіе.

Придя въ циркъ, она вздохнула съ облегченіемъ, узнавъ, что Цампѣ Пироговъ отвелъ отдѣльную уборную.

Зато Элиза пришла въ ярость. Она швыряла все по уборной и кричала, что это свинство!

Что она за принцесса такая, что для нея отдѣльная уборная. Послѣ этого всѣ имѣютъ право требовать того же. Развѣ что она хвостъ треплетъ. Ну, это заслуга не изъ важныхъ!

Хлябина молча одѣвалась и не отвѣчала Элизѣ, но Нина и Ида подхватили ея брань и еще больше разозли ее. Онѣ покажутъ этой выскочкѣ! Интересно знать, сколько она будетъ получать съ этимъ лакеемъ Жаномъ!

Хлябина выходила въ первомъ отдѣленіи третьимъ номеромъ. Она одѣлась и вышла въ проходъ къ выходу. Къ ней подошелъ худощавый золотушный господинъ съ бѣлыми жидкими волосами и поклонился ей.

— Позвольте представиться! сказалъ онъ съ робкой

улыбкой: — я Жанъ, Иванъ Ивановичъ Цаллинъ, теперь мужъ Цампы.

Хлябина протянула ему руку и назвала себя.

— Я знаю васъ. Я работала вмѣстѣ съ Иванъ Матвѣвичемъ и васъ тогда въ ложѣ видѣла. Вы еще не работали. Я тогда въ красномъ фракѣ выходилъ, объяснилъ онъ и снова робко улынулся.

Хлябина почувствовала къ нему жалость.

— Ваша жена наѣздница? спросила она.

— Да, да! Его лицо внезапно оживилось: — неустрашимая наѣздница! ее всё такъ зовутъ. Да вотъ вы увидите! Она — на неосѣдланной!

Къ нимъ подошелъ Кочетовъ, заgrimированный клоуномъ, и ударилъ Жана по затылку.

— Ну, что, Жанчикъ, сказалъ онъ грубо смѣясь: — сколько у Цампы любовниковъ?

Жанъ вспыхнулъ и сжалъ кулаки, но черезъ мгновеніе оправился:

— Знаю только, что тебя ненавижу! отвѣтилъ онъ.

— Фью! свистнулъ Кочетовъ: — вотъ несчастье!

Хлябина взглянула на него благодарнымъ взглядомъ, и у нея словно свалилась съ плечъ тяжесть.

Такъ вотъ чего она такъ боялась! Теперь же, при этихъ словахъ Ивана, страхъ ея внезапно исчезъ. Ей нечего бояться теперь за свою любовь. Иванъ не полюбитъ этой Цампы.

— Вамъ на сцену! крикнулъ ей Пироговъ, и она, легко припрыгивая, выбѣжала на арену и съ веселымъ лицомъ оглядѣла публику.

Какъ всегда, ее встрѣтили и проводили рукоплесканіями.

Она вернулась въ уборную, переодѣлась и вышла въ залу, гдѣ сѣла въ кресла. Ей хотѣлось видѣть дебютъ Цампы.

Цампа выѣхала на неосѣдланной лошади, небрежно сидя на ея спинѣ и слегка придерживаясь рукою за гриву. Она была одѣта въ черномъ трико, отчего еще ярче горѣли ея черные глаза. Худая, стройная, небольшого роста, съ густыми распущенными по спинѣ волосами, она представляла что-то сильное, необузданное, полное жгучей страсти.

Когда же она пустила лошадь въ карьеръ и съ дикимъ крикомъ припала къ ея шеѣ, вытянувъ по спинѣ ноги, невольный энтузіазмъ овладѣлъ всеми зрителями. Она извивалась на лошади, то выпрямляясь, то припадая къ ея шеѣ,

то вдругъ вскакивая на ноги и, наконецъ, легла на спину и, вытянувъ руки, съ дикимъ гикомъ начала стрѣлять изъ револьвера. Испуганная лошадь, хрипя и вздрагивая, мчалась во весь карьеръ, взметая песокъ, а Цампа съ гикомъ и крикомъ металась на ея спинѣ, причеиъ ея роскошные волосы почти мели арену.

Зрители вскочили съ мѣстъ и, не будучи въ силахъ сдержать своего волненія, кричали иступленное браво; даже Хлябина увлеклась этой бѣшеной скачкой и съ горящими глазами хлопала въ ладоши.

Лошадь, наконецъ, остановилась, и Цампа легко спрыгнула на песокъ. Сбившіеся волосы закрыли ея оживленное лицо. Она легкимъ движеніемъ сбросила ихъ съ лица, и ея черные глаза сверкнули, какъ звѣзды. Въ эту минуту она была ослѣпительно хороша. Какой-то господинъ въ бобрахъ перегнулся черезъ барьеръ и протянулъ ей роскошный букетъ.

Пироговъ, одѣтый во фракъ, съ важнымъ видомъ вышелъ на арену, подаль Цампѣ руку и повелъ ее за занавѣсъ.

Оглушительное браво долго гремѣло еще въ залѣ.

Хлябина вышла слѣдомъ за Цампою и видѣла, какъ она въ сопровожденіи двухъ богато одѣтыхъ мужчинъ скрылась въ уборной.

— Вы видѣли, видѣли? подскочилъ къ ней Жанъ: — вѣтъ это называется успѣхомъ! И это вездѣ такъ. Всѣ ее такъ встрѣчаютъ. И какая красавица! а! Все лицо Жана сіяло неподдѣльной радостью.

— Вотъ простофиля-то! сказала Кочетовъ, проходя мимо.

— Ты скоро домой? спросила его Хлябина.

— Иди, я слѣдомъ!

Хлябина кивнула ему головою и, не заходя въ уборную, прошла прямо къ выходу.

Кочетовъ медленно шелъ по корридору, когда дверь въ уборную Цампы раскрылась и Цампа ухватила его за рукавъ.

— Зайди ко мнѣ!

Кочетовъ вошелъ въ ея тѣсную комнату, и въ ту же минуту руки Цампы обвили въокругъ его шеи, горячія губы обожгли его щеку и Цампа страстно зашептала:

— Милый, полюби хоть теперь меня! Я все время только о тебѣ думала. Смотри, я стала еще красивѣе. Мужчины отъ меня безъ ума. Я дамъ тебѣ такое счастье...

Голова у Кочетова закружилась. Онъ обнялъ Цампу и поцѣловалъ ее тоже. Въ эту минуту скрипнула дверь и на ея порогѣ показался Жанъ съ блѣднымъ перекошеннымъ лицомъ.

Цампа отодвинула Кочетова.

— Ты—подсматривать! закричала она на Жана.—Что я тебѣ говорила! вонъ!

— Только не съ нимъ! проговорилъ съ тоскою Жанъ.

— Ты еще торговаться! вонъ, а не то...

Цампа топнула ногою, и Жанъ поспѣшилъ скрыться.

— Ты не бойся его—онъ у меня, какъ лакей, сказала Цампа.

Кочетовъ пожалъ плечами. Чего ему бояться?

— Слушай, сказала снова Цампа, беря его за руку,—если ты правда меня любишь, поѣдемъ со мною ужинать. Меня тутъ двое звали. А? ѣдемъ, милый!

Кочетовъ подумалъ о Хлябиной.

— Меня ждетъ...

— Помѣщица-то! злобно произнесла Цампа,—а пусть ее! небось не умретъ. Или приѣдетъ тебя?

Кочетовъ вспыхнулъ.

— Что же, поѣдемъ, если хочешь!

Цампа обняла его и прижалась къ нему всѣмъ тѣломъ.

Въ прекрасно убранномъ кабинетѣ ресторана за ярко освѣщеннымъ столомъ сидѣла Цампа въ компаніи двухъ мужчинъ и, не отпуская отъ себя Кочетова, ужинала съ ними. Несчастный Жанъ сидѣлъ въ концѣ стола, не обращая на себя ничьего вниманія.

Мужчины наперерывъ ухаживали за Цампою, а она, каждымъ бокаломъ вина чокаясь съ Кочетовымъ, шептала ему:

— Я вся твоя и только твоя. Этихъ дураковъ я всегда вожу за носъ. А Жанъ! Она пожимала плечами, хохотала и ухарски выпивала вино, а захмѣлѣвшіе гости пожирали ее жадными глазами.

— Сегодня я тебя отпущу, но завтра, потомъ, шептала снова Цампа и крѣпко давила ногу Кочетова своею ножкою.

Кровь приливала къ головѣ Кочетова, и, когда одинъ изъ угощавшихъ поцѣловалъ шею Цампы, онъ поднялъ руку, чтобы ударить его, но Цампа вовремя удержала его.

Жанъ видѣлъ эту нѣмую сцену и въ безсильной злобѣ сжалъ въ рукѣ вилку.

О, съ какимъ наслажденіемъ онъ воткнулъ бы ее въ горло этого счастливаго Кочетова!

Только къ нему и къ одному ему онъ ревновалъ Цампу—съ самаго перваго дня, какъ онъ подмѣтилъ ея любовь къ этому нахалу. Развѣ не онъ, Жанъ, дѣлилъ съ нею тогда ея ревность, ея муки, ея слезы? развѣ не онъ спасъ ее тогда отъ отчаянія? и вотъ теперь... снова.

Не было города, въ которомъ бы за ней не ухаживали, не было человѣка, съ которымъ бы не обманывала его Цампа, но только не съ этимъ... Почему? развѣ онъ знаетъ, но онъ чувствовалъ всѣмъ существомъ своимъ, что эту измѣну онъ не проститъ ни ей, ни ему, а захмѣлѣвшая Цампа все плотнѣе прижималась къ Кочетову и не выпускала своей руки изъ его.

Хлябина торопливо вернулась домой и веселымъ голосомъ приказала дѣвушкамъ ставить самоваръ.

— Скорѣе, торопила она, — сейчасъ придетъ Иванъ Матвѣевичъ!

Она отдала оставшіеся шесть рублей за квартиру и, торопя Катю, болтала съ нею въ кухнѣ. Она рассказывала ей о Цампѣ, объ ея ѣздѣ, о Жанѣ, а потомъ вспомнила умирающую Кобелеву, бѣдную Нину съ распухшей спиной и стала описывать Катѣ тяжелую жизнь артиста.

— Нѣтъ, Катя, тяжелѣе работы, говорила она, — и если бы я чтонибудь умѣла, хоть чтонибудь... понятно, прислугою я быть не могу, я была барыней.

Катя слушала ее; и глаза ея горѣли. Нѣтъ, никогда она не повѣритъ, чтобы эта работа была тяжела! Жизнь артистовъ—это сплошное веселье. Понятно, даромъ хлѣбомъ нигдѣ не кормятъ.

— Здѣсь ты куска безъ слезъ не проглотишь, говорила Хлябина, — и только, дѣйствительно, если кого полюбишь, такъ для него эту муку примешь. Посмотри на Нину; а Элиза съ двумя дѣтьми, а Дубовъ безъ всякаго пристанища? Эхъ, Катя, мало ты видѣла нашей сестры!..

— И что это у васъ за грустныя мысли, прервала ее Катя, — сперва такія веселыя были...

Она подхватила кипящій самоваръ и перенесла его въ комнату къ Хлябиной.

Хлябина осталась одна и стала поджидать Ивана... Но что это? бѣтъ двѣнадцать, часъ—Ивана все нѣтъ... Онъ же обѣщался идти за нею слѣдомъ. Не случилось ли съ нимъ чего? Впрочемъ, съ чего бы? Дурныя вѣсти скоро доходятъ. Ее бы уже извѣстили.

Пробило два часа, а Ивана все не было. Самоваръ давно заглохъ. Въ комнатѣ царила унылая тишина и только тоскливо тикалъ маятникъ... Хлябина то вставала, то садилась, то подходила къ окошку и съ отчаяніемъ глядѣла на темный и мрачный дворъ. Ивана все не было.

Хлябиной овладѣло отчаяніе. Гдѣ могъ онъ быть? И вдругъ снова мысль о Цампѣ стрѣлою вонзилась ей въ сердце. Съ нею онъ! словно кто-то подсказалъ ей, и для нея наступили минуты пытки. Она металась по комнатѣ, произносила клятвы, угрозы, потомъ громко плакала и молила о любви. Казалось, разумъ ея внезапно помутился.

Въ прихожей раздался звонокъ. Хлябина быстро выбѣжала, отворила дверь и въ какомъ-то иступленіи схватила за рукавъ Кочетова и втащила его въ комнату.

— Гдѣ былъ? гдѣ? говори сейчасъ! произносила она отрывисто сиплымъ голосомъ:—съ нею съ этой распутницей? а? да говори же! крикнула она истерично.

Кочетовъ вдругъ протрезвѣлъ. Изступленное лицо Хлябиной казалось ему противнымъ.

— Отстань, чего пристала! гдѣ былъ, тамъ теперь нѣту, попробовалъ онъ отвертѣться.

— У ней, у ней! твердила она, дергая его за рукавъ.

— Отвяжись, говорю! крикнулъ, теряя терпѣніе, Кочетовъ.

— Скажи сперва! почти хрипѣла Хлябина.

— Ну, съ нею былъ, ужиналъ! Ну что, довольна? грубо въ упоръ произнесъ Кочетовъ и оттолкнулъ ее отъ себя.

Хлябина отлетѣла въ сторону, но не ударъ ошеломилъ ее, а его слова.

Предчувствіе не обмануло ее. И вдругъ, неистово крикнувъ, она бросилась къ Кочетову и ударила его по лицу.

— Такъ вотъ же тебѣ, а ей, ей!..

— Ты драться! заревѣлъ разсвирѣпѣвшій Кочетовъ:— такъ я же тебя!

Онъ повалилъ ее на полъ и въ дикой ярости сталь наносить удары по чемъ попало.

Хлябина на время потеряла сознание...

XXV

Съ этого страшнаго для Хлябиной вечера для нея наступило мучительное время. Она видѣла, какъ Цампа, нагло издѣваясь надъ нею, все больше и больше завладѣваетъ Кочетовымъ, и въ то же время не была въ силахъ отречься отъ него. Онъ являлся для нея всѣмъ.

Она готова была теперь принять отъ него всякую обиду за возможность хоть на мигъ увидѣть ласковую улыбку, услышать ласковое отъ него слово.

Ея жизнь обрацалась въ сплошное униженіе. И Кочетовъ понималъ свою власть надъ нею.

Грубый, пьяный, онъ возвращался поздно ночью и, заставая ее неспящей, приходилъ въ ярость:

— Что подсматривать, рюмить, точить вздумала! отчего не спишь? раздражался онъ бранью.

— Я ждала тебя.

— Что тебѣ во мнѣ? а? какое тебѣ до меня дѣло? на твои что ли пью? да я тебя знать не хочу! вонъ! оралъ онъ, приходя въ неистовство, и вдругъ начиналъ ее гнать изъ комнаты.

Она уходила въ кухню и тамъ плакала всю ночь.

Въ циркѣ же ей не давалъ покоя Жанъ. Онъ ловилъ всякій случай остаться съ нею наединѣ и изливалъ передъ нею всѣ слезы своего обиженнаго сердца.

— Вѣдь я больше жизни ее люблю! вѣдь я за нее душу готовъ отдать, а она? Господи, Боже мой!.. И онъ начиналъ пересчитывать свои обиды. Съ какимъ-то ухорствомъ, съ какою-то ненавистною жаждою она жила со всѣми, не обращая на него вниманія.

Она смѣялась надъ нимъ, била его по щекамъ, и онъ все сносилъ, лишь бы быть подлѣ нея, дышать съ нею однимъ воздухомъ. А теперь ко всему этому еще Кочетовъ. Съ тѣми она путалась, а этого она любить. Онъ знаетъ это навѣрное. Она и путалась съ другими, потому что его любила.

Хлябину терзали его жалобы, и она боялась съ нимъ

оставаться наединѣ. Она любила теперь уходить, прятаться и молча плакать.

— Брось ты его! уговаривала ее Нинка: — чего онъ тебѣ? ты сама свой хлѣбъ заработаешь!

Хлябина качала головою. Какъ она его бросить? Безъ нея онъ совѣмъ погибнетъ. Развѣ она не понимаетъ его жизни?

Нинка пожимала плечами:

— И дура-же ты!

— Антонина къ выходу! кричалъ Пироговъ.

И Хлябина, наскоро напудривъ лицо и подрумянивъ щеки, выходила на арену и съ веселымъ лицомъ качалась на проволокѣ.

Зрители аплодировали ей, и никто не подозрѣвалъ, какая драма совершается въ ея душѣ.

— Милый ты мой! говорила въ это же время Цампа, прижимаясь къ Кочетову: — наконецъ-то я отвоевала тебя! Вѣдь ты не любишь ея? нѣтъ?

— А ну ее! лѣнливо отмахивался Кочетовъ.

Глаза Цампы загорались недобрымъ блескомъ.

— Я бы убила ее!.. ты бьешь ее?

— Разъ побилъ, ухмылялся Кочетовъ. Цампа туманила его разумъ.

А подлѣ двери, весь согнувшись, стоялъ Жанъ съ искаженнымъ лицомъ и не замѣчалъ, какъ слезы катились изъ его глазъ. »Я убью васъ!« шептали его безкровныя губы, и въ эти минуты онъ готовъ былъ сдѣлать преступленіе. Эхъ, кабы сила!

Хлябина теперь почти не видѣла Кочетова. Онъ уходилъ на репетиціи безъ нея и приготовлялся къ своему бенефису въ тѣ часы, когда въ циркѣ никого не было.

Они встрѣчались только на представленіи вечеромъ, потому что обѣдалъ онъ теперь съ Цампою и съ нею же проводилъ время послѣ представленія.

Элиза и всѣ мучили ее своими насмѣшками. Она сама переставала понимать — ради чего она терпитъ такія муки.

Однажды Жанъ съ злобной улыбкою схватилъ ее за руку и потащилъ по корридору. Доведа до двери пустого стойла, гдѣ когда-то стоялъ осель, Жанъ толкнулъ ее и прошепталъ — смотри!

Хлябина невольно нагнулась къ щели и тотчасъ отскочила съ блѣднымъ лицомъ.

— Негодяй! сказала она Жану:—зачѣмъ ты мнѣ показываешь это!

— Поллюбуйся! съ безумной усмѣшкой прошепталъ Жанъ:—ишь, голуби! Онъ опустился на корточки и зарыдалъ.

Хлябина убѣжала домой. Она не могла участвовать въ вечернемъ представленіи. И Пироговъ, когда увидѣлъ ея искаженное, блѣдное лицо, тотчасъ отпустилъ ее.

Она прибѣжала домой и бросилась въ постель. Смерть, смерть! Все существо ея желало теперь смерти... Она не помнила, сколько времени провела въ какомъ-то полузабытіи. Дверь скрипнула, и на порогѣ ея показался Кочетовъ.

— Анюта, спишь? раздался его ласковый голосъ.

Хлябина вскочила. Ударъ бича не произвелъ бы на нее болѣе сильнаго впечатлѣнія. А Кочетовъ подошелъ къ ней и взялъ ея руку.

— Пироговъ сказалъ, что ты захворала. Я и пришелъ раньше. Что съ тобою?

Это было выше силъ. Хлябина сразу позабыла всѣ свои обиды. Слезы хлынули у нея изъ глазъ, и она прижалась къ Кочетову.

Онъ слегка коснулся ея лица губами и быстро отошелъ.

— Распорядись чаемъ! сказалъ онъ уже сурово.

Хлябина бросилась исполнять его приказаніе.

Во время чая Кочетовъ сказалъ ей:

— Ты знаешь, завтра мой бенефисъ.

Она кивнула ему головою.

— Такъ вотъ что. Я все же тебѣ одной вѣрю. Я завтра буду дѣлать полеты; ты будешь подавать мнѣ трапецію. Поняла?

Хлябина просвѣтлѣла. Она сдѣлаетъ все, что онъ скажетъ.

— Завтра надо быть особенно внимательной! прибавилъ Кочетовъ: — я вѣдь буду летать съ препятствіями!

— Я знаю. Только что это за препятствія? рѣшилась спросить Хлябина:

— Между трапеціями обручи съ бумагою повѣшу и — черезъ нихъ, просто сказалъ Кочетовъ.

Хлябина даже откачнулась.—Вѣдь это ужасъ!

— Я уже пробовалъ—ничего ужаснаго. Я на одной трапеціи практиковалъ.

Хлябина не могла придти въ себя отъ страха. Онъ вѣдь не будетъ видѣть другой трапеціи?

- Поэтому и нужно точнѣе, чтобы не пропуделять!
Хлябина набожно перекрестилась и тихо произнесла:
— Помоги намъ, Боже!
— Накарай еще! крикнулъ раздражительно Кочетовъ.

XXVI

На другое утро Хлябина забыла свои личные чувства, и только боязнь за жизнь любимаго ею человѣка всецѣло охватила ее.

— Я пойду съ тобою на репетицію. Не гони меня! сказала она утромъ Кочетову умоляющимъ голосомъ.

— Иди, пожалуй! отвѣтилъ Кочетовъ и прибавилъ: — только безъ сценъ: онѣ волнуютъ меня.

Хлябина поблѣднѣла и опустила голову. Неужели онъ разлюбилъ ее совсѣмъ? При этой мысли ея сердце сжалось съ такою болью, что она приложила къ нему руку.

— Идти, такъ идти! рѣзко сказалъ Кочетовъ, подымаясь отъ стола.

Хлябина встала и начала торопливо одѣваться.

Они вышли изъ дома молча и молча прошли всю дорогу.

Въ циркѣ уже собрались всѣ артисты и радушно привѣтствовали Кочетова.

— Съ именинами! шутили они.

— И отличится сегодня нашъ именинникъ! сказалъ Пироговъ. Хлябина отошла въ сторону и стала подлѣ Нины.

— И отчаянный же! сказала Нина.

Хлябина невольно улыбнулась, но когда она оглядѣлась, улыбка исчезла съ ея лица и ею снова овладѣли смутныя опасенія. Она увидѣла Жана. Онъ стоялъ за спиною Дубова, и его глаза словно приковались къ Кочетову и горѣли на блѣдномъ, искаженномъ злобою, лицѣ.

А подлѣ Кочетова стояла теперь Цампа въ темносиней амазонкѣ, обрисовывающей ея стройную фигуру, и дружески хлопала его рукою по плечу. Кочетовъ смѣялся.

— Ну, дѣлать, такъ дѣлать! крикнулъ онъ весело, — тащи, Дубовъ!

Дубовъ принесъ два обруча, оклеенныхъ папиросною бумагою. Кочетовъ спустилъ съ потолка два крючка, подцѣпилъ обручи и, прорвавъ слегка въ нихъ бумагу, поднялъ

ихъ кверху. Они поднялись и на аршинъ разстоянія другъ отъ друга, повисли между двумя трапеціями.

— Я только черезъ два и продѣлаю. Черезъ одинъ не стоитъ! сказалъ Кочетовъ и, спустивъ канатъ, взобрался по немъ на площадку къ трапеціи.

— Анюта! крикнулъ онъ сверху.

Хлябина вспыхнула отъ удовольствія и въ одинъ мигъ очутилась на другой площадкѣ. Кочетовъ все же довѣрялъ ей одной!

— Крикну »гой«! — спускай! крикнулъ Кочетовъ. Она его не видѣла.

Между ними висѣли, затянутые бумагой, обручи. Она знала только, что онъ, въ безумной отвагѣ перелетая съ трапеціи на трапецію, прорветъ эту бумагу и пролетитъ черезъ обручи.

— Гой! раздался крикъ. Она выпустила трапецію. Трапеція плавно кочнулась въ воздухѣ. Разъ, два...

— Гой! Хлябина вздрогнула и закрыла глаза. Раздалось шуршаніе. Она открыла глаза и увидѣла Кочетова, съ обрывками бумаги плавно качающагося надъ бездной. Внизу товарищи хлопали и кричали браво. Кочетовъ сталъ рядомъ съ Хлябиной. Она сжала его руку и прошептала любимую фразу:

— Герой мой!

Кочетовъ смотрѣлъ внизъ и кивалъ Цампгѣ, которая махала ему платкомъ и нагло кричала:

— Расцѣлюю!

Кочетовъ и Хлябина спустились.

— Пустой номеръ. Только бумагу побольше надорвать надо, а то задерживаетъ! сказалъ Кочетовъ.

— Объ этомъ не хлопочи, сказалъ Жанъ, вдругъ выдвинувшись изъ толпы.

— А пролетѣтъ пустякъ! добавилъ Кочетовъ.

XXVII

Въ этотъ вечеръ циркъ былъ полонъ народомъ. Франца Безано публика любила и такъ, а тутъ еще афиши съ объявленіемъ его бенефиса и общаніемъ »небывалаго воздушнаго полета съ препятствіями«.

Хлябина не отходила отъ Кочетова. Она слѣдила за

каждымъ его шагомъ и даже сдержала въ сердцѣ своемъ досаду, когда онъ прошелъ въ уборную къ Цампѣ.

Она въ это время прошла въ конюшню и осмотрѣла обручи. Ихъ было три. Сперва онъ проскочить черезъ одинъ, потомъ черезъ два сразу.

Она подошла къ обручамъ и сама, проткнувъ бумагу пальцемъ, провела имъ по діаметру каждаго круга, надрывая бумагу.

Къ ней вдругъ подошелъ Жанъ.

— Цѣлуются, прошепталъ онъ блѣдными губами.

Хлябина выпрямилась, и глаза ея сверкнули.

— Оставь меня! крикнула она на него: — зачѣмъ ты меня мучаешь!

— Самъ мучаюсь! прошепталъ Жанъ снова: — вымоталъ онъ мою душу, охъ, вымоталъ! И онъ опять заплакалъ.

— Тряпка поганая, злобно проговорила Хлябина и отошла отъ него.

Въ эту минуту въ корридорѣ показался Кочетовъ, готовый къ выходу.

— Ну, Анюта, гайда! крикнулъ онъ издали. Хлябина улыбнулась ему и пошла къ нему на встрѣчу.

— погоди! сказала она передъ выходомъ. Кочетовъ остановился. Она набожно перекрестила его, потомъ, взявъ въ обѣ руки его голову, крѣпко поцѣловала его.

— Теперь съ Богомъ!

— Она проводила, а я встрѣчу тебя, Ванюша! раздался позади Хлябиной голосъ Цампы.

А Жанъ, нагнувшись надъ однимъ обручемъ, торопливо что-то мастерилъ подлѣ него.

Громъ рукоплесканій встрѣтилъ появленіе Кочетова на сценѣ. Онъ быстро взобрался на площадку. Хлябина съ такою же быстротою поднялась на другую, и Кочетовъ началъ свою работу.

Онъ перелеталъ съ трапеціи на трапецію, не имѣя подъ собою предохранительной сѣтки, и каждый полетъ его вызывалъ восторженныя рукоплесканія.

Глаза Хлябиной горѣли.

Да, вотъ такимъ же отважнымъ и смѣлымъ она увидѣла его въ первый разъ четыре года назадъ! И съ той поры любовь ея къ нему все крѣпла и крѣпла. Пусть онъ

теперь развлекается съ Цампой. Въ концѣ концовъ, она вернетъ его къ себѣ и уже никому не отдастъ иначе, какъ съ бою.

Кочетовъ остановился отдохнуть и подалъ знакъ. Жаять и Дубовъ вынесли обручи.

Первый обручъ былъ поднять и повисъ въ воздухѣ. Кочетовъ приготовился. Хлябина напрягла все вниманіе.

— Гой!

Хлябина бросила трапецію. Единодушный крикъ ужаса огласилъ циркъ.

— Гой! И Кочетовъ съ обрывкомъ бумаги на головѣ сталъ подлѣ Хлябиной. Крикъ ужаса смѣнился восторженнымъ »браво«, когда Кочетовъ перелеталъ назадъ по трапеціи на свою площадку. Хлябина дрожала отъ восторга.

Слѣдомъ за этимъ сверху поднялись два обруча и остановились между трапеціями.

— Гой! раздался снова крикъ Кочетова. Хлябина отпустила трапецію. Но что же это?.. Толпа снова вскрикнула, а его нѣтъ, и трапеція пустая возвращается къ ней послѣ своего размаха.

Она посмотрѣла внизъ, и безумный крикъ вырвался изъ ея груди.

Раздался стукъ падающаго тѣла, крикъ, ужасный крикъ боли, и на него отвѣтили истеричные возгласы, рыданія и чьи-то вопли.

На пескѣ арены въ пыли и крови безпомощно протянулся Кочетовъ. Хлябина приникла къ нему въ истерическомъ плачѣ.

Публика, какъ безумная, сбѣжала внизъ, на арену. Помертвѣвшаго Кочетова вынесли въ конюшню.

У него оказались переломленными обѣ ноги: одна въ колѣнѣ, другая въ голени.

Такъ окончилась артистическая карьера Франца Безано.

.....

XXVIII

Во время Георгіевской ярмарки въ Вильнѣ на всѣхъ углахъ города появились огромныя афиши, объявляющія о представленіяхъ, которыя будетъ давать неустранимая m-lle Антонина на туго натянутомъ канатѣ, натянутомъ на 10-ти саженьяхъ надъ землею.

Дѣйствительно, представленія эти начались въ одномъ изъ угловъ огромной каедральной площади и продолжались въ теченіе цѣлой недѣли по два раза въ день.

Къ назначенному времени длинноногій рыжій парень начиналъ звонить въ колоколь, подвѣшенный у одного изъ столбовъ, и народъ, гуляющій по ярмаркѣ, стекался къ площадкѣ, надъ которой былъ протянутъ канатъ. Спустя нѣсколько минутъ появлялась и сама m-lle Антонина. Въ черномъ трико съ серебряными блестками, въ черномъ колетѣ съ бѣлыми перьями она появлялась въ толпѣ, везя за собою телѣжку, въ которой сидѣлъ безногій калѣка.

Это были никто иные, какъ Хлябина и Кочетовъ, которому отрѣзали обѣ ноги.

Хлябина оставляла телѣжку и брала кружку, съ которою и обходила всю толпу.

— Господа, кто сколько можетъ! Я беру и мѣдныя! вскрикивала она шутливымъ голосомъ и, обойдя раза два далеко не щедрю толпу, подходила къ канату.

На высотѣ 10 сажень съ балансомъ въ рукахъ она дѣлала все, что дѣлаютъ и всѣ другіе »Блондены«. Она ходила, останавливалась, шла пятясь, ложилась, вставала и, наконецъ, ходила съ завязанными глазами.

Когда же публика оставалась равнодушна, она спускалась, вынимала безногаго Кочетова изъ телѣжки и съ нимъ поднималась на канатъ.

Она брала его въ мѣшки за спину и носила его по канату или сажала въ тачку и бѣгомъ бѣжала съ нимъ на другой конецъ.

Тогда публика замирала въ нѣмомъ ужасѣ за жизнь калѣки и, когда нумеръ оканчивался, оглашала воздухъ неистовыми кликами восторга.

Этотъ нумеръ программы производилъ впечатлѣніе. Хлябина довольная спускалась сверху, неся на спинѣ Кочетова, и, посадивъ его снова въ телѣжку, возвращалась къ себѣ домой до слѣдующаго представленія.

Кочетовъ принадлежалъ теперь ей безраздѣльно, и она была счастлива.

Она радовалась даже, что онъ калѣка, и что теперь она могла буквально посвятить ему всю свою жизнь.

Ее можно встрѣтить вездѣ, гдѣ большая ярмарка или праздникъ. Понятно, она огрубѣла, и отъ прежней помѣщицы остались только ея личныя воспоминанія о беззаботной жизни. Теперь она пьетъ водку, курить и иногда ругается, но когда она говорить съ несчастливымъ Кочетовымъ или ухаживаетъ за нимъ, въ ней просыпается вся нѣжность, на какую только способна женская душа, и — когда я познакомился съ нею и услышалъ отъ нея всю эту исторію — я невольно умилился передъ ея возвышеннымъ сердцемъ и назвалъ ее героиней.

— Не геройство это, а судьба ужъ такая! отвѣтила она просто и прибавила:— чтобъ вполнѣ выполнить мнѣ свое назначеніе, еще бы Жана встрѣтить и избить его, какъ собаку.

Я изумился.

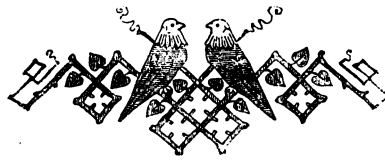
— Это онъ, вѣдь, его искалѣчилъ, показала она на Кочетова:— я потомъ все увидѣла. Онъ на обручъ натянулъ двѣ вошечныхъ нитки, и Иванъ задержался и грохнулся.

— Такъ его надо судить было!

— Да развѣ можно доказать это! Нитки уже были оборваны. Я увидѣла только кончикъ одной... Господи! да и то ли еще бываетъ въ нашемъ быту!

А. Заринъ

К о н е ц ъ

На мотивъ изъ Гервега

Я не смущенъ презрѣнной клеветою,
Глумленіемъ надменной пустоты,
Иду впередъ намѣченной тропою,
Неуязвимъ шипѣньемъ клеветы.

Какъ пахарь, я въ сердца людей бросаю
Святой любви и правды сѣмена...
Забвеніемъ покроются — я знаю —
Завистниковъ ничтожныхъ имена.

Алекс. Кругловъ

ЛѢСНОЙ барышникъ

Разсказъ изъ финскаго быта

Якова Аренберга

ГЛАВА IV

На слѣдующій день, настоящій осенній и темный, когда буря все еще завывала, а дождь злобно хлесталъ въ маленькія оконца каюты, наши путешественники поздно вечеромъ добрались до мѣста. Плаваніе было опасное, такъ какъ фаватеръ не былъ намѣченъ, но знакомство Матти съ мѣстностью дало ему возможность съ помощью костровъ, разложенныхъ на всѣхъ островкахъ и прибрежныхъ утесахъ, найти вѣрную дорогу; онъ исполнялъ теперь обязанность лодмана на пароходѣ.

Эти костры, которые освѣщали имъ путь, зажигаются рыбаками. Поздней осенью, когда свирѣпствуетъ и бушуетъ буря, когда природа бываетъ при смерти, постарѣвшая и усталая, пробуждается любовное стремленіе у ряпушки, этого богатства Пиелискаго озера; тутъ начинаются ея игры въ тяжелыхъ, свинцовыхъ волнахъ у окаймленныхъ пѣною береговъ. Вотъ тогда-то рыбаки оставляютъ свои жилища и день за днемъ проводятъ тамъ, на пустынныхъ островкахъ и шхерахъ, ставятъ сѣти и солятъ свой уловъ. Благодаря этимъ огнямъ, можно было благополучно пробраться между всѣми островками и шхерами къ деревенской пристани.

Деревня Киискиля лежитъ при небольшой рѣкѣ, кото-

рая, выходя изъ одного озера за границами Финляндіи, черезъ болота и трясины пробирается до Піелискаго озера. Поставивъ баржу на якорь въ устьѣ рѣки и заперевъ копенъко дверцу какоты, Матти вышелъ на берегъ. Довольная улыбка появилась на его широкомъ честномъ лицѣ при мысли, что теперь, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ отсутствія, онъ увидитъ свой домъ и своихъ близкихъ. Эта радость однако была далека отъ шумныхъ проявленій, такъ какъ Матти не имѣлъ привычки обнаруживать свои чувства.

Молча повернулъ онъ съ Вейкколиномъ на постоянный дворъ, нашелъ ему помѣщеніе и переговорилъ съ однимъ, довольно грязнымъ на видъ, человѣкомъ по имени Исаака Хультила, одиноко въ тупомъ молчаніи сидѣвшимъ за кружкой пива въ пустой комнатѣ. Они условились, что на слѣдующій день тотъ отправится съ лѣснымъ торговцемъ въ качествѣ проводника по мѣстнымъ лѣсамъ. Затѣмъ пріатели распрощались, давъ слово сойтись черезъ нѣсколько дней, когда Матти получитъ отвѣтъ относительно своего лѣса и цѣны за него.

Проснувшись на слѣдующее утро очень рано, Вейкколинь выглянулъ въ небольшое окно постоялаго двора. Онъ бывалъ и прежде въ этихъ краяхъ, но тогда съ другими намѣреніями и мыслями. Теперь его пытливый взглядъ искалъ прежде всего лѣса. Тамъ, вдали у горизонта, стоялъ онъ какъ роскошная синѣющая рамка для широкой и свѣтлой картины. Широка была картина, такъ какъ постоянный дворъ стоялъ высоко на одномъ изъ холмовъ послѣднихъ отроговъ Ліексаваара при Піелискомъ озерѣ, свѣтла — потому, что буря миновала и осеннее солнце еще разъ взошло, сіящее и лучезарное, какъ будто тумановъ, мглы и тучъ никогда не существовало.

Вейкколинь окинулъ взглядомъ окрестность, которая казалась тщательно обработанной. »Это очень хорошо«, подумалъ онъ про себя, »рабочую силу можно получить на мѣстѣ, только бы годился лѣсъ, а рукъ и топоровъ, чтобы валить сосну, у насъ найдется довольно. Онъ совершилъ свой несложный туалетъ, закурилъ трубку и вышелъ въ сѣни спросить у содержателя двора—готовъ ли его провезти. Тамъ, на крыльцѣ, сидѣлъ уже Хультила съ котомкой за спиной, въ длинныхъ мягкихъ сапогахъ, обязан-

ныхъ ремнями, съ посохомъ въ рукѣ, готовый когда угодно принять участіе въ экспедиціи. Наружность его повидимому была нѣсколько приведена въ порядокъ, и сегодня онъ не выглядѣлъ такимъ поношеннымъ.

— Все въ порядкѣ, сказалъ, здороваясь, проводникъ. Хозяйка уложила намъ съѣстные припасы на дорогу; они тутъ со мной, да и не забыла также и водочки.

При словѣ »водочка«, лицо этого человѣка, обыкновенно безцвѣтное и безжизненное, загорѣлось и ожило, что и послужило своего рода иллюстраціей къ пріятному словечку. Вейкколинъ наострилъ уши, строго посмотрѣлъ на Хультила и сказалъ:

— Вотъ какъ! и водка есть съ нами. Ну, тогда лучше всего мнѣ самому взять ее на свое попеченіе.

Черезъ полчаса путники отправились въ дорогу. Сперва они шли деревней. То была настоящая карельская деревня. Избы, принадлежавшія одной семьѣ или роднѣ, ютились небольшими кучками на вершинахъ холмовъ. Лѣсъ былъ вырубленъ. Только кое-гдѣ узловатая карельская береза *) или старая рябина зеленѣли въ тѣснотѣ между амбарами и пристройками. Избы были окружены полями. Около хлѣвовъ, главнаго источника удобренія земли, всей ея производительной силы, находился небольшой огородъ, гдѣ лѣтомъ росъ стройный, голубоглазый ленъ, гдѣ капуста и нѣсколько табачныхъ стеблей—растенія, представляющія предметъ роскоши въ крестьянскомъ хозяйствѣ—всасывали въ себя нѣжнѣйшіе соки почвы.

Миновавъ одинъ за другимъ крестьянскіе дворы съ ихъ полями, путники очутились передъ общественнымъ пастбищемъ. Со всѣхъ сторонъ слышалось звяканье погремущекъ и звонъ колокольчиковъ; деревенскій скотъ пасся здѣсь подъ ольхами и рябинами, подъ березами и ивами, отыскивая послѣдніе стебли мягкой травы, которые еще не совсѣмъ пожелтѣли и засохли отъ лѣтняго зноя.

За выгономъ начинался лѣсъ на покатости, обращенной къ востоку; дальше впереди тянулось болото, перерѣзанное рѣчкой; за обширнымъ болотомъ, порождающимъ заморозки

*) Красивая твердая, употребляемая для мелкихъ подѣлокъ. „Карельская“ береза получается отъ болѣзненнаго процесса въ деревнѣ, выражающагося внутренними шишкообразными отложениями.

Примѣч. переводч.

лѣтомъ и негоднымъ къ обработкѣ, опять шель лѣсъ, протирающійся чуть ли не до Архангельска. Тутъ, гдѣ-то по близости, въ нѣсколькихъ миляхъ, проходитъ граница имперіи. Вотъ гдѣ онъ, сказочный семимильный лѣсъ!

Путники все шли да шли. Съ выносливостью, не знавшей, повидимому, никакой усталости, на пищѣ, состоявшей изъ воды, соленой ряпушки и хлѣба, пробирались эти люди лѣсною чащею съ помощью небольшого компаса.

Ночи проводили они подъ упавшей елью или въ развалившемся сѣнномъ сараѣ на пустынномъ лугу. Послѣ трехдневнаго скитанія по лѣсу во всѣхъ направленіяхъ все было осмотрѣно; лѣсъ оказался превосходнымъ, а что еще лучше — былъ удобно расположенъ.

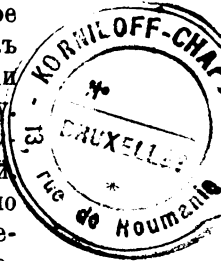
На третій день путники вернулись въ деревню. Они опять расположились на постояломъ дворѣ, велѣли истопить баню, распарили тамъ озябшіе и окоченѣвшіе члены и сидѣли теперь вечеромъ за дымящимся »тодди« съ ромомъ.

Въ разговорѣ Вейкколинъ спросилъ Исаака Хультила какъ онъ могъ такъ хорошо узнать лѣсъ и всѣ окрестности?

Однако нашъ молодецъ точно не слышалъ или не понималъ вопроса. Мысли его, казалось, блуждали далеко, глаза искрились и блестѣли, ноздри раздувались, а безжизненное лицо стало выразительнымъ и оживленнымъ. Онъ какъ разъ приготавливалъ себѣ новый тодди и при этомъ занятіи не имѣлъ ни времени, ни охоты къ чемунибудь иному. Когда его крѣпкая порція была готова, онъ залпомъ осушилъ стаканъ и опять тотчасъ же приготовилъ другой. Взявъ его въ руки, Хультила отошелъ къ огню, весело пылавшему на большомъ очагѣ, такъ что дрова громко трещали и шелкали, подсѣлъ какъ можно ближе къ очагу, потирая свои жилистые и худые члены, и наслаждался, наслаждался теплотой какъ мокрая собака, горячимъ напиткомъ какъ юный богъ нектаромъ. Немного времени спустя онъ заговорилъ, хотя Вейкколинъ не думалъ повторять своего вопроса:

— Вотъ видите ли, я родился въ здѣшнихъ мѣстахъ. Я вамъ расскажу обо всемъ. Онъ остановился.

— Я никогда не говорилъ объ этомъ никому другому. Опять длинная пауза.—Пожалуйста, присядьте сюда, здѣсь такъ хорошо, около огня, мѣста хватить. Будьте такъ добры; но чокнемся сначала, чокнемся!

— Видите ли, когда-то я былъ студентомъ и даже готовился въ пасторы. Вы удивляетесь, какъ сталъ я тѣмъ, что я теперь — адвокатъ изъ-за угла, помощникъ землемѣра, деревенскій писецъ, но я вамъ расскажу свою исторію. Во всемъ моя вина, во всемъ моя! И какая вина!.. да! Вамъ я могу объяснить, потому что вы поймете. Видите ли, никогда не слѣдуетъ измѣнять своему званію, никогда не слѣдуетъ стараться попасть въ другое сословіе.

Вейкколинъ круто повернулся къ говорившему.

— Что вы сказали?

— Никогда не слѣдуетъ мѣнять своего званія, повторилъ тотъ.

— Даже на лучшее?

— Нѣтъ, никогда. Это не принесетъ счастья. Это все равно, что надѣть на себя новое платье, которое или слишкомъ широко, или слишкомъ узко.

Вейкколинъ посмотрѣлъ на собесѣдника. Тотъ сидѣлъ, согнувшись въ дугу, положивъ локти на колѣни и опираясь подбородкомъ на ладони. Лицо его было красно, какъ мѣдь. Онъ глядѣлъ прямо въ огонь и точно прислушивался къ тому, какъ разсыпались и падали уголья. Онъ казался такимъ старымъ, утомленнымъ и износившимся.

— Посмотрите, началъ опять, немного спустя, Исаакъ, взгляните какъ пепель падаетъ на горящіе уголья— сперва легко, какъ пухъ, потомъ все гуще и гуще, пока наконецъ они совсѣмъ не покроются пушистымъ сѣрымъ покровомъ и перестанутъ искриться и вспыхивать по временамъ. Вотъ изображеніе меня самого. Я тоже когда-то металъ искры и пылалъ. То было веселое пламя, которое поднималось высоко, хотѣло и грѣть, и свѣтить. Потомъ я измѣнилъ всему, чему, какъ я сказалъ, не слѣдуетъ измѣнять и съ тѣхъ поръ гасну все болѣе и болѣе, пепель покрываетъ меня все гуще и гуще...

— Я, видите ли, изъ крестьянъ, но собирался — подумаешь! — стать кое-чѣмъ получше, такъ какъ ученъе было мнѣ нипочемъ. Мать настаивала на томъ, отецъ подстрекалъ, сестра и братъ помогали. Пасторъ и исправникъ приняли меня на свое попеченіе. Я былъ честию и гордостью цѣлаго прихода. Отецъ хвастался на всѣхъ сходкахъ, что я учусь по латыни. Мать высчитывала — сколько я буду получать, когда сдѣлаюсь пасторомъ. Уваженіе ко мнѣ и

моей учености со стороны брата и сестры доходило до того, что они величали меня »негга« (господинъ).

— Послѣ многихъ лишеній и жертвъ, выдѣвъ я наконецъ въ студенты. Теперь я промѣнялъ свое мужицкое званіе на господское, снялъ съ плечъ свой теплый, крѣпкій кафтанъ и надѣлъ широкій, неуклюжій скюртукъ, который не грѣлъ меня. Я сталъ чуждымъ кружку моихъ родныхъ, а также ихъ сердцу и любви. Они не понимали меня болѣе, они только восхищались мною. Другое, чему я измѣнилъ, былъ мой родной языкъ. Это было все равно, что промѣнять маленькій золотой кубокъ на большую позолоченную стопу. И все-таки я никогда не научился шведскому языку на столько, чтобы говорить на немъ правильно. Но хуже всего вышло, когда мнѣ пришлось измѣнить моимъ врожденнымъ мужицкимъ понятіямъ.

Онъ выпилъ свой тодди, приготовилъ другой и, прихлебывая, продолжалъ рѣчь:

— Видите ли, когда я поступилъ въ университетъ, либерализмъ шелъ полнымъ ходомъ, на всѣхъ парусахъ, по открытому морю; до берега было далеко, а небо было ясно. Весь свѣтъ тогда мыслилъ свободно. Мой мужицкій консерватизмъ долженъ былъ уступить, а вмѣстѣ съ нимъ я потерялъ послѣдній свой якорь. Теперь во мнѣ все было заученнымъ, врожденнаго не осталось ничего; всѣ корни, связывавшіе меня съ родными, были порваны. А тутъ пришло время готовиться въ пасторы.

Онъ опять умолкъ.

Дрова на очагѣ всѣ распались на мелкіе красные пылающіе уголья, которые свѣтили ровно и жарко, не мелькая и не вспыхивая. Темнота и тишина воцарились въ большой комнатѣ; при этомъ полусвѣтѣ она казалась еще больше и непривѣтливѣе.

Хультила сидѣлъ и что-то чертилъ пальцемъ въ воздухѣ. Вейкколинъ подумалъ, что ему представлялись видѣнія. Но тутъ бывший студентъ опять сталъ продолжать свой рассказъ. Хотя порою онъ и путался въ словахъ, но все-таки умъ его работалъ еще довольно сносно.

— Когда подумаешь, что все это произошло въ продолженіе какихъ нибудь двадцати лѣтъ, то просто становишься втупикъ. Мнѣ кажется, я старъ какъ Маеусаиль, точно вѣка прошли съ тѣхъ поръ, какъ я пережилъ то, о

чемъ сейчасъ говорилъ. Я чувствую себя такимъ дряхлымъ, такимъ пустымъ, какъ раковина, выброшенная на морской берегъ. Видите ли, дѣло въ томъ, что я собственно пересталъ жить давнымъ давно, ко всему отношусь равнодушно, живу только по старой привычкѣ, также какъ и пью. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, я уже потерялъ къ этому вкусу. Но о чемъ бишь я говорилъ сейчасъ?.. Онъ сталъ заикаться. — Да, какъ я готовился въ пасторы. Я началъ изучать богословіе въ либеральномъ духѣ. И на экзаменѣ оказалось, что я былъ сильнѣе въ нападкахъ на вѣру, чѣмъ въ защитѣ христіанскаго ученія. Я слишкомъ много почерпнулъ изъ либеральныхъ книжекъ. И меня понемногу стали оттѣснять, такъ какъ я оказался волкомъ въ овечьей шкурѣ, нерадивымъ пастыремъ, »гробомъ повапленнымъ...« Впрочемъ, правду сказать, я уже пилъ и тогда. И такъ, я впалъ въ нищету, терпѣлъ голодъ, холодъ, жилъ въ грязи. Однажды, когда я сидѣлъ въ своей жалкой каморкѣ на Красной горѣ въ Гельсингфорсѣ, приходитъ ко мнѣ одинъ товарищъ.

»Теперь у меня есть кое-что для тебя«, говорить онъ. »Встряхнися, старина! Ты опять будешь спать на пуху, каждый день обѣдать и чувствовать себя какъ люди. Ты будешь цензоромъ финской прессы въ Выборгѣ. Читать газеты, только читать, слышишь ты, и получать 2,000 марокъ въ годъ! Приходи завтра ко мнѣ. Я тебѣ одолжу свой сюртукъ и сапоги. Потомъ ты отправишься въ управленіе по дѣламъ печати, и тогда все пойдетъ какъ по маслу; дѣло это уже налажено. Я приду вслѣдъ за тобой, слышишь ты?..« Впрочемъ вы вѣдь этого не понимаете, но все равно...

Не помню, что я отвѣтилъ товарищу, только я не дошелъ еще до того, чтобы согласиться на подобное предложеніе. Я бѣжалъ.

На слѣдующій день я сѣлъ на пароходъ и черезъ двѣ недѣли былъ дома. Отецъ, мать, сестра, братъ, пасторъ и исправникъ только осрамялись изъ-за меня. А мнѣ пришлось дорого заплатить за свое вольнодумство. Послѣ того я пережилъ ужасные годы. За каждый кусокъ хлѣба, стѣданный мною, мнѣ давали чувствовать чего онъ стоитъ. Все, что прежде приносило мнѣ и моимъ близкимъ честь и почетъ, стало для меня и для нихъ позоромъ. Съ этого времени я ношу кличку, знакомую всѣмъ въ приходѣ, —

вы вѣроятно слышали, что меня прозвали Клопомъ. Я влачилъ жалкое существованіе. Просить милостыни я стыдился, а рыть землю было мнѣ не по силамъ. Иногда я перебивался тѣмъ, что велъ книги для пастора, но...

Тутъ мрачное настроеніе Хультила разомъ измѣнилось; онъ вдругъ сдѣлался веселъ, сталъ фыркать и смѣяться.

— Когда оказалось, что въ спискахъ я растерялъ цѣлую уйму ребятъ, мальчиковъ превратилъ въ дѣвочекъ и обратно, заставилъ иныхъ прожить болѣе ста лѣтъ, а другихъ слишкомъ рано уморилъ, тогда мнѣ отказали и въ этомъ занятіи.

— Теперь много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ и родителей моихъ уже нѣтъ въ живыхъ.

Рѣчь Хультила становилась все тише, медленнѣе и невнятнѣе, слова точно вязли у него въ зубахъ, и, какъ у привычныхъ пьяницъ, хмѣль сразу одолѣлъ его.

— Еслибы я остался мужикомъ... Оставайтесь мужикомъ, Вейкколинь, оставайтесь тѣмъ, что вы есть... это все равно, что промѣнять золотой кубокъ... Видите ли, шведы говорятъ: »мужикъ не выдыхается до третьяго колѣна«... Вотъ еслибы у васъ былъ сынъ, ну, тогда... Вдругъ точно что-то оборвалось у него въ горлѣ; онъ внезапно замолчалъ, его мускулы ослабѣли. Счастливый и довольный, опустился Хультила на скамью; онъ достигъ своей цѣли — забвенія въ хмѣльномъ угарѣ.

Вейкколинь смотрѣлъ на него.

— Ему не повезло, потому-то онъ такой желчный. Кромѣ того онъ вретъ; всѣ пьяницы врутъ.

Ничего не бываетъ безъ причины. А они всегда сваливаютъ бѣду на чтонибудь другое, только не на водку. Вздоръ это все, чистѣйшій вздоръ.

V

На слѣдующій день, согласно ихъ условію, Вейкколинь встрѣтился съ Матти на почтовомъ дворѣ.

Барышникъ былъ встревоженъ; онъ уговорился съ Хультила, что тотъ будетъ служить ему письмоводителемъ и свидѣтелемъ при покупкѣ. Другимъ свидѣтелемъ являлся Яковъ Дроздъ, старый гвардеецъ, хорошій пріятель и теперь сотоварищъ »Силача« Матти. Но пока только старый

солдаты одинъ былъ на лицо. Вейкколинь рѣшилъ, что сегодня должна состояться покупка во что бы то ни стало. И хотя Матти бился, какъ рыба въ его сѣтяхъ, и къ тому же еще какъ увертливая рыба, Вейкколинь постепенно вытаскивалъ свою добычу на берегъ, и задолго прежде, чѣмъ Матти понялъ это самъ, всѣ условія контракта были выяснены.

Въ одномъ Матти остался однако непоколебимъ. Вейкколинь хотѣлъ принудить великана принять на себя рубку и доставку продажнаго лѣса. Но Кискиля общалъ еще покойному Блуме срубить принадлежащій фирмѣ лѣсъ, за нѣсколько миль къ сѣверу отсюда, и кромѣ того далъ слово сплавить весь лѣсной матеріалъ, подъ своимъ наблюденіемъ, внизъ по Пиелисскому оверу и быстрой рѣкѣ Пиелись до лѣсопильнаго завода въ Суйккила.

— И Вейкколинь понимаетъ, добавилъ онъ, — что обѣщанное должно быть исполнено — *>mies sanasta, ja härkä sarvesta< **).

— Но, возразилъ Вейкколинь, — вѣдь старикъ Блуме теперь умеръ...

— Вѣрно, да зато я живъ, сердито сказалъ Матти, — и сдержу, что обѣщаль.

Вейкколинь не сталъ настаивать на своемъ намѣреніи, боясь потерять остальное. У этого великана была какая-то особенная смѣсь необузданной силы наряду съ уступчивостью ребенка, которая выражалась въ неограниченной довѣрчивости и покладливости. Эта покладливость, какъ было извѣстно Вейкколину, могла однако истощиться, въ особенности, если Матти осушалъ нѣсколькими стаканчиками больше, чѣмъ слѣдовало, или бывалъ раздраженъ. Тогда, ни съ того, ни съ сего, этотъ уступчивый характеръ могъ обратиться въ упорное упрямство, котораго никто не въ силахъ былъ сломить, даже жена Матти, обыкновенно дѣлавшая съ нимъ, что ей угодно.

Поэтому Вейкколинь благоразумно отказался отъ своего послѣдняго предположенія и былъ доволенъ тѣмъ, чего ему удалось достичь. Только бы покончить съ покупкой лѣса, а людей для рубки деревь и сплавки ихъ онъ всегда найдетъ. Можетъ статься, Яковъ Дровдъ согласится на это.

*) *>Человѣкъ узнается по словамъ, а быкъ по рогамъ<.* Финская пословица.

Яковъ Дроздъ былъ очень некрасивъ собою, но воинъ-хоть куда. Онъ много лѣтъ служилъ рядовымъ въ финской гвардіи, участвовалъ въ походѣ за освобожденіе Болгаріи, дрался во многихъ сраженіяхъ, былъ раненъ подъ Филиппополемъ и пролежалъ въ лазаретѣ при Санъ-Стефано долгое мѣсяцы послѣ возвращенія его баталіона на родину. Этотъ отставной гвардеецъ, пом де гнетте котораго было Трасть (Дроздъ) — а звали его собственно Торвикоски — былъ высокъ ростомъ, съ сильно вздернутымъ носомъ, парю умныхъ сѣрыхъ глазъ и съ длинными висячими монгольскими усами, подъ которыми неизмѣнно торчала трубка. Когда-то было очень трудно внушить ему военный артикулъ, но разъ онъ постигъ его, то сжился съ нимъ на всю жизнь, какъ и со своей трубкой. Солдатскія привычки стали его второй натурой. Онъ двигался автоматически, развѣренно, какъ по командѣ, кстати и некстати употреблялъ слово «мирно» и здоровался, какъ люди говорили, изъ одной спѣси, на военный манеръ, прикладывая руку къ фуражкѣ; послѣдняя всегда была у него старая, полинявшая и изношенная и, гдѣ бы онъ ни купилъ ее, въ короткое время прибрѣтала на его головѣ извѣстный военный пошибъ.

Никакія заманчивыя предложенія и обѣщанія Вейкколина не могли соблазнить его.

— Солдатъ никогда не оставляетъ товарища въ бѣдѣ, былъ согласный съ воинскимъ уставомъ отвѣтъ Дрозда на всѣ блестящіе посулы Вейкколина. — Матти и я старые товарищи, а я ему нуженъ теперь, — вотъ все, что Вейкколинъ получилъ въ отвѣтъ.

Между тѣмъ время завтрака давно прошло, но о Хультила не было ни слуху, ни духу. Вейкколинъ сидѣлъ, какъ на иголкахъ. Ну, какъ случится чтонибудь, и все дѣло пойдетъ прахомъ! Онъ тѣмъ болѣе безпокоился, что хозяинъ почтоваго двора упорно настаивалъ на удаленіи посѣтителей. Черезъ полчаса должно было происходить здѣсь собраніе попечительства о бѣдныхъ съ участіемъ пастора и старосты. А до тѣхъ поръ торгъ долженъ былъ состояться, иначе оба—и староста, и пасторъ—могли вступиться, а съ пасторомъ шутки плохія. Богъ знаетъ, чѣмъ все могло окончиться при такой оказіи.

Хозяинъ опять пришелъ съ прежнимъ напоминаніемъ.

Выжить посѣтителей однако было не такъ-то легко. Яковъ Дровдъ и Матти пришли на постоянный дворъ уже навеселѣ, а здѣсь усердно угостились пивомъ и ромомъ на счетъ Вейкколина. Теперь они засѣли тутъ крѣпко. Въ особенности гигантъ Матти, казалось, совсѣмъ пустилъ корни. Кулаки его, тяжелые какъ цѣпи, лежали на столѣ. Когда ему надо было подкрѣпить свою рѣчь, онъ ударялъ въ основную доску стола, такъ что плошки и кружки плясали и подскакивали со звономъ. Портной съ женою, которые содержали постоянный дворъ, при каждомъ ударѣ вздрагивали отъ испуга.

Кромѣ этой супружеской четы и троихъ гостей поодаль, у очага, сидѣлъ мальчикъ, бѣлокурый и съ парюю такихъ большихъ, выпуклыхъ и ясныхъ глазъ, что нельзя было его не замѣтить. Онъ съ жадностью прислушивался къ общей бесѣдѣ, гдѣ шли съ сильными прикрасами рассказы о войнѣ и геройскихъ подвигахъ, о лѣсахъ и лѣсной промышленности, о странствіяхъ и охотахъ въ обширныхъ пустыняхъ, о плотахъ лѣса на быстро текущихъ рѣкахъ и пѣнящихся порогахъ, на широкихъ озерахъ, въ бурю, туманъ и затишье; о скупкѣ и продажѣ лѣса, причемъ наживались тысячи и тысячи марокъ; о лѣсопромышленникахъ, которые начали свою карьеру бѣдными, какъ эскимосы, а теперь жили въ Гельсингфорсѣ коммерціи совѣтниками съ сундуками, полными денегъ.

Хозяину, повидимому, не нравилось, что мальчикъ слушаетъ разговоръ. По временамъ онъ обрушивался на него съ бранью и высылалъ вонъ то по одному, то по другому поводу. Ему, какъ видно, не хотѣлось, чтобы ктонибудь обратилъ вниманіе на этого ребенка.

Между тѣмъ время подвигалось къ двѣнадцати часамъ. Но Хульгила такъ и не показывался. Вейкколинъ не могъ больше владѣть собою, всталъ и отправился искать своего ненадежнаго секретаря. Хозяинъ и его жена также волновались все сильнѣе. Дровдъ только что принялся рассказывать великану исторію о томъ, какъ онъ одурачилъ турецкій пикетъ на Пинскихъ горахъ въ Болгаріи, когда хозяинъ-портной подошелъ къ гиганту, положилъ рядомъ на столъ его фуражку и съ заискивающей, подострастной улыбкой сталъ уговаривать, чтобы тотъ подумалъ о женѣ и дѣтяхъ, такъ какъ давно уже настало время обѣда.

Силачъ Матти не обратилъ на это вниманія и добродушно отстранилъ портнаго лѣвой рукой, внимательно дослушивая исторію Якова Дрозда. Но портной продолжалъ приставать, и тогда Кіискиля, наконецъ, разсердился, ударилъ кулакомъ по столу, такъ что вся посуда полетѣла на полъ, и, обращаясь къ нарушителю спокойствія, запальчиво спросилъ:

— Что здѣсь: постоянный дворъ или твоя портняжная мастерская?

— Постоянный дворъ, это точно, отвѣтилъ испуганный портной.

— Тогда убирайся къ чорту! Я буду сидѣть здѣсь, сколько захочу. Подбери черепки. Попечительства о бѣдныхъ я не стѣсню. Я тоже хочу быть на аукціонѣ! Полагаю, что я имѣю на это право?

— Разумѣется, подтвердилъ Дроздъ, сердито взглянувъ на хозяина. — Аукціонъ долженъ происходить публично, такъ предписано закономъ.

Беликанъ уже опять былъ въ хорошемъ расположеніи духа и смѣялся, такъ что бѣлые зубы его сверкали.

Въ это время бѣдные, состоящіе подъ покровительствомъ общества, спотыкаясь о порогъ, входили въ избу, предшествуемые старостой. Тутъ были дряхлые, безсильные старики съ посохами въ рукахъ, сторбившіеся въ борьбѣ за существованіе, бездомные бѣдняки, не имѣющіе иной защиты, кромѣ той, какую могло оказать имъ попечительство. Были маленькія дѣти, подростки-мальчишки и дѣвочки, оставшіяся безъ помощи и призора на свѣтѣ. Всѣ они должны были перейти съ аукціона къ тому, кто брался прокормить и одѣть ихъ за самую низкую плату отъ общества.

Здѣсь между мальчиками стоялъ также и тотъ, съ ясными глазами, котораго хозяинъ постоялаго двора постоянно высылалъ изъ избы.

Силачъ Матти, удалившійся съ товарищемъ въ уголь избы, обратилъ вниманіе на мальчугана. Кіискиля не спускалъ съ него пристального взгляда до тѣхъ поръ, пока ему, растроганному и умиленному подъ вліяніемъ хмѣля, не показались знакомыми эти глаза. Вѣдь это былъ вылитый его сынъ Эрикъ, который четыре года тому назадъ, когда Матти сплавлялъ большой транспортъ лѣса внизъ по

рѣкъ Пиелись, упалъ между бревенъ и былъ унесенъ теченіемъ въ пѣнящіеся пороги.

— Послушай, Яковъ, сказалъ онъ, наконецъ, запинаясь и видимо тронутый. — Ты видишь вонъ того мальчугана... съ его глазами?

— Разумѣется, вижу. Онъ навѣрно господскаго рода— такая нѣжная бѣлая кожа и такіе темные глаза не напоминаютъ мужицкой крови.

— Я думаю, не пригодился ли бы онъ тамъ, въ лѣсу, если состоится торгъ между Вейкколиномъ и мною.

— Что ему тамъ дѣлать?

— Носить пищу рабочимъ, приглядывать за лошадьми во время обѣда, а потомъ служить конгой на плоту при сплавѣ лѣса.

— Онъ мнѣ кажется слишкомъ слабымъ для такой работы... Но, можетъ быть все-таки, если ты будешь одѣвать и кормить его хорошо... Однако, что скажетъ твоя жена? Она будетъ не совсѣмъ-то довольна, когда ты возьмешь парня безъ ея вѣдома.

— Гмъ, задумавшись, бормоталъ великанъ. Замѣчаніе было справедливо. Онъ почесалъ затылокъ, сосредоточенно сплюнулъ и, повидимому, боролся самъ съ собою.

— Чей бы могъ быть этотъ мальчикъ? Не пойдетъ ли и онъ также съ аукціона?

— Не знаю, но можно у него спросить.

Дроздъ поманилъ къ себѣ ребенка; тотъ, краснѣя и колеблясь, откидывая движеніемъ головы свои длинные волосы съ лица, пошелъ въ ту часть избы, гдѣ сидѣли гости.

— Ты тоже пойдешь сегодня съ аукціона?

— Да, какъ же, надо думать, пойду.

— Тебѣ хорошо тамъ, гдѣ ты былъ до сихъ поръ?

— О, нѣтъ, несмѣло отвѣтилъ мальчикъ.

— Что ты дѣлалъ у этихъ людей?

— Няньчилъ ребятъ.

Въ это время хозяинъ двора, тревожно прислушивавшійся къ разговору, протискался между толпой бѣдняковъ. Онъ прикидывался равнодушнымъ, но не могъ скрыть передъ старымъ солдатомъ своего волненія.

— Силачу Матти не слѣдуетъ обращать вниманія на этого болвана. Онъ ничего не стоитъ. Смотрите, какъ по-

каты его плечи, грудь у него точно у цыпленка, и какъ онъ рветъ одежду—это просто изъ рукъ вонъ. Работать онъ не можетъ да и умомъ слабъ...

— Покатыя плечи, да, это такъ, но тамъ, гдѣ онъ былъ, ему вѣроятно приходилось таскать на рукахъ всѣхъ ребятъ поочереди, а этого немало для такого заморыша, какъ онъ. Да видно и плохо кормили парня, прибавилъ Кискиля, наивно взглядывая на портнаго. — Пощупайте его руки, точно палочки, настоящія дрянныя спички...

Хозяинъ сдерживалъ свою досаду, но жена его испортила все дѣло, горячо перебивъ Матти:

— Дурно кормленъ — благодарю покорно. Я вызову васъ въ судъ за клевету. Дурно кормленъ, когда онъ находился у меня самой и ѣлъ съ нами заодно...

— Ха, ха, вотъ оно что, г-нъ портной! а я совѣмъ и не зналъ. Вотъ какъ! Значить, онъ ни къ чему не годенъ? Ну, тогда я возьму его, и вы избавитесь отъ бездѣльника, заключилъ великанъ.

Лучъ радости блеснулъ во взглядѣ ребенка при этихъ словахъ, что не ускользнуло даже отъ посоловѣлыхъ глазъ Силача Матти.

— Вотъ что, вы хотите взять его! Здѣсь никого не берутъ, здѣсь предлагаютъ за деньги, и я намѣренъ оставить за собой мальчишку, возразилъ разсерженный хозяинъ.

— Слушай, Яковъ, сказалъ Матти, не обращая вниманія на портнаго. — Мнѣ нуженъ ктонибудь, кто могъ бы вести записи рабочихъ дней, я плохъ въ писаньѣ, и еслибы мальчуганъ умѣлъ писать...

— Я умѣю какъ писать, такъ и считать! горячо перебилъ его мальчикъ.

На этотъ разъ портной не выдержалъ:

— Писать! да, ты умѣешь писать! какъ ворона умѣешь ты писать! Убирайся вонъ отсюда! Я покажу тебѣ какъ разговаривать со старшими... И онъ поднялъ руку, чтобы ударить мальчика, но Матти схватилъ кулакъ портнаго такъ, что суставы затрепали и ихъ обладатель поблѣднѣлъ отъ боли.

Непріязненныя дѣйствія обоихъ противниковъ должны были прекратиться на этомъ, такъ какъ въ эту минуту члены попечительства о бѣдныхъ входили въ дверь. Во главѣ ихъ шелъ пасторъ.

— Смирно! сказалъ Яковъ Дроздъ, всталъ и отдалъ честь пастору. Кискиля также поднялся съ почитательнымъ поклономъ. Оба отошли въ дальній уголь избы.

Предсѣдатель попечительства, сельскій торговецъ и нѣсколько выборныхъ членовъ прихода приблизились и заняли мѣста у стола, гдѣ только что сидѣли Матти съ его товарищами. Большая кипа бумагъ и протоколовъ была положена на столѣ. Предсѣдатель сталъ перелистывать списки, перешептываясь съ пасторомъ, и вслѣдъ затѣмъ начался аукціонъ. Староста держалъ молотокъ.

Торгъ начался со старой Лены; за нее пришлось заплатить дорого, такъ какъ она больше не могла попрежнему приглядывать за деревенскими ребятишками.

Еще дороже обошелся одинъ старый сапожникъ, потому что старуха все-таки можетъ пригодиться въ хозяйствѣ, тогда какъ старикъ только и способенъ на то, чтобы нюхать и курить табакъ.

Такъ шли съ молотка большіе и малые, одинъ за другимъ; цѣны были въ общемъ ниже прошлогоднихъ. Пасторъ старался по возможности устроить такимъ образомъ, чтобы каждый бѣднякъ оставался тамъ, гдѣ ему было хорошо.

Теперь дошла очередь до мальчика съ ясными глазами. Онъ бросилъ умоляющій взглядъ въ тотъ уголь, гдѣ сидѣлъ Силачъ Матти. Увы! тотъ заснулъ и опустилъ голову, рискуя свихнуть себѣ затылокъ. Староста сталъ выкликать: сколько за него просить? Хозяинъ постоялаго двора объявилъ свою цѣну тихимъ голосомъ, чтобы не разбудить соперника.

— Первый разъ 60 марокъ. Не предлагаетъ ли кто меньше? Второй разъ 60 марокъ... Третій разъ... Онъ высилъ голосъ и на минуту остановился.

Портной былъ какъ на иголкахъ.

Отъ наступившей тишины Матти проснулся, осмотрѣлся кругомъ и поглядѣлъ на мальчика, который стоялъ впереди всѣхъ, блѣдный и взволнованный.

— Мальчика вонъ тамъ, сказалъ Силачъ съ просонокъ, быстро шагая по полу, такъ что половицы заходили ходуномъ, — беру я даромъ. Ударьте по столу, староста, слышите, даромъ — третій разъ.

— Даромъ! закричалъ хозяинъ. — Онъ съ ума сошелъ, онъ пьянъ; я держалъ мальчишку два года, позволялъ ему ходить въ школу, кормилъ и одѣвалъ его и... и...

— Молчи, хозяинъ! сказалъ пасторъ. — О пищѣ и одеждѣ я не хочу спорить съ тобой: они оплачены и могли бы быть лучше, но, что касается школы, то не я ли заставлялъ тебя насильно посылать туда мальчика? И, обращаясь къ великану, онъ прибавилъ съ улыбкой:— Что будетъ Матти Кіискиля дѣлать съ мальчуганомъ? У тебя своихъ дѣтей довольно. А на зиму ты переселишься въ дремучій лѣсъ, слѣлаешься гостемъ медвѣдя и товарищемъ волка.

Матти стоялъ у стола съ гордой осанкой.

— Развѣ онъ не пригодится на чтонибудь? Онъ, какъ говорятъ, умѣетъ писать и считать.

Въ этотъ моментъ взглядъ его упалъ на хозяина, который остановился, изображая изъ себя вопросительный знакъ.

— Хозяинъ не долженъ говорить, что я пьянъ, когда я пилъ его же собственный ромъ. Я немного навеселѣ—это такъ, но, впрочемъ, староста и Яковъ Дровдъ поручатся за меня, не такъ ли?

— Разумѣется, подтвердили оба.

Дѣло было рѣшено; никакія возраженія не принимались больше.

Было около 8-ми часовъ, когда Матти Кіискиля, пошатываясь, шелъ домой въ осенней темнотѣ. За нимъ поспѣвалъ вновь приобрѣтенный имъ мальчуганъ, который, не долго думая, покинулъ домъ портнаго. Матти пришло теперь на умъ, что онъ, пожалуй, слѣлалъ глупость, хотя и не могъ дать себѣ отчета—въ чемъ она состояла. Что жена его приметъ къ сердцу это дѣло, и станетъ высчитывать во что обойдется имъ мальчишка и чего онъ стоитъ самъ—въ этомъ онъ ни на минуту не сомнѣвался, слѣпо довѣряя ея свѣтлой головѣ. Что если она уже легла? Но едва ли можно было на это рассчитывать. И, какъ провинившійся школьникъ, плелся Матти во-свои. Разумѣется, онъ не боялся жены, но все-таки ему было жутко. Наконецъ онъ дошелъ до своей избы, осторожно отворилъ дверь, согнулся въ дугу и вошелъ. Тутъ Силачъ съ облегченіемъ перевелъ духъ: жены не было дома, часъ отчета былъ отсроченъ.

— Вотъ такъ, ложись теперь, лѣзь вонъ туда и засни какъ можно скорѣе.

Десять минутъ спустя мальчикъ лежалъ на скамьѣ на

бараньемъ тулутъ, погружившись въ сладкій сонъ. Теперь отъ него были далеко всѣ грязныя ребятишки портнаго, крикъ и скрипѣніе люльки замолели, онъ могъ спокойно проспять цѣлую ночь. Скучная жизнь у верстака портнаго, съ иглой и воскомъ, съ нитками и ножницами, теперь больше не вернется. Онъ мечталъ о лучшихъ временахъ, видѣлъ зарю новаго дня, съ здоровою жизнью въ вольномъ лѣсу. Тамъ онъ будетъ рядомъ съ силачомъ Матти — не имѣвшимъ равнаго себѣ по силѣ во всемъ округѣ — ставить капканы лисицамъ и силки куропаткамъ, бѣгать на лыжахъ и бороться за медвѣжью шубу и волчью шкуру, такъ что бѣлый свѣтъ полетитъ вверхъ изъ-подъ темныхъ сосенъ.

VI

Силачъ Матти сидѣлъ у стола въ своей избѣ, погруженный въ думы. Что онъ надѣлалъ? Боже мой, что онъ отвѣтитъ женѣ, когда она спроситъ его — зачѣмъ онъ продалъ лѣсъ и увеличилъ семью еще однимъ ртомъ? Но съ чего она начнетъ? Еслибы только онъ могъ угадать, тогда...

Пока Матти ломалъ такимъ образомъ свою большую отуманенную голову надъ этими критическими вопросами и придумывалъ подходящіе отвѣты, жена его Марія бодро и увѣренно вошла въ избу. Это была хорошо сложенная женщина съ голубыми глазами и симпатичной наружности, говорившая пріятнымъ низкимъ голосомъ. Внимательно взглянувъ на мужа, она сказала: — Добрый вечеръ; однако ты долго замѣшкался на аукціонѣ. Затѣмъ хозяйка молча отошла къ очагу и принялась за свое дѣло.

Марія въ своей жизни прошла сквозь огонь и воду, испытала дурное и хорошее, несчастье и удачу и, казалось, также легко перенесла то и другое, какъ одинаково легко перелетаетъ ласточка черезъ блестящее озеро или черезъ вонючій прудъ. Родившись на островѣ Гохландѣ, въ очень бѣдной семьѣ рыбака, она двѣнадцати лѣтъ была взята въ домъ зажиточнаго корабельнаго капитана, который носилъ обыкновенное въ Ведерлакѣ, но для моряка совсѣмъ не подходящее имя »Kuckling« *). Въ началѣ хорошенкій ребенокъ, послѣ собаки и кошки,

*) Цыпленокъ.

былъ любимой игрушкой бездѣтныхъ господъ. У нихъ дѣвочка научилась всему, что было излишнимъ въ ея положеніи. Она выросла и стала красивой дѣвушкой съ острымъ умомъ, съ золотыми руками, трудолюбивой, расторопной и поддерживала добрый порядокъ во всемъ, что ей поручали.

Въ одинъ прекрасный день капитанша, бывшая, впрочемъ, на десять лѣтъ старше мужа, отошла въ вѣчность, и тогда Марія, двадцатилѣтняя дѣвушка, стала полной владычицей въ домѣ, управляла кладовыми и погребами, и, къ большому неудовольствію наслѣдниковъ, также и самимъ капитаномъ, управляла съ неограниченной властью, но зато безукоризненно. Капитанъ не разъ предлагалъ ей руку и сердце, однако Марія всегда уклонялась отъ рѣшительнаго отвѣта. Такъ проходили годъ за годомъ, не смотря на усердныя любовныя объясненія капитана Чюклинга и шлетни сосѣдей.

Послѣ того, какъ дѣвушка стала хозяйкой въ домѣ воспитателя, она сняла съ себя платокъ и передникъ, нарядилась въ шляпу и держала себя какъ будто всю жизнь принадлежала къ тому классу общества, куда попала такъ нечаянно. Однимъ словомъ, ей жилось, какъ рыбѣ въ водѣ. Съ каждымъ днемъ она хорошѣла, цвѣтъ лица ея сталъ молочнобѣлымъ, а щеки цвѣли, какъ розы.

Года два продолжалась это счастливое время, пока одинъ печальный случай не положилъ ей конецъ. У Чюклинга былъ хорошій пріятель, тоже корабельный капитанъ, который въ одинъ прекрасный осенній день вернулся на своей маленькой грязной баркѣ »Тойво« изъ поѣздки въ Кальяри съ грузомъ соли. Онъ бросилъ якорь на фридрихсгамскомъ рейдѣ. Капитанъ привезъ съ собою коричневую малагу, желтый хересъ и кровавокрасный портвейнъ разныхъ сортовъ и пригласилъ пріятеля на свое судно пробовать вино. Чюклингъ такъ основательно выполнилъ эту задачу, что по дорогѣ домой опрокинулся вмѣстѣ съ лодкой и навѣки исчезъ въ волнахъ.

Никакого завѣщанія послѣ него не оказалось, и наслѣдники наложили руку на все имущество. Теперь пришлось отдавать имъ отчетъ, но Марія и тутъ не растерялась. Она сняла съ себя шляпу и длинныя платья, снова облеклась въ платокъ и крестьянскую одежду, безропотно по-

коряясь ударами судьбы. Такъ какъ ей были извѣстны всѣ дѣла капитана, стоимость акцій и каждой вещи въ домѣ и она же вела книги умершаго, то она смогла точно и добросовѣстно дать всѣ свѣдѣнія насчетъ его имущества. Опекуны и наслѣдники, которые ожидали совсѣмъ иного отношенія съ ея стороны, могли только удивляться и, понятно, желали доказать свою благодарность.

Она, между тѣмъ, ничего не требовала для себя: такою же бѣдною, какъ пришла въ домъ, дѣвушка была готова и покинуть его. Наслѣдники, добродушные и щедрые, какъ большинство внезапно разбогатѣвшихъ людей, были обезоружены и дали ей порядочный кушъ.

Она получила нѣсколько тысячъ марокъ и три или четыре предложенія выйти замужъ; деньги она приняла, но предложенія отвергла.

Эти нѣсколько тысячъ марокъ, знаніе шведскаго языка и титулъ «мадамъ» было все, что приобрѣла Марія за это время. Теперь она искала себѣ мѣста въ большихъ дворянскихъ имѣніяхъ и на лѣсопильныхъ заводахъ около рѣки Кюмени. Тамъ она въ первый разъ увидѣла Матти Кискиля, состоявшаго уже тогда на службѣ у Влуме. Гигантъ съ виду и проворный какъ бѣлка, онъ балансировалъ на бревнахъ, сплавляемыхъ по рѣкѣ, махалъ фуражкою деревенской молодежи, кричалъ «ура» и свое «аптакаа шеннѣ ваапъ *), когда летѣлъ мимо скалистыхъ береговъ. Смѣлый, неустрашимый и увѣренный въ себѣ, прыгалъ онъ по катящимся бревнамъ, стоялъ то среди пороговъ, причемъ бѣлая пѣна высоко клубилась у его ногъ, то на береговыхъ утесахъ. Часто слѣдили за нимъ восхищенные взоры Маріи. Отъ восхищенія до любви очень недалеко, и въ одинъ прекрасный день они обвѣнчались и переселились въ Карелию, гдѣ послѣ смерти бѣдѣтнаго брата Матти получили въ наслѣдство небольшую усадьбу, которая переходила изъ рода въ родъ въ семействѣ Кискиля.

Люди очень удивлялись выбору Маріи, но у женщинъ всегда свои особенныя понятія, и, Богъ знаетъ, можетъ быть пѣна, которою пороги окутывали гигантскую фигуру Матти, пробуждала въ ней неясныя представленія изъ поэтическаго міра ея дѣтскихъ лѣтъ, воспоминанія о по-

*) Только держись.

крытыхъ пѣною утесахъ Гохланда, о родномъ домѣ среди открытаго моря. Или, можетъ быть, она инстинктивно чувствовала, что, выйдя замужъ за Матти, найдетъ возможность безъ помѣхи примѣнять къ дѣлу свои богатыя способности, свой талантъ управлять и устроивать, господствовать и царствовать.

Между тѣмъ какъ Матти за восемьдесятъ марокъ въ мѣсяцъ сплавлялъ въ лѣтнюю пору бревна для фирмы Блуме, а зимою наблюдалъ за рубкою ихъ лѣса, Марія вела сельское хозяйство.

Такимъ образомъ устроилась она въ Карелии и была здѣсь единственной »мадамъ« и, за исключеніемъ своей дочери и семейства пастора, единственной говорящей по шведски во всемъ округѣ. У нихъ было трое дѣтей: сынъ Эрикъ, который четыре года назадъ погибъ въ порогахъ, болѣзненная, но рано развившаяся дочь Элли и мальчикъ Анти.

Марія молча ходила взадъ и впередъ по комнатѣ и собирала ужинъ. Еслибы она сказала что нибудь, еслибы хоть выругалась хорошенько, чего за ней, впрочемъ, никогда не водилось, все это было бы сносно для Матти, чѣмъ это молчаніе. Оно мучило его какъ кошмаръ, сдавливало ему горло, такъ что онъ не могъ вымолвить ни слова.

Наконецъ, ужинъ былъ поданъ, и только теперь Марія удостоила начать разговоръ.

— Ну что, ты продалъ лѣсъ?

— Да, продалъ.

— А получилъ за него хорошую цѣну?

— Неужели же нѣтъ? Ты знаешь, что Блуме отказался отъ покупки въ послѣднюю минуту. Цѣны на лѣсъ опять падаютъ, какъ слышно. Однако, полагаю, мнѣ придется получить во всякомъ случаѣ не меньше тысячи марокъ.

— Ну, это, можетъ быть, еще не такъ худо, но зато ты сдѣлалъ большую глупость.

Матти жевалъ и глоталъ, не будучи въ состояніи вымолвить ни слова.

— Что за птицу удалось тебѣ поймать? Какъ зовутъ мальчишку?

— Гмъ, сказалъ Матти съ удивленіемъ. Онъ всегда принималъ такой тонъ, когда жена такъ свысока обращалась съ нимъ.—Какъ его зовутъ? Кто можетъ помнить, какъ зовутъ всѣхъ мальчишекъ на свѣтѣ?

— А я вотъ знаю, его зовуть Бергилинъ.

— Еще что? Да вѣдь это совсѣмъ господское имя.

— Но чей же этотъ мальчишка, наконецъ?

— Чей! чей же онъ можетъ быть—мой, твой...

— Нѣтъ, покорно благодарю, моимъ и твоимъ онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть. У насъ дѣтей довольно. Ты не знаешь, мать его утопилась девять—десять лѣтъ тому назадъ.

— Господи, помилуй насъ! воскликнуть великанъ,— бѣдная женщина! что съ ней сдѣлалось?

— Она, должно быть, не была замужемъ, находилась въ крайней нуждѣ и вотъ...

— Чего только не приходится слышать! Но не въ томъ суть... И какъ ты узнала объ этомъ? Ты вѣдь оставишь мальчугана у себя?

— Бесплатно? Нѣтъ, спасибо... Завтра ты пойдешь съ нимъ въ попечительство и скажешь: благодарю покорно, но для насъ онъ не годится.

Матти плюнулъ и почесалъ въ головѣ. Дѣло принимало скверный оборотъ. И съ какой стати, чортъ возьми, нужно было ему брать на себя эту обузу, совсѣмъ незнакомаго ребенка? Неужели онъ долженъ теперь признаться хозяину постоялаго двора, что поступилъ какъ дуракъ? Нѣтъ, ни за что! Онъ только что успѣлъ вымолвить кроткимъ тономъ: — ну, едва ли можно такъ поступить, какъ дверь отворилась, и Вейкколинъ вошелъ въ избу.

Лицо жены нахмурилось, умные голубые глаза ея стали метать молніи, маленькая фигурка выпрямилась.

Вопреки обычаю простонародья при входѣ гостя соблюдать болѣе или менѣе продолжительное, учтивое молчаніе, она заговорила рѣзко и отрывисто:

— Чего вамъ надо? Кажется, довольно выпили сегодня.

— Да, ховайка, ваша правда, дѣйствительно довольно и даже слишкомъ, отвѣчалъ Вейкколинъ, смѣло и не стѣсняясь входя въ комнату.— Впрочемъ прошу прощенья, что я пришелъ такъ поздно, въ половинѣ девятого вечера, но у меня важное дѣло, которое не терпитъ отлагательствъ, и я долженъ уѣхать, самое позднее, завтра вечеромъ. Миѣ поручено купить нѣсколько десятковъ тысячъ кубическиххъ футъ бревенъ, которыя казна продаетъ въ деревнѣ Раккола, и я поѣду туда.

— Какое же это дѣло?

— Развѣ вашъ мужъ не говорилъ вамъ, что я хотѣлъ бы купить вашу усадьбу?

— Какъ! нашъ участокъ здѣсь, въ деревнѣ? Нѣтъ, этого онъ не говорилъ.

— Вотъ какъ, а онъ обѣщалъ мнѣ переговорить съ вами о томъ, и я очень желалъ бы получить отвѣтъ завтра поутру.

Вейкколинь набилъ трубку, взялъ прямо голой рукой уголь съ очага, закурилъ, присѣлъ къ столу и началъ обсуждать дѣло со всѣхъ сторонъ. Марія внимательно слушала, задавала вопросы, рассчитывала, взвѣшивала всѣ шансы за и противъ, всѣ выгоды и невыгоды этой продажи. Вейкколинь вскорѣ съ удивленіемъ и восхищеніемъ замѣтилъ ясность ума и дѣловитость, которыми отличалась Марія. Здѣсь, повидимому, было лучше всего дѣйствовать открыто, на сколько позволяли обстоятельства, иначе она почуветъ неладное, и дѣло не состоится. Въ своемъ восхищеніи проникательностью «мадамъ», барышникъ обѣими руками ударилъ по колѣнямъ и подумалъ про себя, что ему надо бы именно такую жену. Еслибы я зналъ, что хозяйка такъ хорошо знаетъ толкъ въ дѣлахъ, то, разумѣется, не сталъ бы напрасно тратить время въ кабакѣ. И Вейкколинь изложилъ дѣло въ заманчивыхъ краскахъ, представивъ всѣ выгоды продажи.

— Имѣніе оцѣнено въ шесть тысячъ восемьсотъ марокъ; я даю тысячей больше, если дѣло состоится скоро. Вонъ тамъ, на порогахъ сосѣда, я построю лѣсопильный заводъ, а Матти останется жить здѣсь, въ этой же избѣ, и будетъ завѣдывать заводомъ всю свою жизнь, закончилъ Вейкколинь свою рѣчь.

Мадамъ посмотрѣла на мужа, но Матти ничего не могъ возразить.

— Вотъ, видите ли, сказала она, колеблясь, — дѣло въ томъ, что ему немного трудно справляться съ цифрами, съ записью рабочихъ и тому подобнымъ, такъ что я не знаю — можетъ ли онъ исполнять предложенную вами должность.

— А вы-то на что? Я увѣренъ, что вы читаете какъ пасторъ и пишете какъ исправникъ, замѣтилъ Вейкколинь. — Кромѣ того, прибавилъ онъ, — если вы сами не успѣете справиться съ дѣлами, то вотъ этотъ мальчуганъ, котораго Матти приобрѣлъ сегодня, долженъ быть ходячими счетами.

— Слушай, Матти, сказала Марія,—ты, вѣроятно, уже знакомъ теперь съ этимъ дѣломъ?

— Да, какже, знакомъ, отвѣтилъ тотъ.

— Ну, такъ слушай: тебѣ навѣрно сегодня пошло больше, чѣмъ слѣдуетъ; иди и ложись спать, а я переговорю съ Вейкколиномъ, выслушаю его предложенія, а завтра ты можешь самъ порѣшить какъ найдешь для себя лучше.

И Матти ретировался съ честью. Во всякомъ случаѣ вѣдь самъ онъ будетъ окончательно рѣшать дѣло.

— Только я скажу одно, прибавилъ онъ,—что не уйду отъ Блуме, пока послѣднее бревно не будетъ сплавлено въ Суйккила.

— Хорошо, значить дѣло рѣшено, сказала Вейкколинъ, и его голосъ задрожалъ отъ волненія.

— Да, разумѣется, если Матти...

— Матти! Вейкколинъ насмѣшливо улыбнулся.—Матти, да, разумѣется, да!.. Впрочемъ все это дѣло надо намъ изложить на бумагѣ и потомъ написать контрактъ на все, на лѣсъ и усадьбу вмѣстѣ.

Начался обоюдный торгъ, который продолжался цѣлые часы. Вейкколинъ предлагалъ семь тысячъ восемьсотъ марокъ за все, изъ нихъ триста марокъ чистыми деньгами. Остальная сумма должна оставаться у Блуме еще на мѣсяцъ за пять процентовъ.

— Нѣтъ, вся сумма должна быть чистыми деньгами, сказала хозяйка.

— Примите въ резонъ, мадамъ; спросите у Матти, онъ самъ слышалъ, какой срокъ былъ назначенъ молодымъ Блуме для уплаты денегъ, и вотъ посмотрите—у меня есть сохранная расписка. Тутъ онъ вынулъ изъ бокового кармана написанную по нѣмецки сохранную квитанцію.

— Какъ было дѣло, Матти, ты слышалъ? спросила жена, обращаясь внутрь комнаты.—Я спрашиваю не потому, чтобы не вѣрила Вейкколину, прибавила она въ видѣ извиненія.

— Да, я слышалъ, подтвердилъ Матти торжественнымъ, хотя и соннымъ голосомъ.—Деньги будутъ выданы изъ конторы завода въ Суйккила, это совершенно вѣрно.

Но осторожная Марія сдалась не такъ-то легко, она предложила одинъ вопросъ, который еще болѣе увеличилъ

восхищеніе Вейкколина и вмѣстѣ съ тѣмъ удивилъ его и встревожилъ:

— А Вы, Вейкколинъ, вполне увѣрены, что деньги надежны у Блуме?

Матти, все еще сидѣвшій на краю кровати, первый разъ въ жизни почувствовалъ себя неловко изъ-за жены.

Вейкколинъ бросилъ на хозяйку быстрый взглядъ, слегка перемѣнился въ лицѣ и сказалъ:

— Въ безопасности у Блуме? Она еще спрашиваетъ!

Мадамъ слегка покраснѣла. — Да, что же тутъ удивительнаго? И прежде такія вещи случались на бѣломъ свѣтѣ, замѣтила она.

Вейкколинъ считалъ теперь это дѣло почти поконченнымъ. Онъ медленно поднялся, простился съ хозяйкой рукопожатіемъ и вышелъ. На слѣдующій день барышникъ общалъ придти снова, чтобы составить и подписать контрактъ.

Одно неизгладимое впечатлѣніе вынесъ изъ всего происшедшаго Вейкколинъ — это искреннее восхищеніе женою Матти. Она безспорно была самая умная, толковая и проныцательная женщина, какую онъ когда либо встрѣчалъ. Уже одинъ вопросъ о томъ — надеженъ ли Блуме — доказывалъ высокую степень ума и критическаго сужденія, и ко всему еще это трудолюбіе и эта наружность! Правда, она не была, какъ та, которую онъ оплакивалъ, но, Боже мой... именно такую жену, какъ Марія, и было ему нужно.

Было бы, дѣйствительно, жаль, еслибы изъ-за нея что нибудь случилось съ Блуме. Но, впрочемъ, онъ могъ легко ошибиться, какъ и Сергѣй Федоровичъ, и татаринъ. Всѣ эти толки о несостоятельности Блуме, пожалуй, только выдумки конкурентовъ фирмы. Въ концѣ концовъ, фирма Блуме навѣрно оправдаетъ свою старинную репутацію. Опасность, которая представлялась ему такой грозной, такой неминуемой, когда касалась его кармана, теперь какъ будто удалилась, исчезла, разсѣялась, какъ паръ изъ трубки парохода: съ шипѣніемъ и свистомъ вырывается онъ изъ глубины парового котла, грозя все сжечь и уничтожить на своемъ пути, но едва только поднимется въ голубую высь, какъ уже растаетъ, исчезнетъ, не оставивъ и слѣда. То же самое могло быть и съ этими слухами о несостоятельности Блуме.

VII

На другой день Вейкколинъ пришелъ съ Хультила, который, повидимому, еще не совсѣмъ выспался и не успѣлъ придти въ себя. Барышникъ привелъ съ собою еще одного свидѣтеля для окончательной сдѣлки съ Матти.

Марія, тѣмъ временемъ, прибрала избу и поставила на огонь кофейникъ, который уже дымился и кипѣлъ. Сама она, серьезная и вмѣстѣ съ тѣмъ кроткая, ходила взадъ и впередъ, занятая приготовленіемъ завтрака. Дочь Элли, маленькое худенькое существо, съ необыкновенно выразительнымъ лицомъ, суетливо бѣгала изъ избы въ кладовую и обратно. Матти сидѣлъ у стола на почетномъ мѣстѣ съ разложенными передъ нимъ планами, купчими, протоколами, рѣшеніями суда и т. д. и былъ погруженъ въ глубокое раздумье. Около него сидѣлъ пріятель Яковъ Дроздь.

Вейкколинъ со своими помощниками вошли въ избу, и, пока они здоровались съ хозяиномъ и хозяйкой, большая меделянская собака Халли, съ загнутымъ вверхъ хвостомъ, усердно обнюхивала ихъ. Всѣ сѣли къ столу, пили кофе и, какъ приличіе того требовало, вели сначала бесѣду не о томъ, что лежало у всѣхъ на сердцѣ. Обмѣнявшись мнѣніями объ урожаѣ и рыбной ловлѣ, Вейкколинъ свелъ разговоръ на предполагаемую покупку. Дѣло это, впрочемъ, цѣлые мѣсяцы обсуждалось въ семьѣ, разбиралось, перетолковывалось и выхвалялось въ деревнѣ, такъ что не оставалось почти ничего новаго, что не было бы предусмотрено раньше, поэтому окончательное рѣшеніе заняло очень немного времени, и черезъ часъ все было покончено.

Вейкколинъ за семь тысячъ восемьсотъ марокъ получилъ въ свое владѣніе всю усадьбу съ лѣсомъ и посѣвами. Эта сумма оставалась у фирмы Блуме, исключая трехсотъ марокъ наличными деньгами. Матти съ семействомъ могъ пока жить въ своей старой избѣ. Въ этомъ заключались главныя условія контракта.

Хультила медленно читалъ купчую протяжнымъ и назидательнымъ тономъ, который до такой степени напомнилъ Матти о церкви и проповѣди, что онъ невольно сложилъ руки и началъ зѣвать.

— Гмъ, сказалъ онъ, когда чтеніе окончилось,— что за

удивительная вещь эти деньги! лежать онѣ теперь въ сундукѣ у Блуме.

— Да, это вѣрно, согласился Вейкколинъ.—И теперь вы заживете какъ господа, за квартиру платить не надо, кофе будете пить каждый день, пахать и сѣять тоже нѣтъ надобности, будете жить весело и беззаботно, какъ птицы небесныя въ лѣтнюю пору. Два раза въ годъ прилетятъ къ вамъ деньги изъ Выборга. — И самымъ вкрадчивымъ голосомъ онъ прибавилъ:—теперь только подпишите.

Матти взялъ перо, обмакнулъ въ чернильницу и такъ крѣпко сжалъ между пальцевъ, что ногти побѣлѣли, но только что онъ хотѣлъ подписать свое имя, единственное, что онъ умѣлъ нацарапать, какъ жена его вдругъ сказала:—Не все еще готово.

Вейкколинъ содрогнулся: неужели еще препятствіе!

— Что же еще? спросили онъ и Матти заразъ.

— Вотъ видите ли въ чемъ дѣло, Вейкколинъ, начала мадамъ,—у Матти есть прабабка; она такъ стара, что никто не помнитъ, когда она родилась, навѣрное ей больше ста лѣтъ. У ней есть доля въ усадьбѣ. При всѣхъ сдѣлкахъ право ея соблюдалось и теперь слѣдуетъ вспомнить о ней. Она живетъ вонъ тамъ за лугомъ, въ старой банѣ, ветхой, какъ и она сама. Впрочемъ, бабушка еще довольно бодра для своихъ лѣтъ, ходитъ безъ посторонней помощи, сама прибираетъ у себя и помнитъ все, что произошло двадцать или тридцать лѣтъ тому назадъ. Надо сообщить старухѣ о продажѣ и о ней необходимо упомянуть въ условіи.

— Слушай, Элли, сходи къ старушонкѣ, вы вѣдь хорошіе друзья между собой, и спроси—не можетъ ли она придти сюда, или мы явимся къ ней для переговоровъ, если она позволить.

— Элли, живая какъ птичка, пошла къ старухѣ.

»Я думаю, лучше будетъ, если я сама расскажу ей въ чемъ дѣло«, разсудила дѣвушка про себя, »иначе она разсердится«.

Вейкколинъ опять сѣлъ и закурилъ трубку въ ожиданіи.

— Какъ зовутъ старуху? трудно поладить съ ней?

— Кайсу *) зовутъ ее; съ ней всегда трудно ладить.

*) Катерина.

она никого почти не выносить, кромѣ Элли. Ее она любить безмысленно, какъ собака своего щенка. Мнѣ это не нравится: она учитъ дѣвочку всѣмъ своимъ безбожнымъ заклинательнымъ рунамъ, расскажем о Вайнямейненѣ и тому подобному.

— Что она также ворожить?

— Да, она этимъ занимается; къ ней, въ ея баню, ходятъ по меньшей мѣрѣ изъ семи приходоу; она отчитываетъ разныя болѣзни. Но тише—вотъ онѣ идутъ.

Слышно было какъ посохъ старухи равномерно стучалъ по полу сѣней. Элли отворила дверь и поддержала дряхлую женщину, съ трудомъ перелѣзавшую черезъ высокій порогъ. Она шла сгорбившись, лицо ея было землистаго цвѣта, кожа на подбородкѣ висѣла безчисленными складками. Маленькіе слезящіеся глаза злобно смотрѣли кругомъ. Годы вытянули изъ нея всѣ соки, засушили весь мозгъ; казалось, только одна кожа покрывала этотъ костяной остовъ. Послѣднее время она мало говорила. Настоящаго она не понимала; въ ея иссохшемъ мозгу бродили полусознательныя мысли, неясныя представленія о той жизни, которая была прожита, прежде чѣмъ существующее поколѣніе явилось на свѣтъ.

Когда жена Матти и Элли объяснили ей въ чемъ дѣло, она пришла въ безмысленную и жестокою ярость. Этотъ гнѣвъ раздулъ въ пламя тѣ искры, которыя еще не угасли въ ней. Она открыла свой беззубый ротъ; изъ него точно толчками стали вылетать слова, полныя желчи и злобы, мысли, которыя успѣвали перепутываться и обрываться, прежде чѣмъ достигъ изъ глубины сердца и тайниковъ мозга до ея заплетающагося языка и дрожавшихъ губъ. Но когда гнѣвъ разогрѣлъ ея застывшее сердце, вмѣстѣ съ нимъ стали пробуждаться воспоминанія, и ея вначалѣ отрывистая несвязная рѣчь вылилась въ формѣ рунъ, слышанныхъ ею въ молодости, гдѣ всѣ слова, тѣсно связанные между собою, неразрывно слѣдовали одно за другимъ, какъ звенья одной цѣпи.

— Ты продалъ лѣсъ, сказала она, — ты продалъ, ты продалъ...

Свой оплотъ и щить надежный,
Крова вѣрную охрану.
Что намъ поле, лугъ и выгонъ,
Если лѣсъ у насъ отнимутъ?

Кто верно намъ золотое
 Сохранить въ зеленомъ стеблѣ,
 Защитить въ немъ силу жизни
 Отъ дыханья ледяного?
 Въ тайникахъ своихъ сокрытыхъ
 Лѣсъ тепло намъ сохраняетъ.
 Но когда морозъ отниметъ
 Жатву поля, пищу жизни,
 Кто намъ дастъ кору для хлѣба,
 Какъ не онъ, нашъ другъ, защитникъ,
 Лѣсъ сосновый, лѣсъ столѣтній?
 Выжигашь лѣсъ подъ поле
 И верно въ золу ты съешь.
 Лѣсъ очагъ твой согрѣваетъ,
 Бережетъ отъ зноя лѣтомъ,
 Отъ зимы жестокой стужи.
 И всѣ радости охоты
 Лѣсъ даетъ, когда на лыжахъ
 Ты стрѣлой за рысью мчишься
 Иль медвѣдя доловишь
 Подъ его вѣтвями ищешь.
 Если тетерева голосъ
 Самку манить токованьемъ,
 Ты его тамъ накрывашь.
 Пѣнья звуки слухъ ласкають,
 Лишь просветится мѣръ пернатый.
 Утоляютъ жажду лѣтомъ
 Ягодъ сладость, сокъ березы.
 И во время грозъ военныхъ
 Ты въ лѣсу пріютъ находишь.
 Онъ очагъ твой охраняетъ
 Отъ врага своимъ покровомъ.
 Безъ него, красы Суоми,
 Край въ пустыню обратится,
 Жить никто въ немъ не захочетъ.
 Кто продастъ свой лѣсъ родимый
 И срубить его позволить,
 Тотъ продастъ свое все счастье,
 Потеряетъ все богатство.

Она ударила посохомъ объ полъ, точно отмѣчая раз-
 мѣръ своей руны, чтобы хорошенько запечатлѣть ее въ
 памяти слушателей. Потеряетъ все богатство—все богат-
 ство. Но память столѣтней женщины измѣнила ей, когда
 руна окончилась. Слова поддерживали мысль, теперь мысли
 прекратились вмѣстѣ со словами и приемами. Старуха не
 понимала — зачѣмъ она стоитъ тутъ, какъ чужая между
 всѣми этими незнакомыми людьми, еще не родившимся въ
 то время, когда Кайсу была уже старой, отжившей жен-
 щиною; блуждающими глазами смотрѣла она вокругъ; вы-
 раженіе беспомощности и удивленія мелькнуло на ея смор-
 щенномъ лицѣ. Медленно повернулась она назадъ и, опи-

раясь на руку Элли, нетвердыми шагами пошла изъ избы. Когда старуха была уже у порога, какое-то смутное воспоминаніе о томъ, зачѣмъ она пришла сюда, какъ будто пробудилось въ ней; она обернулась и ударила съ силой костылемъ о порогъ. — Я никогда не уйду съ этого двора, никогда! проговорила она шипящимъ голосомъ.

— Этого никто и не требуетъ, нетерпѣливо возразилъ Вейкколинъ. — Бабушка Кайсу можетъ оставаться и жить здѣсь по старому, даю въ томъ свое честное слово.

Но Кайсу, казалось, не поняла того, что онъ говорилъ. — Никогда не уйду отсюда! повторила она еще разъ уже на дворѣ.

Матти, стоявшій позади стола во время всей этой сцены, съ глубокимъ уваженіемъ относившійся къ мудрости предковъ и съ неопредѣленнымъ страхомъ къ могуществу рунъ, содрогался, слушая рѣчи старухи. Потъ выступилъ у него на лбу, мучительная тоска охватила его, и онъ прошепталъ, обращаясь къ женѣ: — Пожалуй, старуха все-таки права.

Вейкколинъ, спокойный съ виду, сидѣлъ и покуривалъ свою трубку. Время отъ времени онъ, съ мѣткостью охотника на бѣлокъ, плевалъ въ отверстіе отъ выпавшаго сука въ полу, на разстояніи полторы сажени отъ него. Въ душѣ, однако, онъ былъ такъ же вволнованъ, какъ и Матти; нечистая совѣсть упрекала его, но онъ отлично понималъ опасность своего положенія. Одного взгляда на Матти было достаточно, чтобы показать ему, что все опять висѣло на волоскѣ. И, оставаясь сидѣть въ удобномъ для него положеніи, спиною къ свѣту, причемъ лица его нельзя было ясно разглядѣть, онъ сказалъ отрывисто и тономъ превосходства:

— Подумаешь, все бабьи сказки! Мы не такіе колпаки, чтобы эта бабья болтовня могла заставить насъ нарушить слово и обѣщаніе. Теперь, Матти, не идти ли намъ выпить по случаю сдѣлки? И онъ не торопясь сталъ собирать всѣ принадлежности: планы, купчія, трубку, фуражку и письменный приборъ.

— Ну, что, хотите вы подписать или не хотите? въ заключеніе спросилъ барышникъ равнодушнымъ тономъ.

Очень возможно, что Матти нарушилъ бы всю сдѣлку, еслибы жена сказала хоть одно слово. Но Марія, ненавидѣвшая старую «колдувью», какъ она называла бабушку,

осталась совершенно равнодушной при этой сценѣ; къ тому же она не вполне понимала смыслъ пѣсни и не имѣла поэтическихъ наклонностей, что очень часто случается съ тѣми, кому приходилось жить въ различныхъ экономическихъ условіяхъ жизни. Упрямство старухи только раздражало ее, и это раздраженіе вмѣстѣ съ тревожнымъ настроеніемъ мужа, которое она считала слабостью, заставило ее сказать:

— Вейкколинъ говоритъ, какъ мужчина.

Глаза Вейкколина свергнули; онъ посмотрѣлъ на красивую и еще молоджавую женщину. Ея мужество, ея толковость возбуждали въ немъ глубокое восхищеніе, вѣрнѣе имъ овладѣло такое чувство, при которомъ все, чтобы она ни сказала, было способно привести его въ восторгъ.

Матти подписалъ контрактъ, принялъ сохранную расписку, расписался въ полученіи всей суммы сполна, взявъ триста марокъ, и продажа совершилась. Но, однако, еще не совсѣмъ, такъ какъ въ этотъ моментъ вошелъ сынъ Матти Анти и съ нимъ Карло, приемышъ супруговъ Кискиля. Когда первый услышалъ о продажѣ, то разразился громкими рыданіями. Отецъ и мать могли продать, что имъ угодно, но Хурья была его лошадь, онъ получилъ ее отъ отца, когда былъ еще совсѣмъ крошечнымъ, и Хурья нельзя было продать, нѣтъ, никогда, ни за что на свѣтѣ!

Такъ сильна была печаль мальчика, такъ громки его протестъ и жалобы, что Вейкколинъ согласился, ради успокоенія ребенка, возвратитъ лошадь юному хозяину за небольшую сумму, которая тутъ же была и уплачена. Анти осушилъ свои слезы и, довольный, пошелъ въ конюшню, чтобы по обыкновенію, молча, провести время со своимъ четвероногимъ товарищемъ.

Теперь только продажа завершилась окончательно.

Когда Элли шла со старухой черезъ дворъ къ ея банѣ, сказательница рунъ внезапно остановилась.

— Слушай, Элли, какъ онъ назвалъ себя этотъ человекъ тамъ, въ избѣ?

— Вейкколинъ.

— Да, такъ, Вейкколинъ. При этомъ имени, казалось, въ ея застывшемъ мозгу возникали картины, имена и впечатлѣнія изъ давноминувшаго прошлаго. Старуха говорила

сама съ собою о какомъ-то желтоокрасномъ шелковомъ платкѣ, по временамъ упоминая фамилію Вейкколина. Должно быть она вызывала въ бабушкѣ какія-то воспоминія. Обернувшись вдругъ къ своей спутницѣ, Кайсу заговорила:

— Ты помнишь, Элли, какъ звали ту женщину, которую въ одинъ изъ послѣднихъ зимнихъ дней, когда на березѣ стали уже показываться почки и черная курица начала уже нестись, нашли вмѣстѣ съ ея мальчишкой лежащими вонъ тамъ, у проруби? Ее внесли ко мнѣ. Я читала надъ ней руны противъ холода и...

— Нѣтъ, бабушка, я никогда не слыхала объ этомъ.

— Неужели ты не помнишь? продолжала старуха. — Съ ней былъ трехлѣтній мальчикъ, съ которымъ послѣ было много хлопотъ; никто не хотѣлъ его взять, онъ былъ не здѣшняго прихода. Это случилось въ прошедшемъ году или, можетъ быть, еще раньше...

— Нѣтъ, бабушка, здѣсь у насъ никто не умиралъ, насколько я помню, отвѣтила дѣвушка. — Эрикъ вѣдь упалъ съ плота и утонулъ въ порогахъ.

Тутъ старуха увидала свинью, забравшуюся въ ея жилище. Она разсердилась, заковыляла къ двери, съ бранью и проклятіями размахивая своимъ костылемъ. Мимолетное видѣніе, возставшее въ ея памяти, вдругъ исчезло.

Когда Элли вернулась въ избу, Вейкколина тамъ уже не было.

VIII

Вейкколину казалось, какъ будто птичка трепетала у него въ груди, какъ въ тѣсной, маленькой клѣткѣ, гдѣ она не могла расправить своихъ крыльевъ и подняться на воздухъ съ радостнымъ, ликующимъ пѣніемъ. Онъ долженъ остаться наединѣ съ собой, чтобы, не стѣсняясь, выказать свою радость, открыть птичкѣ клѣтку. Онъ былъ спасенъ, спасенъ ото всѣхъ случайностей; въ большомъ крушеніи, если оно произойдетъ, Вейкколинъ вынырнетъ на поверхность. Да, кто знаетъ... И съ радостнымъ предчувствіемъ заглядывалъ онъ далеко въ будущее. Катастрофа можетъ быть причиною его счастья и успѣха. Когда все рухнетъ и распадется, будетъ легче захватить тотъ или другой ла-

комый кусокъ, чѣмъ теперь, пока фирма оставалась солидной и неуязвимой со всѣхъ сторонъ.

Барышникъ шелъ на постоянный дворъ, торопясь, на сколько находилъ это умѣстнымъ, еще разъ со вниманіемъ разсмотрѣлъ драгоцѣнную бумагу и тщательно провѣрилъ ее. Что если въ ней есть какая нибудь прорѣха? Но бумага оказывалась безукоризненной; сѣтъ была сплетена прочно; съ ея помощью онъ надѣялся, въ свое время, вытаскать добычу на берегъ.

Но къ его радости примѣшивалась капля горечи. Если что случится съ фирмой, все-таки жаль будетъ Матти или, вѣрнѣе, его жену. У этой женщины голова на своемъ мѣстѣ и къ тому же какъ хороша она собой! На ней я охотно бы женился. Вейкколинъ слегка покраснѣлъ и улыбнулся при этой мысли, но мечты о Маріи противъ воли не покидали его.

Такъ сидѣлъ онъ долго, погруженный въ свои думы. Наконецъ, овладѣвъ собою, покупательъ сложилъ свои бумаги и сталъ писать довѣренность на имя Хультила для предъявленія купчей къ утвержденію въ засѣданіе суда на будущей недѣлѣ.

Теперь настала для Вейкколина пора горячей работы; но это время труда и усилій должно было наконецъ привести его къ желанной цѣли. Онъ былъ въ постоянныхъ развѣздахъ между деревней Кіискиля и городами около озера Саймы. Онъ задумалъ большое предпріятіе, которое давно созрѣвало въ его мозгу: онъ хотѣлъ стать собственникомъ лѣсопильнаго завода. Дальше, на сѣверъ отъ Кіискиля, находились пороги и при нихъ старая, заброшенная мельница. За ничтожную цѣну приобрѣлъ онъ всю эту рухлядь. Сила и высота падевія воды и величина мельничныхъ колесъ нисколько не соответствовали жерновамъ и зданію, въ которомъ они помѣщались. Опытность Вейкколина и его практической умъ тотчасъ дали ему понять, что здѣсь онъ нашелъ превосходное мѣсто для лѣсопильнаго завода. И онъ построить его, и, благодаря этому, его бродяжнический, шаткій образъ жизни превратится въ осѣдлый, постоянный и прибыльный. Изъ лѣснаго барышника онъ долженъ стать хозяиномъ, заводчикомъ, дѣловымъ человѣкомъ въ полномъ, настоящемъ смыслѣ слова.

Съ упорною настойчивостью и при помощи опытнаго

строителя изъ старой строительной школы при дорожныхъ и водяныхъ сооруженiяхъ довелъ онъ дѣло до конца, и заводъ былъ вскорѣ открытъ. Понемногу онъ приобрѣлъ въ собственность почти всѣ лѣсные участки деревни; когда Матти Кiискиля продалъ свою усадьбу и въ деревнѣ стало извѣстнымъ, какую громадную сумму онъ получилъ за нее, крестьянами овладѣла манiя продажи. Теперь вошло въ моду и стало неопровержимой эквномической теорiей то мнѣнiе, что каждому собственнику въ Кiискиля выгоднѣе всего продать, по крайней мѣрѣ, свой лѣсъ и начать торговлю или, въ худшемъ случаѣ, положить деньги въ банкъ. а самому сдѣлаться рубщикомъ лѣса, плотовщикомъ или рабочимъ на лѣсопильномъ заводѣ. Къ счастью, времена были все еще плохiя, деревня стояла въ глуши или, такъ сказать, была пока еще не открыта, иначе не одинъ крестьянинъ постарался бы сбыть свой участокъ. Вейкколинь, между тѣмъ, понималъ на сколько выгодны были обстоятельства и зналъ, что ему дѣлать. Не спѣша и не настаивая, покупалъ онъ, что ему предлагали, предоставляя плодамъ созрѣвать и падать съ дерева, не прикасаясь къ нему. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ завладѣлъ всѣмъ, что только было возможно приобрести, прежде чѣмъ ктонибудь другой успѣлъ предупредить его въ этомъ благодатномъ краѣ, гдѣ каждый, казалось, старался помочь ему въ созиданiи его богатства — заманчивой цѣли всѣхъ его упованiй.

Когда денегъ не хватило, онъ вошелъ въ компанiю съ торговцемъ изъ одного города внутри страны. И въ скоромъ времени около пороговъ въ деревнѣ Кiискиля появилась новая изба. Въ ней компаньонъ его открылъ торговлю предметами необходимости въ сельскомъ быту и продажу пива. Все шло какъ по маслу. Деньги, которые онъ платилъ на заводъ и въ лѣсу, возвращались къ нему обратно за прилавкомъ и въ кабакѣ. На Вейкколина работала половина деревни, починала дороги и проѣзды для будущихъ транспортовъ лѣса, и еще въ ту же осень имъ предпринята была очистка рѣки, протекавшей между лѣсомъ и болотомъ.

Онъ думалъ обо всемъ, поспѣвалъ всюду, несмотря на то, что цѣлые часы проводилъ въ избѣ Матти, съ удивленiемъ и восхищенiемъ слѣдя глазами за его красивой женой, слушалъ ея умные совѣты, выпрашивалъ ее и съ плохо скрытой радостью находилъ въ этой твердой умной

женщинѣ родственную себѣ душу; она отзывалась на его рѣчи, придавала ясность его мыслямъ, возрождала новыя идеи въ его душѣ, поддерживала въ немъ мужество, когда онъ колебался, и, наконецъ, предостерегала его, если онъ становился слишкомъ смѣлымъ. Однимъ словомъ, онъ только теперь замѣтилъ, что понемногу сталъ забывать свою печаль, свое погибшее счастье и даже своего сына, а подъ конецъ долженъ былъ сознаться, что полюбилъ жену Матти.

Любовь своего рода болѣзнь, говорятъ философы, особенное патологическое состояніе души и тѣла. Она захватываетъ свою жертву, какъ ястребъ пыленка; ничто не въ состояніи излечить ее, кромѣ времени, да и то не всегда время можетъ служить радикальнымъ средствомъ. Поэты—пророки и проповѣдники истины—называютъ любовь цѣпью. Это такъ и есть на самомъ дѣлѣ. Въ любви одинъ непремѣнно рабъ, а другой—владыка; для многихъ она тяжелая цѣпь, а для сорокалѣтняго человѣка самая тяжелая изъ всѣхъ. Это испытывалъ и Вейкколинь. Какъ онъ ни боролся противъ страсти, его уносило точно могучей волной. Разумѣется, онъ не влюбился, какъ школьникъ, не увлекся мимолетными ощущеніями, онъ хорошо зналъ—чего хотѣлъ и добивался. Но чтобы дать это понять, чтобы выказать свои чувства, для этого требовалось немало мужества.

Если ясные глаза Маріи никогда не давали повода предполагать, что она догадывалась о томъ, что происходило въ его душѣ, зато пара другихъ глазъ со странной, почти наводящей ужасъ, пронизательностью наблюдала за нимъ. Это были глаза маленькой Элли.

Какъ сухоцвѣтъ на песчаной равнинѣ протягиваетъ къ солнцу свои хорошенькія розовыя цвѣточныя головки, тогда какъ стебель и листья остаются сухими и какъ будто увядшими, такъ и Элли при хрупкомъ, болѣзненномъ и слабо развитомъ тѣлѣ обладала пріятнымъ, выразительнымъ личикомъ съ большими задумчивыми глазами, которые напоминали мать своимъ теплымъ, сознательнымъ и умнымъ взглядомъ. Въ дѣтствѣ она годами не вставала съ постели. Болѣзнь, чтеніе, фантазіи и мечты, разговоры со старшими, въ особенности съ посвященной въ руны прабабкой, повлияли на раннее развитіе ея ума, и, будучи только пятнадцати лѣтъ, Элли знала и понимала гораздо болѣе всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ въ окрестности.

Однажды уѣздный докторъ посѣтилъ деревню. То былъ веселый и вѣсколько циничный господинъ, который привыкъ, сперва изъ своихъ книгъ, потомъ отъ крестьянъ, называть вещи ихъ настоящими именами. Онъ осмотрѣлъ Элли и, между прочимъ, сказалъ, что когда дѣвушка выйдетъ замужъ, то и поправится. Живая и впечатлительная, она сильно покраснѣла при этихъ словахъ. И со всѣмъ пристрастіемъ больнаго къ тому, что здорово, сильно и свѣжо, она ожидала теперь того, кто предложитъ ей руку и сердце.

Съ тѣхъ поръ, какъ у нихъ въ домѣ появился мальчикъ Карло со своими свѣжими розовыми щеками и быстрыми движеніями и взглянулъ на Элли, отъ этого взгляда кровь теплой струей прилила къ сердцу дѣвушки. Съ того дня она жила точно въ сказочной странѣ, гдѣ любовь была также естественна, какъ шумъ волнъ и пѣніе птицъ; съ того времени глаза ея приобрѣли болѣе глубокой блескъ, она какъ будто выросла, и ея маленькое хрупкое тѣло не казалось такимъ увядшимъ и жалкимъ, какъ прежде.

Маленькая Элли скорѣе догадывалась, чѣмъ знала, скорѣе чувствовала, чѣмъ понимала, что происходитъ въ душѣ Вейкколина. Она интересовалась этимъ изъ любопытства. Съ удивленіемъ и вниманіемъ бессознательно изучала она въ сорокалѣтнемъ человѣкѣ то, что затронуло и ея собственное юное сердце. Поэтому Вейкколинъ зналъ, что, разговаривая съ Маріей, стоило ему только возвысить голосъ, пошевелиться или спросить о чемъ нибудь хозяйку, какъ пара блестящихъ, открытыхъ глазъ устремлялась на него со страннымъ, вопросительнымъ выраженіемъ, которое при входѣ Карло превращалось вдругъ въ милую, женственно-нѣжную улыбку.

Однажды Вейкколинъ сидѣлъ, по обыкновенію, молча и задумчиво, въ избѣ. Онъ съ горечью размышлялъ о томъ, какъ несправедливо распоряжается судьба своими дарами. Вѣдь все было бы иначе, еслибы онъ, умѣвшій гораздо лучше цѣнить и понимать Марію, чѣмъ ея мужъ, могъ назвать ее своей женой. На сколько облегчилась бы его настоящая борьба, его усилія возвыситься, еслибы она была рядомъ съ нимъ. Онъ находился въ какомъ-то странномъ, двойственномъ настроеніи: счастье и недовольство, радость и тревога попеременно волновали его; имъ овладѣло чувство унынія и ненависти къ судьбѣ, которая такъ жестоко

играла имъ. Самаго ничтожнаго повода было бы теперь достаточно, чтобы лишить его самообладанія, вызвать наружу долго сдерживаемый потокъ вѣжности и теплоты, желаній и надеждъ.

Мысли Вейкколина были прерваны чистымъ спокойнымъ голосомъ хозяйки:

— Не хотите ли, Вейкколинъ, чашку кофе? спросила она.

— Да, позвольте, отвѣчалъ онъ съ такимъ жаромъ, какъ будто она предложила ему свои глаза.

Марія отлично понимала, что происходило съ нимъ, была польщена его поклоненіемъ и даже невольно поощряла гостя. Мало того, она мысленно сравнивала Матти и своего поклонника, причемъ сравненія эти не всегда были въ пользу мужа.

Между тѣмъ пылкій отвѣтъ и горячій взглядъ Вейкколина испугали Марію. Она стала бояться за себя и вдругъ многозначительно произнесла:

— Сегодня Матти вернется домой; онъ уѣхалъ въ Суйкила получить деньги отъ Блуме.

Это имя и слова Маріи отрезвили Вейкколина отъ его опьяненія. Значить, дѣло шло о деньгахъ; теперь выяснится—будетъ ли фирма въ состояніи уплатить по его сохранной распискѣ или нѣтъ. Однако почему бы ей и не выплатить? Правда, дѣла фирмы незавидны; въ этомъ онъ былъ теперь почти увѣренъ, но, во всякомъ случаѣ, какія нибудь 8000 марокъ...

— Слушайте, Марія, сказалъ онъ, — что будетъ дѣлать Матти съ такой уймай денегъ; не лучше ли ему одолжить ихъ мнѣ?

Прежде чѣмъ Марія успѣла отвѣтить, послышался чистый голосъ Элли, которая тѣмъ жалобнымъ тономъ, съ какимъ простой народъ читаетъ книги религіознаго содержания, произносила слѣдующій текстъ изъ библіи:

»Путру же написалъ Давидъ письмо къ Іоаву и послалъ его съ Урію. А въ письмѣ онъ написалъ: »поставьте Урію на мѣсто жестокаго сраженія, чтобы онъ былъ пораженъ и умеръ«. Іоавъ исполнилъ приказаніе, и когда Урія палъ, взялъ Давидъ Вирсавію въ домъ свой«.

Этотъ возмутительный рассказъ изъ ветхаго завѣта произвелъ замѣчательное дѣйствіе на Вейкколина. Его сердце

сильно забилося. На одну минуту его глаза встрѣтились съ глазами Маріи; онъ растерялся и рѣзко спросилъ:

— Что ты тамъ читаешь, Элли?

— Слово Божіе, отвѣтила дѣвушка наивно и сердечно.

— Слово Божіе, да, правда, это божественныя слова. Вейкколинъ отрывисто и злобно засмѣялся и взглянулъ на Марію, которая, какъ ему показалось, сильно покраснѣла. Онъ вдругъ поднялся, засунулъ трубку за голенище, забылъ свой кофе и ушелъ изъ избы, направляясь къ порогамъ, гдѣ кипѣла усиленная работа. Но съ этого дня онъ не могъ забыть злодѣянія царя Давида.

Это было все равно, какъ еслибы Матти находился у него на службѣ, и онъ приказалъ бы ему стать около скалы въ порогахъ, какъ разъ тамъ, гдѣ, подпрыгивая, скатывались внизъ частью обледенѣлыя бревна вмѣстѣ съ коричневой шумящей болотной водой, и вотъ одинъ разъ, одинъ только разъ стоило бы Матти поскользнуться, расталкивая ихъ... Какъ тамъ сказано? »На мѣстѣ жестокаго сраженія«, гдѣ опасность была наибольшая, и тогда... но онъ не смѣлъ додумать своей мысли до конца—она была слишкомъ соблазнительна. Однако, съ другой стороны, если несчастье случилось бы помимо его воли... Ахъ, онъ чувствовалъ, какъ сердце его расширяется, точно какая-то завѣса поднималась передъ его глазами, открывая вдали лучезарныя картины. Онъ напрасно боролся съ обманчивыми видѣніями своей фантазіи, онъ упрямо возвращались, какъ онъ ни старался ихъ отгонять.

Къ своему удивленію Вейкколинъ вспомнилъ теперь, что не разъ, посѣщая деревню, гдѣ была церковь, онъ и не подумалъ спросить, какъ собирался сначала, о своихъ родныхъ и даже не справился о сынѣ и женѣ. Чѣмъ объяснить такую забывчивость? Вѣдь не было же у него никакого предвѣятаго намѣренія, которое со временемъ должно было осуществиться? Онъ сталъ бояться за себя. Нѣтъ, надо отогнать прочь эти мечты, досугъ ли ему заниматься фантазіями о любви и семьѣ? Теперь какъ разъ предстояло такъ много работы, были такія большія деньги въ дѣлѣ, и онъ долженъ былъ наблюдать за своимъ предпріятіемъ, чтобы ни одно звено въ длинной цѣпи его расчетовъ не ослабѣло и не порвалось. Нѣтъ, не слѣдуетъ накаливать

больше одной полосы желѣза заразъ. Надо покончить со всѣмъ этимъ.

Однажды, когда Вейкколинъ сидѣлъ около пороговъ и смотрѣлъ на работу, обдумывая свои предположенія и планы, онъ услышалъ надъ собою хорошо знакомый пискливый звукъ. Барышникъ обернулся и увидѣлъ, что группа рябинъ возлѣ него была покрыта цѣлой стаей свиристелей. Маленькія жадныя птички съ хорошенькими хохолками набросились на красныя ягоды.— Вотъ какъ, онѣ уже здѣсь, тогда и зима у насъ не за горами!

Но онъ увидѣлъ еще кое-что, кромѣ этихъ красивыхъ глупенькихъ птичекъ. Подъ рябинами стояли Элли и Карло; у нихъ въ рукахъ былъ пруть съ петлей на концѣ, но онъ, повидимому, былъ слишкомъ коротокъ и имъ не удавалось захватить птичекъ, несмотря на всѣ ихъ старанія. Вотъ они стали о чемъ-то шептаться, и мальчикъ, обхвативъ Элли, осторожно поднялъ ее вверхъ. Опираясь на рябину, она влѣзла къ нему на плечо и теперь должна была начаться ловля. Хрупкая, болѣзненная дѣвушка съ глубокими загадочными глазами сама смотрѣла маленькимъ пенцомъ, выпавшимъ изъ гнѣзда прямо въ руки большаго подростка.

Однако эти глаза не думали больше слѣдить за ловлей пестрыхъ птичекъ, а старались проникнуть прямо въ сердце Карло. И они нашли дорогу туда. Мальчикъ опустил пруть и ради дѣвушки забылъ о своей охотѣ.

Вейкколину стало слишкомъ тяжело. Какъ богаты, какъ счастливы были эти двое, развѣ они не имѣли всего, что онъ такъ давно потерялъ?

Вдругъ его вниманіе приковали блестящіе глаза мальчика. Боже мой! гдѣ онъ видѣлъ это темные глаза? А онъ видѣлъ ихъ гдѣ-то несомнѣнно. Нѣтъ, онъ не могъ больше выносить своихъ мучительнымъ мыслей, онъ долженъ былъ покончить съ ними. Барышникъ быстро всталъ. Свиристели, Элли и мальчикъ, всѣ сразу замѣтили его присутствіе и въ одинъ мигъ обратились въ бѣгство и исчезли изъ вида.

Со вздохомъ облегченія пошелъ Вейкколинъ къ своему заводу посмотреть—на сколько подвинулась работа. Но въ первый разъ она не занимала его. Онъ смотрѣлъ какъ вертѣлось большое маховое колесо, какъ спицы уходили отъ бѣлой пѣны и темной воды, какъ маленькія колеса вертѣ-

лись все сильнѣе и сильнѣе, гудѣли и болтали, точно проворные языки, и, казалось, каждое изъ нихъ шептало ему: »въ будущемъ году мы намелемъ тебѣ золота, денегъ, много денегъ«. Онъ печально улыбнулся; грустно и смѣшно стало ему надъ самимъ собой, надъ тѣмъ, что онъ стоялъ тутъ и вслушивался въ говоръ волнъ и машины. Въ первый разъ, послѣ долгаго времени, главной руководящей нитью его думъ были не барышь и нажива.

»Для чего все это? мнѣ не для кого копить«, говорилъ онъ про себя. Ночь наступала, когда онъ, наконецъ, въ уныніи вернулся въ избу.

Изъ мрака и холода Вейкколинъ вошелъ въ тепло и свѣтъ, поздоровался и сѣлъ одиноко и молча у окна, въ самомъ отдаленномъ углу. Всѣ прочіе, даже собака Халли, искали свѣта и двигались по большой комнатѣ какъ можно ближе къ очагу, гдѣ трещала и пылала большая связка сосновыхъ дровъ.

Горькое чувство охватило Вейкколина; онъ одинъ былъ здѣсь чужимъ. Ему казалось, что онъ стоитъ во мракѣ осенней ночи и заглядываетъ сюда. Здѣсь все смотрѣло такъ свѣтло и весело. На очагѣ горѣлъ веселый огонь, ярко освѣщавшій Марію, Элли, въ полголоса читавшую свою книгу, и мальчугановъ, которые при мигающемъ свѣтѣ лучины щепали дранки. Воспоминанія о любви и счастьѣ минувшихъ лѣтъ, объ этихъ чувствахъ, которымъ время придало новый, болѣе яркій, колоритъ, — съ силой овладѣли имъ. Онъ жадно стремился опять къ молодости, къ тому времени, которое прошло, къ счастью, которое миновало. Такое счастье какъ разъ было передъ нимъ и манило его къ себѣ, въ эту теплую свѣтлую избу, и однако онъ остался за порогомъ въ темнотѣ осенней ночи.

Грустный ушелъ онъ въ свою комнату, по другую сторону сѣней, легъ и заснулъ. Сны его были продолженіемъ его думъ; онъ видѣлъ себя могущественнымъ царемъ, передъ нимъ стояла царица въ длинномъ одѣяніи библейскихъ женщинъ, то была — Вирсавія. Фигура ея обрисовывалась на сіяющемъ фонѣ, лицо было обращено въ сторону. Онъ видѣлъ ее только въ полъоборота, какъ сейчасъ видѣлъ Марію передъ огнемъ. Она медленно шла впередъ по пути, который, казалось, велъ въ безконечность. Онъ хотѣлъ слѣдовать за ней, но, какъ часто случается во снѣ, ноги его

не двигались, онѣ точно вросли въ землю. Онѣ умоляль, онѣ кричалъ, онѣ хотѣль обратитъ ея вниманіе на свое присутствіе, но все было напрасно. Вдругъ, откуда ни возьмись, явился Матти со своимъ топоромъ и сталъ рубить громадную сосну, и съ трескомъ упало дерево и покрыло ихъ обоихъ. Вейкколинь проснулся весь въ поту и съ радостью увидѣль, что утренній свѣтъ проглядывалъ изъ-за темныхъ зубчатыхъ тучъ.

IX

Осень приближалась къ концу. Свиристели прилетали, обобрали всѣ ягоды у рябинъ и опять вернулись въ свою пустыню. Сорока возвратилась изъ своей лѣтней экскурсіи и воронъ со своихъ разбойничьихъ набѣговъ. Тотъ и другая старались теперь, когда подходила зима, держаться въ сосѣдствѣ съ человѣческимъ жильемъ, подобно бѣдняку, который въ голодное время пробирается въ города. Вороны устраивали засѣданія на хлѣбныхъ скирдахъ и раздумывали, что бы имъ предпринять въ настоящее время, когда вода замерзла въ бороздахъ, улитки обратились въ студень, дождевые черви попрятались въ глубь земли и всѣ снопы были уложены въ скирды. Одна старая, бывалая, ворона, съ облѣзлой головой и растрепанными перьями подъ шеей, много выдавшая на своемъ вѣку, разрѣшила затрудненіе.

Птица прокаркала что-то раза два: должно быть она сообщала, что теперь началась уже ловля ряпушки у береговъ озера Пиелисъ. Не даромъ вдругъ всѣ вороны поднялись, съ торжествующимъ карканьемъ расправили крылья и съ помощью вѣтра медленнымъ, но вѣрнымъ полетомъ понеслись на юго-западъ, къ противоположному берегу большаго озера.

Израэль Вейкколинь въ это время находился на своемъ заводѣ и, обзвѣвая въ слуховое окно ближайшія окрестности, обратилъ вниманіе на движенія воронъ. Когда онѣ обратились въ воздухъ въ маленькія черныя точки, онъ обернулся съ глубокомысленнымъ видомъ и сказалъ:—чертовски умныя птицы, эти вороны. Я долженъ бы послѣдовать ихъ примѣру и отправиться въ путь.

Израэлю Вейкколину приходилось бороться съ двумя одинаковыми силами, которыя тянули его въ разные стороны. Одна изъ нихъ—любовь къ женѣ Матти—заставляла его оставаться здѣсь, другая—стремленіе подняться выше—подстрекала афериста уѣхать. Какъ натура глубокая, онъ былъ хладнокровенъ и въ добавокъ уменъ, а потому, тщательно взвѣсивъ всѣ обстоятельства дѣла, пришелъ къ одинаковому выводу съ воронами. Самое лучшее, что онъ могъ сдѣлать, это собраться въ дорогу. Что же касается Маріи, то Вейкколинь рѣшилъ ждать. Терпѣніе все преодолеваетъ.

Кромѣ того существовали еще двѣ причины, по которымъ онъ долженъ былъ ускорить свой отъѣздъ. Во первыхъ, не сегодня—завтра могъ вернуться Матти, а если онъ не получилъ денегъ на заводѣ въ Суйккила, то было благоразумнѣе всего не видѣться нѣкоторое время съ его семействомъ и при первой же возможности ѣхать въ Іоэнсу.

Во вторыхъ, въ скоромъ времени должна была начаться рубка лѣса. Но куда онъ будетъ сбывать свой товаръ? Этого звена еще не доставало въ той длинной цѣпи, которая должна была доставить ему богатство изъ лѣсной глуши. И, сознавая всю неизбежность такого шага, онъ уѣхалъ въ тотъ же день.

Его мудрое рѣшеніе тотчасъ принесло плоды. Прибывъ въ Іоэнсу, Вейкколинь столкнулся съ однимъ человѣкомъ, который безуспѣшно предлагалъ свои услуги то одному, то другому заводчику, безуспѣшно потому, что времена были плохи. Такимъ образомъ онъ явился и къ Вейкколину, который напелъ въ немъ именно то, что ему было такъ необходимо—связь между собой и торговымъ міромъ. Человѣкъ этотъ прежде состоялъ на службѣ у Блуме, но теперь, когда фирма стала понемногу сокращать штаты, его оставили не у дѣлъ. Онъ порядочно выпивалъ, становился тогда буйнымъ и болтливымъ и не щадилъ своихъ бывшихъ хозяевъ, но у него были знакомства съ англійскими домами, которые закупали лѣсной товаръ въ Финляндіи, и поэтому на его отрицательныя качества пришлось смотрѣть сквозь пальцы.

Отъ своего новаго приказчика Вейкколинь узналъ, что фирмѣ Блуме приходилось плохо. Еслибы даже Матти Кіискиля и настаивалъ на томъ, онъ не могъ бы немедленно

получить своихъ денегъ. Но, къ счастью, Матти, въ своемъ слѣпомъ довѣрїи безъ труда согласился оставить вкладъ на храненіе у фирмы за увеличенные проценты.

При этомъ извѣстїи Вейкколинь съ облегченіемъ перевелъ духъ. Онъ хорошо предвидѣлъ будущее, вѣрно судилъ о вещахъ и теперъ остался доволенъ своею проницательностью.

Первая хитрость ему удалась, онъ могъ ѣхать теперъ домой и осуществить остальные планы. Вейкколинь такъ и сдѣлалъ. Но по прїѣздѣ его ожидала большая работа. Еще цѣлую зиму онъ долженъ жить въ лѣсу, проводить тамъ дни и ночи, какъ дикій звѣрь въ своемъ жалкомъ логовищѣ; но потомъ, потомъ этому настанетъ навсегда конецъ. потомъ онъ можетъ нанять за себя другое лицо. Теперъ, пока все висѣло еще на волоскѣ, онъ не могъ ни на кого надѣяться, находя, что каждый самъ себѣ лучшій слуга.

Матти съ Яковомъ Трастомъ и своей постоянной артелью рабочихъ уже отправились на работу въ принадлежавшіе Блуме лѣса, Карло остался дома помогать женщинамъ. Послѣ Рождества онъ долженъ былъ смѣнить Анти, который теперъ ушелъ съ отцомъ.

Съ Марїей произошла большая переменъна. Прежде изъ желанія нравиться, быть предметомъ поклоненія, что такъ свойственно красивой женщинѣ, она благосклонно принимала явное восхищеніе Вейкколина и его деревенское ухаживаніе. Теперъ же она видимо избѣгала барышника. У него же было много дѣла, и онъ не имѣлъ времени раздумывать о причинѣ этой внезапной переменъны. Вейкколинь въ душѣ даже радовался ей: онъ подумалъ, что Марія вѣроятно была къ нему равнодушна и боялась бѣды. Онъ чувствовалъ себя на десять лѣтъ помолодѣвшимъ, кровь быстрѣе вращалась въ его жилахъ, имъ овладѣла какая-то юношеская энергія, желаніе братья за самыя трудныя задачи, и, сдѣлавшись предприимчивѣе и смѣлѣе прежняго, онъ усердно и ревностно приступилъ къ своему крупному предпрїятію. Послѣ того, какъ его рабочіе побывали у причастія, — что обыкновенно водится передъ работою въ лѣсу, — Вейкколинь отправился съ ними на рубку, какъ на какое нибудь торжество.

Тяжела жизнь рубщика въ дремучемъ лѣсу. Съ самаго

ранняго утра онъ на ногахъ, несмотря на снѣгъ и холодъ; сосны срубаются, очищаются отъ сучьевъ и съ помощью маленькихъ лохматыхъ лошадокъ свозятся въ складочное мѣсто на берегу рѣки. Снѣгъ крутится около людей и лошадей, потъ ручьями льетъ отъ тяжелой работы. Голодъ утоляется небольшимъ количествомъ сухой холодной пищи и чашкою горячаго кофе. Въ лучшемъ случаѣ, когда между рабочими найдется бывший поваренокъ или отставной солдатъ, служившій кашеваромъ,—горячій супъ иногда разнообразить діету поневолѣ. Съ наступленіемъ вечера лошадей ставятъ подъ громадную сосну, гдѣ онѣ жмутся въ кучку, согрѣвая другъ друга, ихъ покрываютъ чѣмъ нибудь теплымъ и задаютъ на ночь корму, а люди укладываются спать.

Въ хижинѣ съ тремя стѣнами и плотной крышей, не пропускаемой для дождя, рабочіе спятъ на сухихъ листьяхъ, ногами къ четвертой, открытой, сторонѣ шалаша, передъ которой всю ночь пылаетъ костеръ, чтобы удалять дикихъ звѣрей и вмѣстѣ съ тѣмъ согрѣвать ноги людямъ. Въ дождь и оттепель, когда снѣжный буранъ проносится между сосновыхъ вѣтвей, когда холодъ такъ жестокъ, что птички падаютъ мертвыми съ вѣтокъ, когда вспыхиваетъ сѣверное сіяніе, звѣзды горятъ, а млечный путь переливается миллионами огней,—эта хижина составляетъ все, что нужно бодрымъ дѣтямъ лѣса для отдыха послѣ цѣлаго дня работы въ снѣгу аршинной глубины, послѣ сотенъ ударовъ топоромъ въ твердую кору сосенъ.

Если разстояніе отъ дома, какъ было въ настоящемъ случаѣ, доходитъ до нѣсколькихъ миль, то рубщики почти безвыходно сидятъ въ лѣсу и навѣщаютъ свои жилища очень рѣдко—раза два въ мѣсяцъ—и то лишь, когда снѣгъ покроетъ землю и можно скользить на лыжахъ по болотамъ и оврагамъ.

Во время работы въ лѣсу не до разговоровъ. Подъ стонъ ударовъ топора, подъ грохотъ падающихъ деревьевъ почти не слышно ничего кромѣ громкаго »*pois tieltä*« (прочъ съ дороги). Утренній холодъ гонитъ къ работѣ, темнота вечера и усталость послѣ дневныхъ трудовъ—ко сну.

Суровую зимнюю стужу, глубокій снѣгъ, вой бурнаго вѣтра въ лѣсу, короткій темный день, холодную и длинную ночь—все это рубщики лѣса переносятъ съ одина-

ковымъ терпѣніемъ. Но есть одно, что отравляетъ имъ жизнь, наводитъ на нихъ тоску, лишаетъ энергіи и здоровья,—это дождь. Онъ ихъ злѣйшій врагъ, сырая осень и сырая весна для нихъ то же, что гроза для рыбака и ночной морозъ для земледѣльца,—это ихъ гибель.

Вейкколинь стоялъ надъ работой съ утра до вечера. Для своихъ чувствъ и мечтаній онъ удѣлялъ немного времени. Когда медвѣдь лежитъ въ берлогѣ, только желтоватый оттѣнокъ свѣга даетъ знать, что подъ нимъ скрывается своеобразная жизнь, питающаяся своими собственными соками. Такъ было и съ Вейкколиномъ.

Только иногда воскресали его фантазіи, и онъ изрѣдка мечталъ о прекрасной Вирсави и ея царственномъ поклонникѣ. Тогда, къ удивленію своихъ людей, хозяинъ цѣлыми часами ходилъ блѣдный и сумрачный, пока работа на успѣвала вновь восторжествовать надъ его чувствами.

Ету казалось, что все это глубоко схоронено въ немъ до весны, какъ зерно въ землѣ, что съ лѣтнимъ солнцемъ все опять проснется къ жизни и дѣятельности, и тогда, вѣроятно, чѣмъ нибудь разрѣшится вся эта путаница.

Что могло тогда произойти—онъ не зналъ и не хотѣлъ о томъ думать—»se on sallittu«, »что суждено, того не минуешь«. Это изреченіе, этотъ символъ великаго естественнаго вѣрованія, которое между всѣми народами земли имѣетъ наибольшее число послѣдователей, придаетъ силу и терпѣніе какъ феллаху, такъ и турецкому поселянину, когда они работаютъ подъ палящими лучами солнца съ поднятымъ надъ ихъ головами бичомъ сборщика податей, такъ и бѣдному сѣверному земледѣльцу, который борется съ опустошеніями ночныхъ морозовъ. Одно и то же магическое изреченіе даруетъ имъ всѣмъ всепобѣждающую выносливость духа, мужество покорности. Мужество безъ всякой надежды впереди. Это »такъ суждено«, этотъ фатумъ римлянъ и трагическая судьба грековъ суть послѣдствія міросозерцанія, указывающаго на низкую степень развитія, на ограниченный кругозоръ, но которое, тѣмъ не менѣе, не мѣшаетъ вѣрующимъ обнаруживать героизмъ, не разъ удивлявшій цѣлый міръ.

Уже давно наступилъ мартъ. Дни стали длиннѣе, солнце грѣло съ утра и до вечера, просвѣчивая между потемнѣв-

шихъ стволовъ сосенъ. Снѣгъ сверкалъ точно осыпанный миллионами маленькихъ звѣздъ.

Работа лѣсныхъ рубщиковъ становилась труднѣе. Когда топоръ разъ за разомъ ударялъ по вздрагивающему стволу дерева, снѣгъ и дождь падали съ сучьевъ внизъ на головы и спины рабочихъ и проникали сквозь самую прочную одежду. Кромѣ того въ зимніе мѣсяцы топоръ легко проникалъ въ твердое, но хрупкое дерево, теперь же, къ веснѣ, оно стало какъ будто сопротивляться дѣйствию стали, сдѣлалось вязкимъ и эластичнымъ, о чемъ можно было судить по звуку ударовъ.

И въ одинъ ясный, прелестный мартовскій день, когда снѣжинки сверкали, точно мерцающія звѣздочки, когда тетерева стали собираться на вырубленной прогалинѣ и задавать свои весенніе концерты для самокъ, очарованныхъ ихъ пѣніемъ,—Израэль Вейкколинъ скомандовалъ «стой». Этимъ словомъ былъ положенъ конецъ рубкѣ на этотъ годъ. Зима прошла. Глубоко подъ снѣгомъ, подъ замерзшей земляной корой, пришли въ движеніе невидимыя силы. Онѣ подымались все выше и выше, по нѣжнымъ волокнамъ между корой и стволомъ, по клѣточкамъ и жилкамъ древесины. Теперь бревна не годились въ дѣло, такъ какъ жидкіе соки быстро приходятъ въ броженіе. Дерево скоро загниваетъ, оно не такъ прочно, не выдерживаетъ продолжительнаго пребыванія въ водѣ и тонетъ во время сплава вдоль рѣкъ и озеръ.

Теперь для рабочихъ настала горячая пора. По послѣднему санному пути слѣдовало вывезти всѣ бревна изъ лѣсной глуши къ ближайшей рѣкѣ—для отправки ихъ на заводъ. То была тяжелая работа какъ для людей, такъ и для лошадей. Оба конца бревенъ привязывались къ салазкамъ, на столько высокимъ, что если полозья и врѣзывались въ снѣгъ, то деревья все-таки не прикасались къ нему. Въ каждую пару салазокъ впрягалась одна или двѣ лошади, смотря по лучшему или худшему состоянію дороги.

Цѣлый день запыхавшія лошади вывозили изъ лѣсу бревно за бревномъ черезъ холмы и овраги, по сучьямъ и вѣтвямъ, между валежникомъ и пнями. Могучія сосны, стоявшія сотни лѣтъ на своихъ мѣстахъ, увозились изъ родимаго лѣса, гдѣ до сихъ поръ человѣческая нога не оставляла слѣда ни на снѣгу, ни на мхѣ. При веселомъ и обо-

дрящемъ крикѣ людей маленькія, но сильныя и выносливыя лошади тащили лѣсныхъ гигантовъ къ берегу небольшой рѣчки, которая, покрытая еще льдомъ и снѣгомъ, протекала мимо деревни Кіискиля къ Пеллесскому озеру.

Когда солнце растопило снѣжные сугробы, всѣ ручейки вышли изъ береговъ, всѣ рѣчки обратились въ стремительныя рѣчки, и бревна съ ужасающей быстротой понеслись по теченію къ озерамъ, — то и тогда работа не стала легче. На долю рабочихъ нерѣдко выпадало холодное купанье между льдинъ въ стремнинахъ рѣчки. А между тѣмъ именно теперь, въ этотъ короткій періодъ, когда сѣверная зима переходитъ въ весну, наибольшее количество работы должно быть выполнено въ возможно кратчайшій срокъ.

Вейкколинь былъ въ своей сферѣ: онъ торопилъ и подгонялъ работу. Но въ самомъ разгарѣ его дѣятельности черезъ болота и мхи прибылъ посланный съ важнымъ письмомъ отъ фирмы Блуме. Тогда барышникъ передалъ все дѣло въ надежныя руки и уѣхалъ въ тотъ же день.

Х

Наступила весна. Сперва жаворонокъ возвѣстилъ о ней, за нимъ прилетѣла трясогузка съ тѣмъ же увѣреніемъ, и наконецъ ласточка ручалась, что это несомнѣнно такъ, но однако радостной вѣсти трудно было повѣрить и убѣдиться въ приходѣ желанной гостыи. Весна безъ солнца, съ сѣдыми туманами, производившими сырость и слякоть, не допускавшими тепла на землю, — не была настоящей весной. Все смотрѣло уныло и мрачно. На опушкахъ лѣса и по краямъ канавъ бѣлѣлъ грязный и мокрый снѣгъ; на лугахъ еще лежалъ сѣроватый, снѣжный настъ. Тепло еще не наступило, паръ не подымался отъ земли, природа пустила въ ходъ лишь половину своихъ производительныхъ силъ.

Обширный лѣсопильный заводъ въ Суйккила, самое большое учрежденіе фирмы Блуме, работалъ тоже на половину. Хотя пилы каждый день съ жужжаньемъ и воемъ, точно въ припадкѣ гнѣва и бѣшенства, разрѣзали волокна деревьевъ и доставляли въ большомъ количествѣ доски, горбыли и опилки, однако всякій могъ замѣтить, что работа шла безъ особенной спѣшки и энергіи.

Всемирный рынокъ, это вѣчно келеблющееся »ничто« ,

гдѣ все зависитъ отъ случая, какъ въ азартной игрѣ, былъ въ угнетенномъ состояніи. Почему и надолго ли—этого никто не зналъ. Но что онъ былъ вялъ, это прежде всего доказывали громадныя кучи лѣса, раскинутыя повсюду. Штабели досокъ выступали со дворовъ, черезъ канавы, на лужайки и поля. Они выстраивались вдоль дорогъ, точно высокіе дома, образуя улицы, переулки, цѣлые кварталы въ громадномъ складочномъ городѣ, безъ всякаго шума и движенія, въ городѣ безъ обитателей въ скученныхъ жилищахъ, гдѣ никто не показывался на узкихъ улицахъ и на небольшихъ площадкахъ, ни одного экипажа не проѣзжало по колеямъ, на половину скрытымъ подъ опилками и крапивой.

Что заводъ работалъ на половину, было замѣтно на молодыхъ рабочихъ. Тамъ, между штабелей шестидюймовыхъ досокъ, росъ старый поломанный и захудалый кустъ черемухи, почти одинъ пенъ. Однако и ему захотѣлось покочетничать и украситься листьями и бутонами, чтобы еще разъ насладиться праздникомъ юной весны, пока его дни не были сочтены. Между сучьевъ перекликалась пара реполововъ и не нужно было, подобно калифу багдадскому, семь лѣтъ изучать нарѣчіе птицъ, чтобы понять этотъ языкъ счастливой любви, на которомъ они щебетали. Подъ кустомъ сидѣли молодая дѣвушка и молодой парень. О чемъ реполовъ распѣвалъ въ радостномъ тонѣ, о томъ молодой человѣкъ говорилъ въ печальномъ. Ахъ, нѣтъ работы на заводѣ, не будетъ и своего дома, не бываетъ и свадьбъ! Стыдливыя мечты о новомъ счастьѣ и юной любви утопали въ слезахъ и заглушались вздохами.

Тоже замѣчалось и среди старыхъ рабочихъ. Укладчикъ штабелей Мякеля стоялъ, скрестивъ руки на груди, въ кварталѣ, гдѣ были сложены девятидюймовки. Противъ прохода въ самый аристократическій кварталъ, съ двѣнадцатидюймовыми досками, сидѣлъ книгоноша Югансонъ и съ религіознымъ рвеніемъ и силою вѣры пытался приобрести себѣ и обществу трезвости новаго послѣдователя. Съ кроткимъ и набожнымъ выраженіемъ на своемъ широкомъ лицѣ проповѣдывалъ онъ о чаяніи блаженства и о вѣнцѣ безсмертія. »Господь противится сильнымъ, парямъ Израилевымъ и нарушающимъ заповѣди Его, Онъ ненавидитъ высокоумныхъ, а гордые искушаютъ Его гнѣвъ«.

И Андерсъ Мякеля мрачно смотрѣлъ передъ собою, и

въ головѣ его бродили темныя, неясныя мысли о тлѣнности и непостоянствѣ всего мірскаго. Теперь, когда Блуме, даже этотъ богатый Блуме, которому онъ служилъ всю свою жизнь, оказывается ненадежнымъ и вотъ уже двѣ недѣли не даетъ расчета рабочимъ, поневолѣ приходится искать себѣ опоры внѣ фирмы, и Иогансонъ пожалуй былъ правъ: водка и высокоомѣрие господъ возбудили гнѣвъ божій.

Это замѣчалось въ церкви, гдѣ оптимистъ, воспримчивый и пылкій, возлагалъ всю свою надежду на молитву и воззваніе къ Богу о помощи въ этой крайности, замѣчалось въ бѣдныхъ семьяхъ рабочихъ, гдѣ пессимистъ сидѣлъ, мрачный и унылый, между тѣмъ какъ мать семейства ходила на цыпочкахъ, справляя свои домашнія дѣла, а дѣти испуганно жались по угламъ убогаго родительскаго дома.

Тоже замѣтно было въ питейномъ домѣ, гдѣ засѣдали оппортунисты, пользуясь удобнымъ случаемъ и находя удовольствіе въ неожиданно представившейся имъ свободѣ, они шепотомъ развивали социалистическія утопіи и разрѣшали рабочій вопросъ такъ же легко, какъ круглая пила обрѣзала концы досокъ. Но за прилавкомъ, внутри комнаты, слышался шумный разговоръ. Тамъ расположились самые младшіе изъ недовольныхъ, и какъ первыя снѣжки летаютъ и кружатся въ не совсѣмъ еще охладѣвшемъ, осеннемъ воздухѣ, такъ и въ сильно нагрѣтой атмосферѣ харчевни носились, сталкивались, вытѣсняя другъ друга, хвастливыя слова и буйныя рѣчи, грозившія огнемъ и развореніемъ Суйкила и его окрестностямъ.

Когда шумъ и крики были въ самомъ разгарѣ, отворилась дверь и въ комнату торопливо вошелъ старый укладчикъ штабелей въ сопровожденіи женщины. Видно было, что они пришли съ важной новостью. Близстоящіе внезапно смолкли, какъ будто весь оглушительный гамъ сразу провалился въ какую-то бездну, образовавшуюся посреди пола, и черезъ минуту послышались только единичные взгляды: — Ну, что такое? что случилось? Укладчикъ сообщилъ, что сейчасъ къ пристани причалилъ пароходъ и что Эмиль Блуме находился на немъ.

— Онъ, этотъ щенокъ, который виноватъ во всей нашей бѣдѣ, слышалось въ толпѣ! — Онъ, который нѣсколько годовъ тому назадъ цѣлое лѣто провалялся здѣсь

въ висячей койкѣ и лѣнился даже открыть глаза, если мимо него не проходила женщина.

— Пойдемъ къ нему и спросимъ — намѣренъ ли онъ платить своимъ рабочимъ или нѣтъ?

Въ харчевнѣ поднялось страшное галдѣнье.

— Нѣтъ, замолчите! подождите немного! старался перекричать ихъ укладчикъ. — Блуме не одинъ, съ нимъ Вейкколинъ, Израэль Вейкколинъ.

Теперь дѣло приняло другой оборотъ. Мрачное и возбужденное настроеніе толпы внезапно измѣнилось. — Вейкколинъ здѣсь? Да, если кто можетъ помочь здѣсь, то никакъ не англичанинъ и не французъ, а именно Вейкколинъ. Это человѣкъ, который самъ пробилъ себѣ дорогу, у него есть деньги, лѣсопильный заводъ въ Кискиля, да сверхъ того лѣса. Идемъ всѣ вмѣстѣ въ контору!

И мрачное отчаяніе, и малодушное уныніе вдругъ перешли въ надежду на лучшіе дни, въ неосновательное довѣріе къ состоятельности фирмы.

Поспѣшно расплатившись за выпитыя водку и пиво, толпа, при наступившемъ весеннемъ вечерѣ, потянулась длинной неправильной цѣпью къ зданію конторы.

Оно находилось внизу, у водопада, такъ близко къ берегу, что брызги пѣны нерѣдко достигали веранды. Строеіе это было окружено красивымъ и хорошо содержимымъ садомъ, гдѣ теперь кипѣла усиленная работа. Въ большомъ цвѣтникѣ, передъ крыльцомъ, цвѣли безчисленные фіолетовые крокусы и бѣлыя маргаритки, между ними нѣсколько тюльпановъ выдѣлялись красными кровавыми пятнами на черной землѣ. Медвѣжьи ушки были покрыты бутонами, а піоны пробивались изъ почвы, точно покраснѣвшіе отъ мороза пальчики.

Молодая стройная женщина съ маленькой хорошенькой головкой и печальнымъ умнымъ выраженіемъ красиваго лица была занята очисткой нѣсколькихъ розовыхъ кустовъ, только что освобожденныхъ отъ зимней покрывки, и привязываніемъ вьющихся растений къ рѣшеткѣ веранды. Услыхавъ тяжелые шлепающіе шаги по мокрой еще землѣ, она быстро выпрямилась. Лицо ея поблѣднѣло, она испуганно оглянулась кругомъ. Затѣмъ, поспѣшно подобравъ юбки, молодая женщина съ легкостью серны побѣжала къ конторѣ.

Черезъ минуту она вернулась обратно со своимъ мужемъ, управляющимъ заводомъ, Паульсономъ. Это былъ сильный, коренастый мужчина съ острыми, пронизательными глазами. Въ рукахъ у него былъ револьверъ. Красивая женщина старалась побороть свою тревогу и шепотомъ говорила мужу: — Карлъ, не горячись! Карлъ, Карлъ! Теперь рабочіе стояли уже за рѣшеткой сада.

— Что вамъ нужно? сердито спросилъ Паульсонъ.

Отвѣта не послѣдовало.

— Чего вы хотите? спросилъ опять управляющій, возвысивъ голосъ.

— Поговорить съ г-номъ Блуме и съ Вейкколиномъ, отозвались нѣкоторые изъ самыхъ храбрыхъ.

— Ихъ нѣтъ еще здѣсь, рѣзко отвѣтилъ Паульсонъ. — Я уже сказалъ вамъ это, и теперь вы должны сейчасъ уйти отсюда. Но сейчасъ же... слышите вы? И его острые глаза стали метать молніи.

Рабочіе заволновались.

— Они пріѣхали... они здѣсь... повторяли въ толпѣ.

— Да, я здѣсь, отвѣчалъ чей-то голосъ, и на тропинкѣ, ведущей изъ сада къ водопаду, показался Эмиль. — Вейкколинъ еще тамъ внизу, на пристани. — Развѣ дѣло зашло уже такъ далеко? шепотомъ спросилъ онъ у Паульсона. Молодой человекъ измѣнился въ лицѣ, когда увидѣлъ въ саду безпокойную толпу народа.

— Какъ видите, мы здѣсь, повторилъ онъ, обернувшись къ народу. — Добрый вечеръ, добрый вечеръ! Идите теперь всѣ по домамъ. Черезъ часъ мы опять увидимся и поговоримъ обо всемъ.

Шапки слетѣли съ головъ. Одинъ старый рабочій подошелъ, пожалъ Эмилю руку и почтительно произнесъ: — Простите, простите, молодой баринъ, я находился здѣсь, еще когда вашъ дѣдушка былъ живъ, а теперь у насъ въ заводѣ какъ будто немного неспокойно, простите! И вся толпа медленно вышла изъ сада.

Паульсонъ и его хозяинъ пошли къ веравдѣ. Эмиль любовно раскланялся съ красивой женой управляющаго; горячій румянецъ, внезапно вспыхнувшій на лицѣ молодой женщины, покрылъ ея щеки, лобъ и шею и вызвалъ въ острыхъ глазахъ мужа выраженіе угрозы, которое придавало его чертамъ еще больше суровости, а его лицу больше

желтивы. Почти ни слова не было произнесено между ними; въ смущенномъ настроеніи вошли всѣ трое въ контору. Управляющій положилъ револьверъ на письменный столъ. Жена его послѣшно исчезла во внутреннихъ комнатахъ, чтобы распорядиться насчетъ чаю. Паульсонъ тоже вышелъ вслѣдъ за нею, и Эмиль на минуту остался одинъ.

Давно, вскорѣ послѣ того какъ Паульсонъ былъ назначенъ управляющимъ, Эмиль въ послѣдній разъ находился въ этой комнатѣ, служившей гостиной въ то время, когда его родители жили здѣсь лѣтомъ на дачѣ, тогда убранной цвѣтами и старыми фамильными портретами, а теперь изведенной на стѣнѣ помѣщенія для конторы, съ образцами товара на карнизахъ и косякахъ, съ преисъ-курантами на стѣнахъ и потолкѣ.

Только въ одномъ углу комнаты висѣла большая фотографія въ старомодной покривившейся рамкѣ. Это былъ портретъ Эмиля и управляющаго, друга его молодости. Какъ хорошо помнилъ онъ тотъ шумный, веселый день, когда оба они, будучи студентами, оба любителями пѣнія, снялись съ бокалами вина въ рукахъ. Ахъ, съ тѣхъ поръ произошло много такого, что разъединило прежнихъ друзей! Прошли года, а сегодняшній горячій румянецъ, вспыхнувшій на щекахъ красивой жены управляющаго, все еще напоминалъ о похожденияхъ Эмиля въ юности. Паульсонъ, другъ Кокко, какъ онъ назывался, получилъ мѣсто управляющаго, жалованье и помѣщеніе отъ фирмы вмѣстѣ съ подарками. Но нѣкогда круглые открытые и веселые глаза Кокко съ тѣхъ поръ стали такими острыми и суровыми, что нагоняли страхъ на рабочихъ.

Къ счастью, Эмиль не имѣлъ времени надолго погрузиться въ воспоминанія своего студенчества; дверь открылась, и Паульсонъ съ Вейкколиномъ вошли въ комнату. Повидимому, управляющему не хотѣлось оставаться наединѣ съ Эмилемъ, и они оба съ какимъ-то ожесточеніемъ ухватились за дѣло, какъ единственную нейтральную почву, гдѣ имъ можно было встрѣтиться.

Эмиль вынулъ изъ портфеля работу Шенфельда, изящно переписанную и разграфленную точно придворнымъ каллиграфомъ: то была просьба объ отсрочкѣ платежей, обращенная къ иностраннымъ кредиторамъ. Блуме изложилъ

дѣло, какъ онъ самъ понималъ его по внушенію Шенфельда, о чемъ Паульсонъ былъ уже извѣщенъ письмомъ.

Благодаря своему природному уму, своей богатой фантазіи, Эмиль значительно подвинулся въ пониманіи торговыхъ дѣлъ, и еслибы не плохія времена, когда ему приходилось работать подъ гнетомъ долговъ фирмы, почти въ безнадежныхъ условіяхъ, можетъ быть онъ занимался бы даже съ усердіемъ и охотою. Для фирмы Блуме было вопросомъ жизни, для Паульсона большой выгодой, еслибы планъ, придуманный Шенфельдомъ могъ осуществиться, а планъ этотъ заключался въ томъ, чтобы фирма образовала товарищество, къ числу участниковъ котораго принадлежалъ бы Паульсонъ, основательно знакомый съ предпріятіемъ, и Вейкколинъ, имѣвшій дешевый лѣсъ. Блуме приводилъ блестящія доказательства выгодъ подобной ассоціаціи; онъ дѣйствительно казались неоспоримыми, а связанныя съ ними, хотя бы и значительныя, затрудненія можно было предвидѣть и преодолѣть.

Вейкколинъ выслушивалъ проектъ съ величайшимъ вниманіемъ. Красныя, рѣзко очерченныя, пятна выступили на его тощихъ щекахъ при сдѣланномъ ему предложеніи. Его скрытный характеръ, подъ маской такъ называемой мужицкой флегмы — достоинства, привитаго народу воспитаніемъ, а не дарованнаго природой — таившій цѣлый міръ идей и впечатлѣній, измѣнилъ ему на одно мгновеніе. Онъ такъ ослабился, что коричневая кожа на его лицѣ собралась въ безчисленныя складки, а глаза засвѣтились отъ удовольствія. Вейкколинъ самъ какъ будто выросъ и чувствовалъ, что подымается все выше, что скоро ему предстоитъ достигъ цѣли, о которой онъ такъ долго мечталъ.

Зоркіе глаза Паульсона замѣтили побѣду; онъ поднялся, чтобы поборотъ свое собственное волненіе.

— Я принесу немного коньяку и воды, сказалъ онъ, между тѣмъ какъ тонкая усмѣшка появилась и также быстро исчезла въ одномъ углу его рта. Это было такимъ необычайнымъ явленіемъ на его суровой физиономіи и такъ сильно измѣнило ея выраженіе, что Вейкколинъ спохватился, очнулся отъ своего восторга и тотчасъ пришелъ въ себя.

— Мы рѣшили измѣнить названіе фирмы на «Блуме и Комп.», медленно сказалъ Эмиль и посмотрѣлъ испытующимъ взглядомъ на Вейкколина. Тотъ улыбнулся про себя,

нагнулся ниже надъ бумагами, чтобы скрыть свое волненіе и, перелистывая ихъ осторожно, произнесъ:

— Я думаю, что мнѣ слѣдовало бы сперва ознакомиться съ содержаніемъ этихъ документовъ.

— Конечно, вы можете просмотрѣть ихъ сегодня же здѣсь, въ конторѣ, вмѣстѣ съ Паульсономъ или его помощникомъ. Завтра я хотѣлъ бы получить отъ васъ отвѣтъ. Можете быть вполне увѣрены, что я дѣлаю вамъ выгодное предложеніе. И Эмиль наглядно познакомилъ Вейкколина со всѣми проектами и бумагами.

Тутъ явился Паульсонъ съ коньякомъ и водой. Всѣ чокнулись, выпили и рѣшили, что пока Вейкколинъ будетъ просматривать документы, они оба пойдутъ на заводъ для выдачи рабочимъ денегъ, которыя Блуме привезъ съ собой.

Вейкколинъ остался одинъ въ комнатѣ. Онъ осторожно выглянулъ въ оба окна, потомъ стремительно бросился на стулъ и, давая волю охватившей его торжествующей радости, разразился короткимъ, отрывистымъ смѣхомъ. Онъ протянулъ руки и сталъ размахивать ими; ему казалось, что онъ цѣлые годы просидѣлъ въ неволѣ и теперь, только теперь внезапно получилъ свободу. Барышнику вспомнилось, какъ, однажды, въ Выборгѣ, онъ видѣлъ арестованнаго цыгана, котораго только что выпустили изъ мѣстной тюрьмы.

Съ какой необузданной радостью встрѣчалъ онъ свободу, падалъ на землю, цѣловалъ ее и клялся никогда не даваться живымъ въ неволю, каково бы ни было совершенное имъ преступленіе.

Дрожащими руками взялъ Вейкколинъ бумаги, стараясь скрыть свою радость, которая могла бы повредить ему. Онъ вспомнилъ о мучительныхъ часахъ, недавно пережитыхъ имъ въ каютѣ баржи Велламо, когда впервые дошелъ до него слухъ о ненадежности фирмы Блуме; вспомнилъ тѣ ужасные дни, проведенные имъ между страхомъ, надеждой и сомнѣніями: удастся ли ему купить усадьбу Матти, прежде чѣмъ обнаружится ожидаемое банкротство. Вейкколинъ не желалъ еще разъ попасть въ подобное положеніе и вдругъ сталъ жестокимъ, твердымъ какъ сталь, — онъ отбросилъ всѣ пустыя, напрасныя мечты, всякое состраданіе, словомъ все, — только его умъ, его разсудокъ, изощренный опасностью, его непреклонная воля должна теперь рѣшить великій вопросъ: быть ему господиномъ или — слугой?

Онъ медленно, подробно и съ вниманіемъ просматривалъ лежащія передъ нимъ бумаги. Пролеталъ часъ за часомъ; наконецъ, его позвали ужинать.

Ужинъ проходилъ въ угнетенномъ настроеніи. Вейкколинъ не хотѣлъ еще дать рѣшительнаго отвѣта; жена управляющаго не показывалась; Паульсонъ и Блуме не желали объясняться на мало понятномъ для Вейкколина шведскомъ языкѣ, чтобы не возбуждать его подозрѣній, и такъ какъ очень дурно говорили на финскомъ, то разговоръ совсѣмъ не клеился.

За столомъ Эмиль вдругъ почувствовалъ безпокойство. Онъ едва могъ принудить себя усидѣть на мѣстѣ; его тайное тяжелое бремя стало напоминать ему о своемъ существованіи; вялыя черты молодого человѣка подергивались, губы по временамъ судорожно дрожали, зрачки расширялись, у него, очевидно, двоилось въ глазахъ, такъ какъ онъ иногда дѣлалъ промахи, желая взять какой нибудь предметъ.

Когда ужинъ окончился, Эмиль поспѣшилъ удалиться въ свою комнату, но тамъ служанки еще не справились съ уборкою; онѣ стлали постель и топили печь. Почти въ совершенномъ отчаяніи выбѣжалъ онъ на воздухъ весенней ночи и сталъ ходить взадъ и впередъ по саду и по двору. Ощупывая въ карманѣ жилета маленькій футлярчикъ, молодой Блуме по временамъ открывалъ его съ нервнымъ нетерпѣніемъ.

Погода измѣнилась, туманъ и сырость исчезли, рѣзкій весенній воздухъ сталъ мягкимъ и душистымъ, небо прояснилось, луна освѣщала окрестности. Береза распространяла свой ароматъ, пороги шумѣли, отбрасывая брызги воды, въ которыхъ преломлялись лучи мѣсяца, образуя подвижныя разноцвѣтныя радуги надъ бѣлой пѣной. Воздухъ былъ напоенъ благоуханіемъ, маленькія птички по временамъ пищали въ своихъ гнѣздахъ, куликъ подавалъ свой скрипучій голосъ, вся природа приготовлялась встрѣтить наступающій день, полный солнечнаго свѣта и тепла, радости и торжества.

Но Эмиль, словно проклятый, бродилъ по дорожкамъ сада и съ мучительною тревогою ожидалъ, пока комната его будетъ приведена въ порядокъ. Наконецъ свѣтъ исчезъ тамъ, въ окнахъ, онъ радостно встрепенулся, бросился наверхъ, дрожащими руками зажегъ свѣчу, стремительно рас-

крыль свой изящный англійскій чемоданъ и сталъ рыться во всѣхъ его карманахъ и складкахъ, отыскивая одуряющій ядъ, какъ будто отъ этого зависѣло спасеніе его души. Однако его нигдѣ не оказалось. Невозможно! Эмиль тщательно спряталъ его именно тутъ. Онъ разомъ, инстинктивно пришелъ въ себя и старался обдумать, какъ могла пропасть склянка, куда онъ дѣвалъ ее и не переложилъ ли дорогой. Да, онъ вспомнилъ теперь, что положилъ пузырекъ съ ядомъ въ сакъ-вояжъ. Его губы сложились въ холодную, судорожную улыбку, что-то блестяще-красное затуманило ему зрѣніе, потъ выступилъ у него на лбу. Это облегчило его тревогу, и съ чувствомъ спокойствія и увѣренности сошелъ Эмиль въ контору — взять свой сакъ-вояжъ.

Въ темномъ корридорѣ онъ услышалъ тихій мелодичный шепотъ: »Эмиль, остановись! Эмиль, я прошу!« мягкая, нѣжная рука коснулась его, но имъ руководили инныя мысли, инныя цѣли. Онъ находился подъ гнетомъ страстнаго, необузданнаго желанія. Грубо проговоривъ: »прочъ съ дороги!« спустился молодой человѣкъ съ лѣстницы и вошелъ въ контору. Онъ даже не слышалъ рыданій, раздавшихся ему вслѣдъ.

Въ конторѣ было темно. Блуме зажегъ свѣчу. Тутъ онъ увидѣлъ лежавшую на столѣ бумагу, исписанную большими прямыми буквами. Но ему необходимо было отыскать сперва свой сакъ-вояжъ, и онъ торопливо открылъ его. Здѣсь въ изящномъ хрустальномъ флакончикѣ лежало то, чего онъ такъ мучительно искалъ. Опять какая-то цвѣтная дымка заволочла его глаза. Онъ открылъ футлярчикъ. Теперь можно было мелькомъ взглянуть на бумагу. Что могло быть написано на ней? Онъ машинально прочиталъ по фински слѣдующее:

»Я никогда не войду въ компанію съ фирмой.

Израэль Вейкколинъ.«

Эмиль содрогнулся. Хрустальный флакончикъ выскользнулъ, со звономъ упалъ на образцы желѣза, лежавшіе на полу, и разбился въ дребезги.

Ошеломленный, смотрѣлъ онъ одно мгновеніе внизъ.

Тутъ отчаяніе и ярость овладѣли имъ. Въ этотъ моментъ Эмиль ясно созналъ, что еще разъ оттолкнулъ отъ себя нѣжную, мягкую руку, теплое, любящее сердце, что

Вейкколинъ оставилъ его на произволъ судьбы, что фирма была разорена и—самое ужасное изъ всего—что флакончикъ лежалъ разбитымъ у его ногъ, распространяя кругомъ тонкій запахъ горькаго миндаля.

Почти безъ чувствъ отъ мучительной тоски, сталъ онъ ощупью искать свѣчу. Ему попалось подъ руку что-то твердое холодное блестящее; онъ началъ разсматривать ближе этотъ предметъ, сначала не понимая, что такое передъ нимъ. Вдругъ онъ съ ужасомъ содрогнулся: то былъ револьверъ Паульсона.

— Отлично! произнесъ Эмиль,—его-то мнѣ и надо.

Послышалось щелканье курка... выстрѣлъ, и послѣдній представитель фирмы Блуме отошелъ въ великую область небытія.

XI

Окончивъ разборъ проектовъ Эмиля, Вейкколинъ бѣжалъ изъ комнаты; онъ бѣжалъ отъ самого себя. Честь принадлежать къ фирмѣ Блуме была слишкомъ соблазнительна. Онъ, пожалуй, не устоялъ бы противъ искушенія, еслибы Эмиль опять сталъ выкладывать передъ нимъ эти блестящіе ряды цифръ, которые начинались отъ нѣсколькихъ пенни за кубическій футъ и доходили до милліоновъ, до великолѣпныхъ картинъ красивыхъ облигацій въ толстыхъ пачкахъ и цѣлыхъ грудъ золота, а главное до крупныхъ операций. Тысячи рабочихъ рукъ будутъ приведены въ дѣйствіе по всему водному бассейну Карелии, сотни лошадей и паровыхъ машинъ станутъ подвозить товаръ въ громадныя склады фирмы и цѣлыя толпы заказчиковъ, кліентовъ, корреспондентовъ и коммисіонеровъ будутъ постоянно доставлять новыя требованія, приносить фунты стерлинговъ, франки и гульдены въ обширныя подвалы кассы. Кто знаетъ—можетъ быть Эмилю удалось бы втянуть Вейкколина въ свое предпріятіе и сдѣлать его участникомъ фирмы, но это было бы величайшею глупостью, по крайней мѣрѣ таковъ былъ теперь взглядъ барышника на дѣло. А что взглядъ этотъ былъ вѣрнымъ, онъ отлично сознавалъ. Затѣмъ онъ и предпочелъ бѣжать, чтобы не потерпѣть пораженія. Нѣтъ, господинъ Блуме, нѣтъ! Можетъ быть и мягка солома, да только спать на ней жестко.

Вейкколину показалось, что, послѣ заключенія, выведеннаго изъ проектовъ Эмиля, и принятаго имъ по этому поводу рѣшенія, онъ научился многому, чего не могъ дать ему ранѣе долготнѣй опытъ; его кругозоръ теперь расширился, онъ позналъ самого себя и сталъ видѣть вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ.

Утромъ Вейкколинъ проснулся ранѣе обыкновеннаго, какъ разъ въ то время, когда послышался первый свистокъ парохода. Собравъ наскоро свои вещи, онъ потихоньку сталъ пробираться мимо веранды, облитой въ настоящую минуту лучами лѣтняго солнца, мимо тюльпановъ, сотнями блестящихъ подобно каплямъ крови на черной землѣ. Барышникъ украдкой спѣшилъ къ пристани, боясь, чтобы Эмиль не увидѣлъ и не догналъ его. Добравшись незамѣченнымъ до берега, онъ сѣлъ на пароходъ и съ облегченіемъ перевелъ духъ. Только когда лопасти колесъ завертѣлись, спугивая уклеекъ, игравшихъ на солнцѣ, Вейкколинъ почувствовалъ себя совершенно спокойнымъ и въ безопасности; съ наслажденіемъ вдыхалъ онъ чудный лѣтній воздухъ, такъ какъ лѣто настало внезапно, неожиданно, сразу, но теплое и многообѣщающее.

Солнце золотило своимъ свѣтомъ заливы, озера, мысы и островки. Ольха не успѣла еще воспользоваться недавно наступившимъ тепломъ и стояла съ коричневыми, точно обожженными морозомъ, почками; осина опередила ее, побѣги послѣдней отливали прекраснымъ золотисто-пурпуровымъ цвѣтомъ, тогда какъ сережки березы издали казались нѣжной волнистой дымкой, нависшей надъ роцами и лѣсными опушками. Въ заливчикахъ крикали утки, между тѣмъ какъ гагары тяжело пролетали надъ озеромъ, отыскивая мѣста, защищенныя отъ хищныхъ посягательствъ, вѣчно кричащихъ и вѣчно голодныхъ чаекъ и качарокъ.

Вейкколинъ, будучи единственнымъ пассажиромъ, растянулся во весь ростъ на одномъ изъ дивановъ палубы и, глубоко задумавшись, смотрѣлъ въ безконечную синеву небесъ. Эта необъятная, безпредѣльная даль, гдѣ не на чемъ было остановить взгляда, это величіе и красота неба произвели на него сильное впечатлѣніе, онъ сдѣлался грустенъ. Ахъ, эти проклятыя цифры, цѣлые часы просидѣлъ онъ вчера надъ ними! Побѣда казалась такой близкой, такой вѣрной, счастье такимъ несомнѣннымъ! Онъ уже чув-

становалъ, какъ оно витало надъ нимъ, кругомъ его и въ немъ самомъ, и, когда ему оставалось только ухватиться за него, оно разомъ исчезло. Одно мгновеніе онъ уже думалъ, что оставилъ далеко позади свое прежнее ничтожное «я», что онъ былъ участникомъ фирмы Блуме, богатымъ и независимымъ. И каковъ однако былъ этотъ послѣдній годъ! Каждый день только обѣщаніе и обѣщаніе, неясныя мечты о блаженствѣ, которое манило вдали, и каждый день онъ долженъ былъ только повиноваться внутреннему голосу, который велѣлъ ему ожидать. Но имѣлъ ли онъ время на то? Могъ ли онъ ждать, достигнуть полуденной поры жизни? Какъ онъ ненавидѣлъ это слово.— «ждать».

На самомъ дѣлѣ Вейкколинъ былъ жертвою нерѣдко встрѣчающагося самообмана: онъ не замѣчалъ, что давно уже осуществилъ свои самые смѣлые планы, какіе были у него годъ тому назадъ, онъ не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣчать, что все сильнѣе натягивалъ тетиву, все далѣе отодвигалъ цѣль, постоянно требовалъ все большаго и большаго. Съ тѣхъ поръ какъ ему удалось спасти свой вкладъ у Блуме, онъ сталъ собственникомъ прекраснѣйшаго лѣса, приобрѣлъ компаньона и построилъ лѣсопильный заводъ, который еще нынче весной начнетъ работать.

Своей семьѣ онъ дѣйствительно не нашелъ, но были ли приложены имъ всѣ старанія, чтобы отыскать ее? Нѣтъ, напротивъ, его не разъ соблазняла надежда, что...

Впрочемъ это было дѣло иного рода. Онъ какъ будто не понималъ, что если обстоятельства сложатся не совсѣмъ неблагопріятно и на переکورъ его ожиданіямъ, то онъ черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ богатымъ человекомъ, разумѣется, не такимъ богачомъ, какимъ былъ когда-то Блуме, но все-таки...

Да, Блуме!.. И его мысли приняли другое направленіе. Теперь гроза должна разразиться, и что скажутъ Матти съ Маріей, когда она унесетъ съ собой все, что они имѣли? Но, по правдѣ сказать, это была не его вина. Вѣдь Матти могъ бы взять свои деньги отъ Блуме... Однако совѣсть не давала ему покоя. Онъ долженъ сознаться, что все случилось именно такъ, какъ онъ желалъ и предполагалъ. Чтобы избавиться отъ нареканій и успокоить свою совѣсть, онъ рѣшилъ на будущее время, послѣ того какъ произойдетъ неизбежное, доставить у себя занятіе этимъ добрымъ

людямъ. На его заводъ найдется и для нихъ работа, и онъ постарается хорошо вознаградить ихъ. И все-таки, пожалуй, было бы лучше предоставить ихъ своей участи. Тогда не могло бы произойти того, что было съ Вирсавіей. Но такія мысли положительное ребячество — ничего подобного не можетъ случиться въ дѣйствительности, нѣтъ, никогда въ жизни.

Впрочемъ, въ чемъ же онъ можетъ упрекнуть себя? Еслибы онъ въ свое время не принялъ мѣръ, съ нимъ вышло бы то же самое, что теперь съ Матти. И совѣсть его зачерствѣла, сердце застыло. Нѣтъ, своихъ денегъ онъ никогда бы не потерялъ. Вейкколинь чувствовалъ себя окруженнымъ врагами, которые хотѣли отнять у него принадлежащее ему золото, и оборонялся съ дикимъ отчаяніемъ. Некого винить въ томъ, что при этомъ пришлось пострадать силачу Матти и его красивой женѣ—это было несчастьемъ, только несчастьемъ.

Для начала, пожалуй, было бы лучше всего уѣхать; потомъ, когда порывы бури немного бы улеглись, онъ можетъ вернуться, тогда дѣло будетъ всѣмъ извѣстно, всѣми обсуждено и самое худшее останется позади.

Пока эти мысли роились въ головѣ Вейкколина, пароходъ шель мимо пустынныхъ заливовъ озера Саймы и сѣрыхъ, поросшихъ тощими елями, скалистыхъ острововъ, которые выступали изъ лона водъ.

Нигдѣ не видно было волнующагося поля, зеленѣющаго луга: суровая, мрачная, дикая природа на цѣлыя мили кругомъ. Только тамъ и сямъ, на дальнемъ разстояніи, бѣлый дымокъ, прямо и высоко подымавшійся къ синевѣ весенняго неба изъ той или другой отдаленной избушки, указывалъ на то, что и здѣсь живутъ люди.

Вдругъ изъ-за крутого поворота вокругъ одного мыса, среди пустыни, надъ скалами и елями, показались три могучія средневѣковыя башни, соединенныя между собою толстыми стѣнами. То былъ древній замокъ св. Олафа, старыя каменныя громады котораго возвышались на скалистомъ островѣ среди быстро текущихъ водъ. Маленькій пароходъ стремительно пронесся по проливу у подошвы замка, круто повернулъ на западъ и въ скоромъ времени причалилъ къ набережной въ городѣ Нейшлотѣ. На берегу происходило необыкновенное движеніе. — Что случилось въ

Суйккила? Былъ первый вопросъ, съ которымъ десятки лицъ обратились къ капитану парохода и къ Вейкколину, единственному его пассажиру.

— Въ Суйккила? въ Суйккила? Что могло тамъ случиться? Тамъ было все по старому.

На всѣхъ лицахъ былъ написанъ ужасъ и удивленіе.

— Но какъ же Блуме, Эмиль, развѣ вы не слышали, что Блуме умеръ? Вѣдь онъ же застрѣлился! И Вейкколинъ узналъ, что въ тотъ же день поутру, когда Паульсонъ пришелъ въ контору съ телеграммой изъ Англiи, извѣщавшей, что отсрочка платежей была разрѣшена, что англійская фирма высылала опытнаго человѣка помочь выясненію дѣла, — онъ увидѣлъ Эмиля лежащимъ въ лужѣ крови на полу.

Съ быстротой молніи, на крыльяхъ пара и электричества, разнеслась по всей Финляндіи мрачная вѣсть о смерти молодого Блуме.

Эмиль былъ еще молодъ и мало извѣстенъ, онъ не надолго обратилъ на себя общественное вниманіе, но фирма, старинная фирма, которая изъ поколѣнія въ поколѣніе управляла экономической жизнью Карелии, которая считалась такой надежной, такой солидной, это гордое зданіе, подобно замку св. Олафа тамъ, вдали, возвышавшееся надъ сотнями маленькихъ торговыхъ домовъ и фирмъ, съ ихъ болѣе или менѣе эфемернымъ существованіемъ, — тоже должна была отдать дань тяжелому времени. На кого можно теперь положиться? спрашивали вездѣ, куда достигало печальное извѣстіе. И сострадательные люди подумали обо всѣхъ поденщикахъ, скупщикахъ лѣса, рабочихъ на заводахъ, сотнями находившихся на службѣ фирмы, обо всѣхъ бѣднякахъ, ввѣрившихъ ей свои маленькія сбереженія. А потомъ крупные кредиторы... многіе ли изъ нихъ избѣгутъ банкротства?

Для Вейкколины извѣстіе о смерти Эмиля было совершенной неожиданностью и произвело на него потрясающее впечатлѣніе. Когда онъ пришелъ въ себя и мысли его прояснились, имъ овладѣло глухое негодованіе и злоба къ умершему. Еще вчера онъ обрисовывалъ все такими свѣтлыми и блестящими красками и сладкими рѣчами соблазнялъ Вейкколину рискнуть своимъ, нажитымъ въ страхѣ и тревогѣ, состояніемъ, и сейчасъ же послѣ того самъ, въ отчая-

ни отъ непрочности своего положенія, покончилъ расчеты съ жизнью. Но лицо барышника тотчасъ опять просвѣтлѣло, и онъ сказалъ себѣ: »Израѣль Вейкколинь былъ слишкомъ хитеръ для нихъ, его больше никто не надуесть; онъ сьумѣетъ остерегься«. И вотъ Блуме теперь не существовалъ больше, онъ былъ стертъ съ лица земли. А разъ это случилось, то тѣмъ лучше. Конкуррентъ, принужденный сбывать товаръ за всякую предложенную цѣну, былъ плохимъ товарищемъ, навлекавшимъ только несчаствіе.

Катастрофа съ Блуме была точно грозой, очистившей воздухъ. Еще два такихъ случая, и тѣ, кто недавно пустилъ ростки, кто стоялъ въ тѣни, тамъ, внизу, въ долинѣ, никогда не достаиваясь прямого луча золотого солнца, теперь начнутъ цвѣсти, теперь и для нихъ настанетъ весна. Вейкколину казалось, что онъ освободился отъ какого-то гнета, который давно тяготилъ его, мѣшая ему дышать. Онъ чувствовалъ себя освобожденнымъ, чувствовалъ, что онъ выросъ изъ своего прежняго общественнаго положенія, поднялся выше, сталъ господиномъ.

Прочъ всѣ угрызенія совѣсти! катастрофа была такъ велика, такъ громадна, что ему нечего было стѣсняться, онъ могъ спокойно вернуться домой.

Поэтому Вейкколинь взялъ билетъ перваго класса, что случилось съ нимъ первый разъ въ жизни, смѣло вошелъ на пароходъ и смѣшался съ пассажирами, стараясь казаться въ своей сферѣ между путешествующими дѣловыми людьми, туристами и студентами. Но какъ ни прилагалъ онъ всѣ старанія, чтобы непринужденно двигаться между прочими, онъ все-таки чувствовалъ пропасть, лежавшую между ними. Барышникъ спустился внизъ, въ каюту, и, затворивъ плотно дверь, сталъ вытаскивать свои брюки изъ-за голенищъ сапогъ. То было послѣднимъ превращеніемъ, которое должно было съ нимъ произойти, прежде чѣмъ онъ изъ гусеницы вылетитъ бабочкой на сіяющій солнечный свѣтъ. Прямые брюки на выпускъ, должны быть признакомъ того, что онъ покинулъ низшій классъ, получилъ мѣсто и голосъ между десятью тысячами представителей высшаго общества. Но какъ онъ ни разглаживалъ своихъ брюкъ, всѣ его старанія оставались тщетными, такъ какъ брюки провели все время своего существованія за голенищами, и его здравый смыслъ подсказалъ ему, что въ такомъ видѣ онъ не были пригод-

ны для предполагаемой метаморфозы. Немного сконфуженный и недовольный, Вейкколинь опять водворилъ ихъ на старое мѣсто и поднялся на палубу.

Какой чудесный весенній день! Вода прибывала, волны переливались и шумѣли. Вокругъ зубцовъ и башень св. Олафа кружились галки. Лапчатникъ и одуванчики цвѣли въ разсѣлинахъ стѣнъ и между обломковъ, чайки вились вокругъ башень, а касатки стрѣлою проносились вдоль освѣщенныхъ солнцемъ покатостей валовъ.

Солнечный свѣтъ, теплота дѣта и свобода дѣлали Вейкколиня счастливымъ, на столько счастливымъ, что онъ позабылъ о непріятности со своимъ переодѣваніемъ и объ исторіи съ Матти...

Но когда онъ, черезъ нѣсколько дней, прибылъ въ Кискиля, счастьемъ его пришелъ конецъ. Насталъ вечеръ, прежде чѣмъ Вейкколинь успѣлъ дойти до своей избы, принадлежавшей прежде Матти. Солнце сѣло уже часа два тому назадъ, блѣдная лѣтняя ночь спустилась на окрестности, а съ ней опять вернулись мрачныя мысли. Тяжело показалось Вейкколину подниматься на пригорокъ, гдѣ стояла изба. Какъ ему начать разговоръ, въ какихъ выраженіяхъ затронуть вопросъ о конкурсѣ Блуме? Неужели имъ еще неизвѣстно все? И, когда Марія, умная, смышленная Марія, посмотритъ на него своими ясными глазами и своимъ пріятнымъ, груднымъ голосомъ начнетъ разспрашивать его, — какъ ему быть? А потомъ эта странная дѣвушка съ большими загадочными глазами, которые видѣли человѣка насквозь? Самое лучшее идти туда теперь, въ сумерки, и сейчасъ же начать разговоръ, а какъ? тамъ будетъ видно.

Но безъ сомнѣнія имъ было уже извѣстно, что у нихъ ничего не осталось кромѣ лошади Хурья, топора и своихъ рукъ. Иначе какъ объяснить это молчаніе, эту зловѣщую тишину вокругъ дома? Тутъ словно все вымерло. Не слышно было веселаго лая Халли, который каждый вечеръ, послѣ захода солнца, сманивалъ сосѣдскихъ собакъ лаять въ продолженіе цѣлыхъ часовъ. Хурья не топалъ въ конюшнѣ, куры тоже исчезли. Не видно было Анти и пріемыша, которые обыкновенно по вечерамъ играли въ свои вѣчныя «городки»; не было и кошки на крыльцѣ, однако дверь была отворена.

Въ это время мимо Вейкколиня, точно угорѣлая, ша-

рагнулась сова, чуть не задѣвъ его крыльями. Онъ отшатнулся отъ злобщей птицы... Его поразила мысль: что если какое нибудь несчастье... Нѣтъ, онъ не могъ больше выносить этой неизвестности. И, овладѣвъ собою, хладнокровный и рѣшительный, пропелъ онъ быстрыми шагами остальной путь до дома.

Вейкколинъ приблизился къ двери и отворилъ ее. Изба была пуста. Онъ прислушался—ни звука, ни движенія. Онъ тяжело перевелъ духъ и нерѣшительно подошелъ къ двери, ведущей внутрь комнаты. Тамъ было почти совсѣмъ темно; въ одномъ углу онъ увидѣлъ человѣка, лежавшаго ничкомъ, съ распростертыми руками, на столѣ, точно онъ былъ мертвъ.

Вейкколинъ ринулся впередъ — то былъ Клопъ, одинокий и пьяный, съ бутылками пива и водки вокругъ себя.

Вейкколинъ встряхнулъ его. Тотъ открылъ свои посоловѣлые тусклые глаза и оглянулся блуждающимъ взоромъ.

— Гдѣ остальные? гдѣ Матти, Марія и дѣти?

— Ихъ нѣтъ.

— Ихъ нѣтъ, гдѣ же они, гдѣ? Отвѣчай, тебя спрашиваютъ!

Ихъ нѣтъ, это я знаю, и голова Хультила опять тяжело опустилась на столъ. Онъ снова погрузился въ свой тяжелый сонъ. Не было возможности добиться отъ него ни слова болѣе.

Съ Вейкколина и этого было достаточно. Онъ долженъ опять остаться въ одиночествѣ, внѣ семейнаго крова и очага, наединѣ съ самимъ собою, со своими стремленіями и усиліями, а когда наступитъ ночь—со своей нечистой совѣстью и своими мечтами о царѣ Давидѣ и Вирсавіи. Онъ тяжело вздохнулъ и ушелъ въ свою комнату.

Окончаніе слѣдуетъ

ЗВѢРИ БАСЕНЬ КРЫЛОВА

Критическая фантазія

Подобно большинству баснописцевъ, Крыловъ заставлялъ въ своихъ басняхъ говорить и дѣйствовать различныхъ звѣрей и птицъ. Характеръ звѣрей, выступающихъ въ басняхъ, не случайный. Ихъ имена отнюдь не являются пустыми символами обозначенія тѣхъ или иныхъ пороковъ и добродѣтелей, по поводу которыхъ баснописецъ высказываетъ свое мнѣніе. Уже съ давнихъ поръ, со временъ Эзопа и Федра, звѣри эти имѣютъ опредѣленный характеръ — тотъ самый, какой приписываетъ имъ народный животный эпосъ, основанный на непосредственномъ наблюденіи образа жизни животныхъ. Потому, въ басняхъ, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, лисица является олицетвореніемъ хитрости, волкъ — жадности и грубости, медвѣдь — неуклюжести, левъ — благородства, заяцъ — трусости, овца — кротости, осель — глупости, свинья — невѣжества и неблагодарности, ворона — чванства, муравей — трудолюбія, стрекоза — вѣтренности и т. д. Но въ то время, какъ у Эзопа и Федра эти животныя являются простымъ символомъ выражаемыхъ ими страстей, а нравоученіе басни отличается элементарностью и общедоступностью, у баснописцевъ позднѣйшихъ временъ (а также у создателя художественнаго животнаго эпоса — Гете), вмѣстѣ съ усложненіемъ общей морали басни, усложняется и характеръ дѣйствующихъ въ ней животныхъ. Такъ у Лафонтена, на примѣръ, дѣйствующія въ его басняхъ животныя имѣютъ уже болѣе личный характеръ, и басни его являются въ нѣкоторомъ родѣ аллегоріями, подъ которыми можно видѣть намеки на современныя ему событія и лица.

Звѣри басенъ Крылова представляютъ еще дальнѣйшій шагъ въ томъ же направленіи. Вполнѣ сохраняя свой первоначальный характеръ, приданный имъ еще народнымъ эпосомъ, звѣри эти у нашего баснописца являются уже вполнѣ развитыми су-

ществами, со сложнымъ, интереснымъ характеромъ. Внимательно всматриваясь въ heroes-звѣрей басенъ Крылова можно замѣтить, что основныя черты ихъ характеровъ сохраняются неизмѣнными почти во всѣхъ басняхъ, въ которыхъ они являются. Подъ этими звѣриными шурами можно разсмотрѣть чисто человѣческія души, чисто человѣческія побужденія и разсужденія. Звѣри Крылова, въ сущности, нисколько не звѣри, и даже не отвлеченные символы страстей — но живые люди, представители современнаго Крылову общества. Мораль его басенъ вовсе не составляетъ ихъ цѣли, а только поводъ, случай поставитъ типичныхъ представителей русскаго общества передъ извѣстною нравственною задачею и показать, какъ рѣшаютъ они эту задачу, сообразно своимъ прирожденнымъ качествамъ и влеченіямъ. Въ басняхъ Крылова мы имѣемъ такую же галерею портретовъ общественныхъ типовъ, какъ и въ комедіяхъ современныхъ ему писателей, вродѣ „Недоросля“, „Горя отъ ума“ и другихъ.

Что, въ самомъ дѣлѣ, Осель басенъ Крылова, какъ не русскій вельможа, вродѣ Фамусова? Онъ ограниченъ, но по своему честенъ. Преслѣдуя птицъ, которыхъ онъ долженъ сгонять съ огорода, Осель готовъ потоптать самый огородъ. Онъ любитъ почести и, надѣвъ звонокъ, важничаетъ и чванится, не замѣчая, что звонокъ этотъ ему же служить ко вреду. Рожденный величиною съ бѣлку, онъ умоляетъ Зевса дать ему приличный размѣръ и голосъ, чтобы онъ могъ повѣдать о себѣ міру, не подозревая, что міръ узнаетъ только о его глупости. Осель самоувѣренъ и высокаго о себѣ мнѣнія, и не сомнѣвается, что слонъ попалъ въ милость ко льву только за большія уши. Осель доврчивъ, какъ истый русскій вельможа, сдающій все на руки секретарю, и, ослѣпнувъ, поручаетъ себя вести Филину, который и приводитъ Осла къ гибели. Наконецъ, Осель — меценатъ и, какъ всѣ меценаты, преавторитетно высказываетъ свои сужденія объ искусствѣ:

устаная въ землю лбомъ,
„Изрядно“, говорить, „сказать не должно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что не знакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ;
Еще-бъ ты болѣ наострился,
Когда бы у него немножко поучился“.

Лисица — это хитрый чиновникъ крыловскаго, да, пожалуй, и болѣе поздняго времени. Она идеальный секретарь для лица, власть имѣющаго, порочнаго въ душѣ, но любящаго сохранить личину порядочности и честности. Единымъ нюхомъ умѣетъ она понять, гдѣ и въ чемъ ея выгоды. Она подѣдетъ къ

чванной воронѣ съ лестью, чтобы получить подачку. Она даст тонкій совѣтъ льву, желающему избавиться отъ неприятныхъ ему за что-то пестрыхъ овецъ, не такъ грубо, какъ простоватый, честный медвѣдь,—передушить ихъ; но, напротивъ, ответи имъ лучшія пастбища, и только приставитъ въ пастухи имъ самыхъ надежныхъ и честныхъ волковъ. Она всегда въ милости у сильныхъ, потому что отлично знаетъ ихъ недостатки, льститъ, потакаетъ имъ и дѣлается необходимымъ повѣреннымъ и исполнителемъ, съ которымъ такъ легко объясняться, который такъ все понимаетъ съ полунамека... Лисица дружить съ сильнымъ волкомъ, но ничего не сдѣлаетъ сама для него, и въ минуты невзгоды послѣдняго предлагаетъ ему сѣнца, хотя про себя хранить запасъ мяса. Строя курятникъ, Лиса предупреждаетъ всѣ попытки нападенія на него, но для себя оставляетъ потайную лазейку. Несмотря на то, что рыльце у нея въ пуху, она умѣетъ сохранить прекрасную репутацію, такъ какъ ея хищность идетъ рука объ руку съ лицемѣріемъ, доходящимъ до сентиментальныхъ заботъ о покинутыхъ птенцахъ, на помощь которымъ она призываетъ другихъ птицъ, а сама, едва птенцы выпали на ея сладкій голосъ изъ гнѣзда, съѣдаетъ ихъ.

Напротивъ, Волкъ—это русскій захоластный помѣщикъ стараго времени. Онъ легкомысленъ, жаденъ, грубъ, неблагодаренъ. Журавлю, потребовавшему отъ него награды за извлеченіе застрявшей въ пасти Волка кости, онъ отвѣчаетъ:

„Тебѣ за трудъ? Ахъ ты неблагодарный!
 А это ничего, что свой ты долгій носъ
 И съ глупой головой изъ горла пѣль унесъ!
 Поди-жь, пріятель, убирайся,
 Да берегись: впередъ ты мнѣ не попадайся“.

Волкъ безжалостно преслѣдуетъ слабыхъ, всегда находя за ними вину. Онъ въ ссорѣ со всѣми сосѣдями, и въ случаѣ нужды ему не къ кому обратиться: онъ всѣмъ въ деревнѣ насолилъ. Волкъ нахалъ отъ природы и простираетъ дерзкую лапу даже къ столу льва. Но при всемъ томъ, Волку нельзя отказать въ извѣстной прямотѣ характера, и безстыдная лесть Лисицы передъ танцовальными способностями Медвѣдя возмущаетъ его до глубины души.

Другого болѣе симпатичнаго типа помѣщика видимъ мы въ Медвѣдѣ. Сколько такихъ мѣшкватыхъ, грубоватыхъ людей встрѣчается въ обществѣ! Въ нихъ есть и честность, и преданность, и трудолюбіе. Но природная неловкость разрушаетъ всѣ ихъ добрыя намѣренія. Захочетъ ли такой чловѣкъ-медвѣдь согнать муху со лба друга, онъ его расшибаетъ камнемъ; захочетъ заняться выдѣлкою дугъ, онъ только поло-

маеть деревья. Медвѣдъ непрощенно откровененъ, и грубо со-
вѣтуетъ кокетливой мартышкѣ:

Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучше-ль на себя, кума, оборотиться?

Медвѣдъ можетъ согрѣшить противъ честности, и когда его приставили къ ульямъ, онъ преспокойно потаскалъ медъ къ себѣ въ берлогу; но эта нечестность происходитъ не отъ нравственной испорченности, какъ у лисы, а отъ первобытной дикости и невѣжества, не позволяющихъ Медвѣдю различать добро и зло. Изгнанный въ свою берлогу, онъ не смущается идущей о немъ дурной молвою, и сосетъ свою лапу.

Мартышка — является портретомъ петиметровъ тогдашней эпохи, заботившихся о томъ, чтобы все перенимать заграни-
цей, безъ толку и безъ смысла. Французскій языкъ, француз-
скія моды, перенимаемыя русскими того времени, и вся эта „жалкая тошнота по сторонѣ чужой“ нашли свое превосходное изображеніе въ басняхъ объ обезьянахъ, запутавшихся въ сѣ-
тяхъ ловца, о мартышкѣ и очкахъ, и въ особенности объ обезьянѣ съ чурбаномъ.

Хлопотъ

Мартышкѣ полонъ ротъ:

Чурбанъ она то понесетъ,
То такъ, то сакъ его обхватитъ,
То поволочетъ, то покатитъ;
Рѣкой съ бѣдняжки льется потъ;
И наконецъ она, пыхтя, насилу дышитъ;
А все ни отъ кого похвалъ себѣ не слышитъ...

Не правда ли, какъ напоминаетъ эта мартышка членовъ огромнаго большинства нашихъ ученыхъ и благотворитель-
ныхъ обществъ, или научныхъ изслѣдователей прилагательныхъ Плавта и новыхъ болѣе трудныхъ способовъ рѣшенія диффе-
ренціальныхъ уравненій?

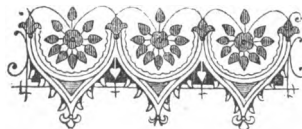
Ворона въ павлиньихъ перьяхъ — исторія скромнаго мѣщанина, лѣзущаго въ богатые люди; Львенокъ, учившійся искус-
ству управлять у орла — портретъ нашихъ молодыхъ хозяевъ,
учившихся за границей; Лягушка, старавшаяся раздуться съ
вода, — олицетвореніе завистливаго писаки, вродѣ того, о кото-
ромъ Баратынскій говорилъ, что онъ напоминаетъ котенка, мя-
укающаго на голосъ лебедя; Свинья подъ дубомъ — иллюстра-
ція къ тѣмъ сценамъ „Недоросля“, въ которыхъ г-жа Проста-
кова говоритъ о наукахъ; Свинья въ гостяхъ, видѣвшая только
задній дворъ и незамѣтившая палатъ, — аллегорія очень мно-
гихъ писателей, видящихъ въ жизни только матеріалистиче-
скую сторону, безъ всякаго проблеска высшаго и свѣтлаго;
исторія Кукушки, жаловавшейся Орлу, что ее не хотятъ при-
знавать соловьемъ, несмотря на право, данное ей Орломъ, на-

зываются именемъ соловья—очень знакомая исторія многихъ изъ нашихъ сановниковъ, сѣтующихъ на непризнаніе ихъ за слугъ...

Всѣ басни Крылова не столько сцены между животными на обще моральныя темы, сколько картинки русской жизни, эпиграммы на русскую дѣйствительность, написанныя бойкими, выразительными стихами. Крыловъ далъ такіе же художественныя типы представителей русскаго общества, какъ и другіе современныя ему писатели; только онъ называлъ ихъ не по имени и фамиліи, а именами животныхъ, причемъ существо дѣла отъ этого измѣняется только въ одномъ отношеніи.

Именно, обозрѣвая русское общество сквозь призму басенъ Крылова, видишь подчеркнутыми и выставленными на первый планъ звѣриныя стороны человѣческой природы. Кто-то находитъ, что каждый изъ людей непременно напоминаетъ какое-либо изъ животныхъ. Во внѣшнихъ чертахъ, въ манерѣ держаться, въ характерѣ у одного можно найти нѣчто напоминающее лошадь, у другого осла, у третьяго хорька, лисицу, зайца, какую нибудь хищную птицу, собаку, кошку, медвѣдя и т. д. Прочтя басни Крылова и всматриваясь въ окружающихъ людей, еще сильнѣе различаешь въ нихъ эти скрытыя звѣриныя свойства. И какимъ ужасомъ наполняется сердце, когда вмѣстѣ съ нашимъ добродушнымъ сатирикомъ, видишь въ окружающихъ людяхъ не человѣческія черты, созданныя по образу и подобию Божию, а хрюкающихъ свиней, рыкающихъ волковъ, кричащихъ ословъ; видишь эти ужасныя, грозныя, щелкающія челюсти, свидѣтельствующія объ ихъ плотоядныхъ аппетитахъ!.. Какія смутныя темныя стороны человѣческой природы разоблачилъ въ своихъ басняхъ Крыловъ, и какимъ ужаснымъ кошмаромъ представляется жизнь среди этого „человѣческаго“ общества!..

Пл. Красновъ

Изъ жизни И. А. Крылова

(Анекдотичная хроника)

Въ молодости Крыловъ отличался большою живостью характера, онъ любилъ толкаться среди народа, на торговых площадяхъ, около качелей и кулачныхъ боевъ, жадно прислушиваясь къ говору простолюдиновъ. Живя въ Твери, сиживалъ онъ по цѣлымъ часамъ на берегу Волги и потомъ передавалъ своимъ сослуживцамъ забавные анекдоты и поговорки, которые уловилъ въ рѣчахъ словоохотливыхъ прачекъ, сходившихся на рѣку съ разныхъ концовъ города. Можетъ быть, эти забавныя росказни были богатыми темами для многихъ изъ его басенъ. Въ „Тверскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 1847 г. находимъ нѣсколько анекдотовъ, характеризующихъ его добродушіе и простоту нрава. „Я зашелъ однажды къ Ивану Андреевичу“, говоритъ близко знавшій его знакомый, и обошелъ всѣ комнаты; въ нихъ не было ни одной живой души; плачь ребенка привелъ меня въ кухню. Въ ней я полагалъ найти кого либо изъ слугъ Крылова, но нашелъ тамъ самого хозяина. Онъ сидѣлъ на простой свамейкѣ; въ колыбели передъ нимъ лежалъ ребенокъ, неугомонно кричавшій. Иванъ Андреевичъ съ отеческою заботливостью качалъ его и прибавкивалъ. На спросъ мой—давно ли занимается этимъ ремесломъ, онъ преспокойно отвѣчалъ: „Чтожъ дѣлать? Негодяи, отецъ и мать, бросили на мои руки бѣднаго ребенка, а сами ушли, Богъ знаетъ куда“. Крыловъ продолжалъ усердно исполнять обязанность няньки до тѣхъ поръ, пока не возвратилась мать.

==

Живя въ Петербургѣ, въ концѣ прошлаго столѣтія, въ домѣ адмирала де-Рибаса, у Лѣтнаго сада (нынѣ дворецъ принца Ольденбургскаго), онъ велъ вполне патріархальную жизнь, хо-

диль въ одномъ халатѣ въ театрѣ, стоявшій тогда на Царицыномъ лугу, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ его дома. Вставая съ постели, онъ въ одной рубашкѣ подходилъ къ окну и нерѣдко въ такомъ видѣ разыгрывалъ по часамъ на скрипкѣ варіаціи на русскія пѣсни. Крыловъ имѣлъ обыкновеніе ходить купаться въ одномъ бѣльѣ въ каналъ, протекающій у сада. Купался онъ всегда до большихъ морозовъ, скачками проламывая ледъ, и, выкупавшись, бѣгомъ спѣшилъ домой.

Про жизнь поэта въ деревняхъ: въ кievской, полтавской и саратовской губерніяхъ, сохранилось также нѣсколько преданій. Такъ, въ Зубриновкѣ князя Голицына рассказывали какъ онъ разъ пропадалъ цѣлый день и, наконецъ, отыскался спящій на колокольнѣ сельской церкви. Тамъ же, по мѣстному преданію, онъ окончилъ свою шуточную комедію „Трумфъ“, въ которой самъ исполнялъ главную роль героя. Проводя время въ деревнѣ часто въ совершенномъ бездѣйствіи, онъ разъ дошелъ до того, что прожилъ нѣкоторое время на положеніи дикаго человѣка, обросъ волосами, отростилъ длинные ногти и т. п. Въ такомъ видѣ засталъ его пріѣздъ хозяина имѣнія. Крылову пришлось сторѣть отъ стыда и оправдываться въ своей лѣни. Хозяинъ приказалъ обрить и одѣть его почти насильно. Когда же Крылову надоѣдали лѣнь и бездѣйствіе въ деревнѣ, онъ ѣздилъ по ярмаркамъ, гдѣ съ большимъ азартомъ предавался карточной игрѣ. Во время такихъ ярмарочныхъ разгуловъ Крылову разъ посчастливилось выиграть въ карты тридцать тысячъ рублей.

Крыловъ былъ чрезвычайно крѣпкаго сложенія и щеголялъ здоровьемъ, но особенно желудкомъ. Покушать онъ иногда любилъ такъ много, что такіе его подвиги могли всѣхъ приводить въ ужасъ. Однажды онъ велѣлъ приготовить себѣ къ обѣду пряженыхъ пирожковъ. Ихъ подали ему; онъ скушалъ ихъ съ десятокъ, потомъ спохватился, что въ нихъ былъ какой-то странный вкусъ да и цвѣтъ необыкновенный. Кликнулъ кухарку. Нѣтъ ея, она ушла въ лавочку. Онъ пошелъ самъ въ кухню, видитъ на плитѣ стоитъ кастрюля, нечищенная и нелуженая съ незапамятныхъ временъ, заглянулъ въ нее: зеленые пирожки, т. е. покрытые ярью, плавали въ зеленомъ маслѣ. Посмотрѣлъ, посмотрѣлъ, ихъ было числомъ шесть. „Да что“, подумалъ онъ: „вѣдь это ничего; съѣлъ же я десятокъ, а шесть куда не шло!“ и покончилъ съ ними.

Слыша жалобы нѣкоторыхъ людей на слабость желудка, онъ улыбаясь говорилъ: „А я такъ, бывало, не давалъ ему по-

тачки. Если чуть онъ задурить, то я наѣмся вдвое, такъ онъ себѣ какъ хочетъ развѣдывайся“.

Крыловъ ѣлъ обыкновенно обѣдъ простой, но сытный, такъ называемый русскій: щи, солонину, кулебяку, жирные пирожки, гусь съ груздями, сигъ съ яйцами, поросенокъ подъ хрѣномъ, кашу и т. п. Иногда его соблазняли и устрицы; послѣднихъ онъ сѣдалъ не менѣе 80, но никакъ не болѣе ста, запивая англійскимъ портеромъ. Послѣ обѣда онъ любилъ вздремнуть. И такой привычки онъ не покидалъ, даже обѣдая у своихъ знакомыхъ.

Сядясь за столъ въ англійскомъ клубѣ, онъ подвязывалъ себѣ салфетку подъ самый подбородокъ и обшлагомъ стиралъ съ нея капли супа и соуса, которыя падали на нее; отъ движенія салфетки развязывалась и падала, но онъ не замѣчалъ и продолжалъ обшлагомъ тереть по бѣлому жилету (который онъ носилъ почти постоянно) и по манишкѣ. Каждого подаваемого блюда онъ вѣлъ себѣ на тарелку столько, сколько его вѣзало. По окончаніи обѣда онъ вставалъ и, помолвившись на образъ, постоянно произносилъ: „много ли надо человѣку?“ что возбуждало общій хохотъ въ его сотрапезникахъ, видѣвшихъ сколько именно надо Крылову.

Крыловъ любилъ хорошо покушать, и рѣдко кто съ нимъ могъ выдержать за столомъ. Приглашенный разъ къ графу В. В. Мусину-Пушкину на итальянскія макаронны, онъ опоздалъ. „Семеро одного не ждутъ“, сказалъ графъ, и сѣли за столъ. Крыловъ пріѣхалъ, когда оканчивали уже третье блюдо. Это были знаменитые макаронны. Виноватъ! сказалъ графъ, такъ вотъ вамъ и наказаніе. Онъ наложилъ горою тарелку макаронъ Крылову и подалъ виновному. Иванъ Андреевичъ съ честью вынесъ это наказаніе. „Ну“, сказалъ графъ, „это не въ счетъ, теперь начинайте обѣдъ съ супа по порядку“; и третьимъ блюдомъ Ивана Андреевича опять была точно такая же гора макаронъ, потомъ обѣдъ продолжался своимъ порядкомъ. При концѣ обѣда кто-то спросилъ Крылова, что какъ его желудокъ? „Да что ему сѣдается“, отвѣчалъ онъ смѣясь: „я, пожалуй, хоть теперь еще готовъ провиниться“.

Крыловъ какъ плотно обѣдалъ, такъ и плотно ужиналъ. Однажды на вечерѣ у А. А. Перовскаго, передъ самымъ ужиномъ, зашла рѣчь о томъ—здорово ли ужинать? Мнѣнія раздѣлились: кто-то сказалъ, что ужины ему положительно вредны и что доктора ему запретили ужинать. „А я такъ“, сказалъ Крыловъ, накладывая себѣ верхомъ заливное изъ стерляди, „ужи-

нать перестану навѣрное въ тотъ день, съ котораго перестану обѣдать. Крыловъ сдержалъ свое слово: дѣйствительно, передъ смертью, въ послѣдній разъ, онъ поѣлъ каши съ протертыми рябчиками—и послѣ этого пересталъ обѣдать и ужинать. Желудокъ измѣнилъ ему только одинъ разъ.

У Крылова было нѣсколько домовъ, гдѣ его баловали любимицами имъ кушаньями. Такъ, болѣе тридцати лѣтъ ходилъ онъ въ домъ извѣстнаго мецената А. Н. Оленина, гдѣ ѣлъ гречешные блины, какъ говорится, чуть ли не аршинами. Почасту также любилъ онъ обѣдать у графини С. В. Строгоновой. Въ тотъ день, когда Крыловъ предполагалъ обѣдать у графини, онъ самъ или посланный его утромъ предупреждалъ о томъ швейцара графини. Послѣ такого заявленія повару давалось знать, что къ обѣду будетъ Крыловъ; это значило, чтобы были кулебяка и щи. Эти кушанья для Ив. Андр. были самыя удобоваримыя для его простой русской натуры. Кстати надо сказать, что когда Крыловъ обѣдалъ у графини, то всѣ гости и домашніе непременно должны были говорить по русски. Это было закономъ. Если же кто либо невзначай нарушалъ его, то Строгонова тотчасъ останавливала нарушителя. Извѣстный сардинскій посланникъ графъ де-Местръ, прожившій въ Россіи 14 лѣтъ (съ 1802 по 1816 годъ), говорить про домъ Строгоновой, что онъ былъ для него нѣчто новое и небывалое, и онъ, еслибы самъ не убѣдился, то не повѣрилъ бы никому, что въ такомъ знатномъ домѣ говорить и читаютъ по русски.

Изъ разсказовъ графини Строгоновой про Крылова извѣстны слѣдующіе. Иванъ Андреевичъ признавался графинѣ, что первая журнальная похвала на его какое-то сочиненіе имѣла на него громадное вліяніе. „Скажу вамъ откровенно“, говорилъ онъ, „въ молодости я былъ лѣнивъ, да и теперь, признаться, не могу избавиться отъ этого. Разъ я что-то написалъ; журналъ, который разбиралъ мой трудъ, похвалилъ—это меня заохотило, и я началъ трудиться. Сдѣлалъ ли я что нибудь—русской судить потомство, только думаю, что не похвали меня тотъ журналъ, не писалъ бы Иванъ Крыловъ то, что онъ написалъ впоследствии“.

Графиня Строгонова однажды спросила Крылова—зачѣмъ онъ не пишетъ болѣе басенъ? „Потому“, отвѣчалъ Крыловъ, „что я болѣе люблю, чтобы меня упрекали для чего я не пишу, нежели дописаться до того, чтобы спросили, зачѣмъ я пишу“.

Самымъ любимымъ домомъ Крылова былъ домъ А. Н. Оленина. Трудъ. 1894. XXIV. 12.

нина; сюда нашъ баснописецъ приходилъ по нѣсколько разъ въ недѣлю, здѣсь обѣдалъ и послѣ засыпалъ на креслѣ. Иногда послѣ сытнаго обѣда Крыловъ подолгу храпѣлъ, пугая хозяевъ своимъ тяжелымъ сномъ. Однажды дочери Оленина, привыкшія къ ласковому „дѣдушкѣ“, стали совѣтываться какъ разбудить старика. Онѣ рѣшились всѣ три поцѣловать его въ лобъ. Крыловъ проснулся и, тронутый милою шуткою, написалъ стихотвореніе „Три поцѣлуя“. Крыловъ едва ли не всѣ свои басни читалъ въ домѣ Оленина. Семью Оленина Крыловъ боготворилъ. Когда съ Крыловымъ случился второй ударъ, въ 1823 году, больной онъ кое-какъ дотащился до дома Олениныхъ на Фонтанкѣ, противъ Обуховской больницы, и сказалъ женѣ Оленина, которая заботами о немъ была ему точно вторая мать: „Вѣдь я сказалъ вамъ, что приду умереть у ногъ вашихъ; взгляните на меня“. Крыловъ оставался въ домѣ Олениныхъ до выздоровленія.

Лѣтомъ Крыловъ гостилъ на мызѣ Оленина „Пріютино“, за Малой Охтой; добрый хозяинъ устроилъ поэту у себя въ саду маленькій домикъ, прозванный домашними „Крыловскою кельею“. Въ 1849 году, когда „Пріютино“ принадлежало доктору Адаму, были еще слѣды этой кельи, служившей тогда сараемъ для картофеля. Въ „Пріютинѣ“ Крылова всегда можно было видѣть въ сѣромъ испачканномъ и испятванномъ, широкомъ какъ балахонъ, съ нѣсколькими заплатками, фракѣ. Почти каждый день здѣсь онъ послѣ сытнаго обѣда крѣпко всхрапывалъ въ креслѣ, не вынувъ даже салфетки изъ-за галстука. Послѣ сна онъ выпивалъ добрый графинъ квасу прямо съ ледника и затѣмъ начиналъ дымить свою толстую бременскую сигару, которую вынималъ изъ расшитаго по канвѣ шелками портсигара вмѣстѣ съ фосфорическою зажигалкою, какія любители куренія носили въ то время при себѣ. На дачѣ Оленина Крыловъ написалъ нѣсколько басенъ, въ числѣ которыхъ „Водолазы“ читаны имъ въ годовщину празднованія открытія Публичной бібліотеки.

Изъ застольныхъ разсказовъ о Крыловѣ существуетъ одинъ, который передаетъ Жуковскій. Однажды онъ былъ приглашенъ на обѣдъ къ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ въ Павловскѣ. Гостей за столомъ было немного. Жуковскій сидѣлъ возлѣ него. Крыловъ не отказывался ни отъ одного блюда. Да отказисъ хоть разъ, Иванъ Андреевичъ, шепнулъ ему Жуковскій *), дай

*) Вангышъ-Каменскій говоритъ, что сосѣдомъ Крылова за столомъ былъ Капницъ, авторъ „Ябеды“.

императрицѣ возможность попочивать тебя. „Ну, а какъ не попотчуетъ“, отвѣтилъ онъ и продолжалъ накладывать себѣ на тарелку. Крыловъ говорилъ, что за столъ надо такъ садиться, чтобы, какъ скрипачу, свободно дѣйствовать правою рукою. Такъ и старался онъ всегда садиться. Онъ очень любилъ ботвинью и забавно повѣствовалъ исторію ея и чрезъ какія постепенныя усовершенствованія должна была она проходить, чтобы достигнуть до того, чѣмъ кушанье это нынѣ является, хорошо и со всѣми удобствами приготовленное.

Въ крыловскіе годы гостепріимство нашихъ баръ доходило до баснословныхъ предѣловъ. Ежедневный открытый столъ персонъ на 30—50 держали многіе изъ вельможъ; за такой столъ садился кто хотѣлъ—не только родные и знакомые, но иногда и совсѣмъ незнакомые хозяину. Крыловъ рассказывалъ, что къ одному изъ такихъ баръ повадился постоянно ходить одинъ скромный искатель обѣдовъ и чуть ли не изъ сочинителей. Разумѣется, онъ садился въ концѣ стола, и также, разумѣется, слуги обходили блюдами его какъ можно чаще. Однажды понесчастливилось ему пуще обыкновеннаго: онъ почти голодный всталъ изъ-за стола. Въ этотъ день именно такъ случилось, что хозяинъ послѣ обѣда, проходя мимо него, въ первый разъ заговорилъ съ нимъ и спросилъ: „доволенъ ли ты?“ „Доволенъ, ваше сіятельство“, отвѣчалъ онъ съ низкимъ поклономъ: „все было мнѣ видно“.

Крыловъ имѣлъ нѣсколькихъ недоброжелателей. Преданіе говоритъ, что такимъ былъ извѣстный піита того времени графъ Хвостовъ. Онъ изобразилъ поэта въ слѣдующихъ каррикатурныхъ чертахъ:

Небритый и нечесанный,
Взвалившись на диванъ,
Какъ будто неотесанный
Какойнибудь чурбанъ,
Лежитъ совсѣмъ разбросанный
Зондъ Крыловъ Иванъ.
Обѣлся онъ иль пьянъ?

Крыловъ, угадавъ автора, сказалъ Хвостову: „Въ какую хочешь нарядись кожу, мой милый, а ушка не спрячешь“. Крыловъ отомстилъ Хвостову самымъ оригинальнымъ образомъ: подъ предлогомъ желанія прослушать какіе-то новые его стихи напросился къ нему на обѣдъ, ѣлъ за троихъ и послѣ обѣда, когда амфитріонъ, пригласивъ гостя въ кабинетъ, сталъ читать стихи свои, онъ безъ церемоніи повалился на диванъ, заснулъ и проспалъ до поздняго вечера.

Крыловъ съ Хвостовымъ всегда были неотервенны и сдер-

жаны оба. Хвостовъ не могъ простить ему, что онъ тонко издѣвается надъ нимъ и не упустилъ случая отплатить ему той же монетой. На торжественномъ молебнѣ въ Казанскомъ соборѣ Крыловъ встрѣтилъ Хвостова. „Ну, что, графъ“, спросилъ онъ его, „не напишете ли оды? Вы, конечно, пришли сюда за вдохновеніемъ? Графъ обидѣлся. „Почему же я именно долженъ писать?“ спросилъ онъ, „вы также пишете стихи, какъ говорить, очень хорошіе“. „Мои стихи“, отвѣчалъ Крыловъ: „ничтожныя басни, а вы парите высоко, вы лирике!“

Но особенно кольнуло Хвостова одно критическое замѣчаніе Крылова. Стихи Хвостова на отъѣздъ двухъ высочихъ лицъ начинались словами: „Изъ нѣдръ отечества надежда, честь Россіи...“ Прочитавъ это, Крыловъ шутя замѣтилъ, что слѣдовательно по отъѣздѣ этихъ особъ Россія остается безъ чести и надежды... Обиженный Хвостовъ написалъ и едва не напечаталъ предлинную антикритику на эту шутку.

Во время войны 1812 года извѣстный ревнитель чистоты русскаго слова Александръ Шишковъ былъ назначенъ государственнымъ секретаремъ ради его патріотическаго духа и стила. Государь пожаловалъ ему на дорогу придворную карету. На прощальномъ обѣдѣ у Хвостова хозяину подали пакетъ — въ немъ находились слѣдующіе стихи:

„Шишковъ, оставя днесъ Бесѣды свѣтлый домъ,
Ты ѣдешь въ дальній путь въ каретѣ подъ орломъ.
Нашъ добрый царь, тебѣ вручая важно дѣло,
Старается твое беречь, поковать тѣло;
Лишь это надобно, о тѣлѣ только рѣчь —
Непоколебимый духъ умѣешь самъ беречь.“

Иванъ Крыловъ“.

Хозяинъ слазалъ: „не диво то, что нашъ Крыловъ умно сказалъ, а диво, что онъ самъ стихи переписалъ“. Крыловъ всачески откренчивался отъ „литературнаго подкидыша“, какъ онъ называлъ эти стихи; но они остались за нимъ. Крыловъ говорилъ о Шишковѣ какъ о литераторѣ: „слѣдовать примѣрамъ его не должно, а пользоваться иными критиками его можетъ быть полезно“. Крыловъ обычно одѣвалъ мысль свою обличкомъ аполога. „Шишковъ въ этомъ отношеніи“, продолжалъ онъ, „похожъ на человѣка, который доказывалъ бы какъ опасно употреблять недостаточно луженую кухонную посуду и сталь бы совѣтовать чаще лудить ее сурикомъ“.

У Крылова было нѣсколько враговъ и помимо Хвостова. Извѣстный впоследствии графъ Блудовъ сказалъ о новомъ со-

браніи басень Крылова, что вышли новыя басни Крылова съ свиньею и съ виньетками.

„Свинья на барскій дворъ когда-то затесалась“ и проч. Строгий и нѣсколько изысканный вкусъ Блудова не допускалъ появленія хавроньи въ поэзіи. Какой-то французскій критикъ въ такомъ же направленіи, какъ говорилъ князь Вяземскій, осуждалъ Крылова за то, что онъ выбралъ гребень предметомъ содержанія одной изъ своихъ басень вѣроятно на томъ основаніи, что есть французская поговорка: „грязень какъ гребень“. Противникомъ таланта Крылова былъ и извѣстный А. И. Тургеневъ и на горячіе хвалы таланту Крылова говорилъ: „увидимъ что скажетъ потомство“.

Про домашнюю жизнь Крылова сохранилось множество анекдотовъ. Въ домашнемъ быту Крыловъ былъ радушень, разговорчивъ, но искрененъ рѣдко, и только съ близкими и испытанными друзьями онъ былъ откровененъ. Крыловъ всегда былъ покоенъ и никогда не выходилъ изъ себя. Онъ велъ спокойную, счастливую жизнь. По утрамъ и вечерамъ друзья находили его всегда въ одномъ дырявомъ поношенномъ халатѣ, а иногда въ одной рубашкѣ, босикомъ или въ туфляхъ, сидящаго на истертомъ старомъ диванѣ съ сигаркою въ одной рукѣ (сигарь онъ выкуривалъ въ день до полусотни) и съ книгою въ другой. Часто выходитъ изъ дома Крыловъ не любилъ; по окончаніи обѣда дома онъ дремалъ тутъ же на креслѣ; этой привычки онъ не покидалъ, посѣщая друзей и даже англійскій клубъ, въ которомъ числился членомъ болѣе тридцати пяти лѣтъ. Въ англійскомъ клубѣ долго оставалось незаврощеннымъ пятно на стѣнѣ, сдѣланное его головою, покоившеюся послѣ сытнаго обѣда. На этомъ мѣстѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, впоследствии стоялъ бюстъ Крылова. Вечеромъ иногда онъ отправлялся въ театръ; въ клубѣ онъ нерѣдко игралъ въ карты или держалъ заклады и пари во время интересной билліардной игры. Домой возвращался онъ поздно ночью, но подъ старость приходилъ домой ранѣе.

Въ англійскомъ клубѣ, въ этомъ разнообразномъ и многочисленномъ обществѣ въ то время, онъ любилъ наблюдать людей и иногда очень тонко подсмѣивался надъ нѣкоторыми. Однажды пріѣзжей помѣщикъ, любившій похвастать, рассказывая о стерлядяхъ, которыя ловятся у него въ имѣніи, неосторожно увеличивалъ ихъ длину. „Разъ“, сказалъ онъ: „передъ самымъ моимъ домомъ мои люди вытащили стерлядь. Вы не повѣрите, но увѣрю васъ—длина ея вотъ отсюда... до...“ Помѣщикъ, не договора фразы, протянулъ руку съ одного конца длиннаго стола по направленію къ другому, гдѣ сидѣлъ Крыловъ. Тогда

Иванъ Андреевичъ, хватаясь за стулъ, сказалъ: „Позвольте, я отодвинусь, чтобъ пропустить вашу стерлядь!“

Крыловъ дома не держалъ хорошей прислуги—у него всегда служили простыя бабы, только когда онъ жилъ на Васильевскомъ Островѣ онъ держалъ повара и казачка. Опрятностью его квартира не отличалась—его слуги дѣлали только то, что было необходимо. У него была кухарка Фенюшка, которая растапливала печи книгами—греческими классиками. При деньгахъ иногда Крыловъ позволялъ себѣ роскошь. Такъ, послѣ продажи басень Смирдину за 40 тыс. руб., онъ завелъ новую мебель, купилъ серебряный сервизъ, полъ устлалъ прекраснымъ ковромъ; купилъ у Гамбса превосходную краснаго дерева этажерку, наставилъ на нее множество дорогого прекраснаго фарфора и хрустала; завелъ нѣсколько дюжинъ полотнянаго и батиствоваго бѣлья. И нѣсколько дней все это у него было въ порядкѣ. Но затѣмъ опять тотъ же беспорядокъ: на коврѣ насыпанъ овесъ для слетѣвшейся цѣлой стаи изъ Гостиного Двора голубей. Самъ хозяинъ любилъ любоваться на этихъ пернатыхъ, сидя на диванѣ съ сигарой во рту, тѣшась аппетитомъ и воркованьемъ этихъ птицъ. При входѣ каждаго голуби стаю поднимались съ ковра, брнчали и валились съ горки отъ этого хрустала и фарфора. Такъ что черезъ мѣсяцъ на горкѣ уже лежали одни окурки его сигаръ да густая пыль вмѣстѣ съ голубинымъ пометомъ, а отъ дорогого фарфора и хрустала не оставалось уже ничего. Также и дорогой коверъ представлялъ только одно подобіе.

Въ другой разъ онъ купилъ себѣ до тридцати кадокъ съ померанцевыми и лавровыми деревьями и такъ заставилъ ими комнаты, что съ трудомъ проходилъ и ворочался между ними. Но такой импровизованный садъ существовалъ недолго: вскорѣ онъ засохъ и пропалъ отъ неполивки и отсутствія надзора. Крыловъ не любилъ заботиться о своемъ туалетѣ; чаще всего онъ былъ нечесанный и невытѣтый; платья его тоже всегда были въ пыли и пуху; особенно грязна была его жилетка, вѣчно залитая соусами и супомъ. Зимняя его одежда верѣдко по нѣсколько мѣсяцевъ висѣла на чердакѣ, покрытая пылью и паутиною. Разсѣянность Крылова иногда доходила до того, что онъ клалъ въ свой карманъ вмѣсто носового платка все, что ни попадалось въ руки, свое или чужое. За обѣдомъ вытиралъ носъ онъ иногда то чулкомъ, то чепчикомъ, который вытаскивалъ изъ своего кармана вмѣсто носового платка,

Разсѣянность его доходила до того, что разъ, когда онъ

собирался во дворецъ къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и шель уже по лѣстницѣ въ залу, чтобы представиться, А. Н. Оленинъ, бывшій съ нимъ, обратился къ нему: „Дай-ка взглянуть на тебя, Иванъ Андреевичъ, все ли на тебѣ въ порядкѣ?“ „Какъ же, Алексѣй Николаевичъ, неужто я пойду неряхой во дворецъ? На мнѣ новый мундиръ. Да что это за пуговицы на немъ? Ахти! онѣ еще въ бумажкахъ, а мнѣ и не въ домекъ ихъ раскутать!“

Въ другой разъ онъ, входя въ залу на званый обѣдъ, явился во фракѣ безъ жилета. „Куда ты дѣвалъ жилетъ?“ спросилъ его хозяинъ. „Какъ жилетъ? онъ на мнѣ“. Глядь, и на самомъ дѣлѣ на немъ жилета не было. Крыловъ и самъ не могъ этому надивиться, онъ хорошо помнилъ, что надѣлъ его и, садясь въ карету, видѣлъ его на себѣ. Потеря же случилась такъ—йдучи въ каретѣ въ большой морозъ, онъ высвободилъ понемногу свои руки изъ обоихъ рукавовъ и прижалъ ихъ покрѣпче подъ рубахою къ груди, чтобы ему было теплѣе, но, когда надо было выходить изъ кареты, онъ въ попыткахъ всунуть свои руки въ рукава, но жилетъ между тѣмъ отъ дорожной тряски опустился и сползъ на низъ. Швейцаръ жилетъ поднялъ у подъѣзда.

Крыловъ очень любилъ гулять пѣшкомъ. Нерѣдко для прогулокъ онъ выбиралъ отдаленныя мѣста. Такъ, онъ зачастую ходилъ на Карповку, на дачу къ своему сослуживцу академику Лобанову. Въ дурную погоду онъ ежедневно обходилъ Гостиный Дворъ по пяти разъ—гулялъ онъ по большей части по верхней линіи. Существуетъ анекдотъ, какъ разъ мѣховщики атаковали его, зазывая въ свои лавки. Крыловъ рѣшился прочесть рыночниковъ и къ каждому по зову приказчиковъ заходилъ въ лавку, заставляя показывать себѣ всевозможныя мѣха, и послѣ безконечныхъ показываній благодарилъ торговцевъ за удовольствіе, что онъ у нихъ видѣлъ такія хорошія вещи.

Однажды на Фонтанкѣ, по которой онъ обыкновенно ходилъ въ домъ Оленина, его нагнали три студента, изъ коихъ одинъ, вѣроятно, не зная Крылова, почти поравнявшись съ нимъ, громко сказалъ товарищу: „Смотри, туча идетъ“. „И лягушки заквакали“, спокойно отвѣчалъ баснописецъ въ томъ же тонѣ студенту.

Разъ на Невскомъ императоръ Николай I встрѣтилъ Крылова. „А, Иванъ Андреевичъ! Каково поживаешь? Давно не видались мы съ тобою!“ сказалъ императоръ. „Давненько, ваше

величество“, отвѣтилъ баснописецъ: „а вѣдь, кажись, сосѣди!..“
Государь жилъ тогда въ Аничковскомъ дворцѣ.

Однажды зашелъ Крыловъ къ одному своему знакомому. Слуга сказалъ ему, что баринъ спитъ. „Ничего“, отвѣтилъ Крыловъ, „я подожду“, и съ этими словами прошелъ въ гостиную, легъ тамъ на диванъ и заснулъ. Между тѣмъ хозяинъ просыпается, входитъ въ комнату и видитъ лицо совершенно ему незнакомое. „Что вамъ угодно?“ спросилъ Крыловъ. „Позвольте лучше мнѣ сдѣлать этотъ вамъ вопросъ“, сказалъ хозяинъ. „потому что здѣсь моя квартира“. „Какъ, да здѣсь вѣдь живетъ Н.“ „Нѣтъ возражилъ хозяинъ“, теперь живу я здѣсь, а г. Н. жилъ можетъ быть до меня“. Послѣ этихъ словъ хозяинъ спросилъ Крылова объ имени и, когда тотъ сказалъ, обрадовался случаю что видитъ у себя знаменитаго баснописца, и началъ просить его сдѣлать ему честь—остаться у него. „Нѣтъ ужъ“, сказалъ Крыловъ, „мнѣ и такъ теперь совѣстно смотрѣть на васъ“, и съ этими словами вышелъ.

Безпечность и хладнокровіе Крылова бывали ничѣмъ непоколебимы. Когда въ 1842 году былъ пожаръ смежнаго дома, гдѣ жилъ Крыловъ—тщетно умоляли его домашніе спасать имущество отъ очевидной опасности: не потребовалъ чашку чаю, пилъ съ большими разстановками, выкурилъ сигару, потомъ медленно сталъ надѣвать платье, вышелъ на улицу, взглянулъ на пылавшее строеніе, произнесъ: „не для чего перебираться“, возвратился въ свою квартиру и легъ спокойно на диванъ.

Точно также онъ отнесся и къ другой видимой опасности. Надъ диваномъ, гдѣ онъ спалъ, висѣла, сорвавшись съ одного гвоздя, наискось большая картина въ тяжелой рамѣ. Кто-то замѣтилъ ему, что и остальной гвоздь, на которомъ она держалась, не проченъ и что картина когда нибудь можетъ упасть и убить его. „Нѣтъ“, отвѣтилъ Крыловъ со свойственною ему безпечностью: „Уголь рамы долженъ будетъ въ такомъ случаѣ непременно описать косвенную линію и миновать мою голову“.

Крыловъ былъ не разъ приглашаемъ на придворные маскарады. На одномъ такомъ, устроенномъ великою княгиней Еленою Павловною, онъ явился въ костюмѣ музы Таліи и произнесъ, написанные имъ по этому случаю, стихи: „Продѣ-
вуху идетъ худая слава,

Что будто я весьма дурного нрава, и т. д.

На этомъ маскарадѣ присутствовалъ и Пушкинъ, одѣтый

циклопомъ. На другомъ придворномъ маскарадѣ, данномъ въ 1836 году императоромъ Николаемъ I-мъ, баснописецъ представлялъ стариннаго кравчаго въ шитомъ золотомъ кафтанѣ, въ красныхъ сапогахъ, съ большою серебристою бородою (одѣвалъ его актеръ В. А. Каратыгинъ), и прочелъ государю свою послѣднюю басню „Вельможа“. Послѣднимъ же произведеніемъ Крылова была эпитафія, написанная имъ на смерть его величайшаго друга, жены Оленина. Могила послѣдней не вдалекѣ отъ могилы Крылова на Александро-Невскомъ кладбищѣ.

Крыловъ, какъ говорятъ его современники, умеръ отъ „несваренія желудка“, умирая онъ сравнивалъ себя „съ крестьяниномъ, который, наваливъ на возъ непомерно большую поклажу рыбы, никакъ не рассчитывалъ излишне обременить своей немощной лошади только потому, что рыба была сушеная“.

Незадолго передъ кончиною Крылова Я. И. Ростовцевъ, душеприказчикъ баснописца, который безотлучно находился при немъ, спросилъ Ивана Андреевича: не мнителенъ ли онъ? „А вотъ послушайте какъ я мнителенъ“, отвѣтилъ Крыловъ: „Лѣтъ сорокъ тому назадъ я заболѣлъ сильно. Докторъ, который меня пользовалъ, сказалъ, что болѣзнь моя опасна, что мнѣ угрожаетъ параличъ и что единственное средство къ спасенію—строгая діета. Вотъ я и въ самомъ дѣлѣ послѣ того началъ держать діету, отказывался отъ всего лакомага, и такъ прошло недѣли съ три“. „Ну, а потомъ что же?“ спросилъ его собесѣдникъ. „Потомъ началъ опять все ѣсть, и Богъ хранилъ, ничего со мной не случилось“.

Это былъ послѣдній разговоръ Крылова часу во второмъ ночи, слѣдовательно за шесть часовъ до смерти.

М. И. Пыляевъ

За границей

Новости науки, литературы, искусствъ и общественной жизни

Современная нервность и болѣзни мозга. — Ароматическіе возбуждающіе напитки — чай, кофе, матэ. — Раціональная дезинфекція жилищъ помѣщений. — Способъ приготовления опиума на французской фабрикѣ въ Сайгонѣ. — Бирманцы и ихъ страна. — Къ вопросу о сохраненіи чувствительности у казенныхъ черезъ обезглавленіе. — Домашнее и школьное воспитаніе въ Англій. — Предразсудокъ относительно неудачи супружествъ, заключенныхъ въ маѣ.

Микробы до такой степени запленили все въ настоящее время, что даже нервныя болѣзни и тѣ такъ или иначе приводятся въ болѣе или менѣе тѣсную связь съ ними. Не даромъ наше время прозвано нервнымъ; всѣ тѣ таинственныя немощи, которыми теперь больно почти все цивилизованное человѣчество чуть не поголовно, за неизмѣнимъ явныхъ и осязательныхъ признаковъ, относятся къ нервамъ, и на нихъ все чаще и чаще сваливаются такія страданія, которыя просто на просто нечему другому приписать. Да и въ самомъ дѣлѣ, трудно отыскать въ человѣческомъ организмѣ другую составную часть, которая, по своей subtilности, нѣжности, была бы податливѣе на всякія вредныя воздѣйствія, чѣмъ мозговое и нервное вещество. Въ этомъ мягкомъ, бѣломъ, жирноватомъ веществѣ гнѣздятся таинственнѣйшія свойства человѣческаго существа — мысль и чувство. Какія силы порождаютъ эти явленія духовной жизни, въ чемъ ихъ сущность, въ чемъ ихъ механизмъ, — все это открытыя вопросы науки, притомъ почти безнадежно открытыя, такъ какъ рѣшенія ихъ даже и въ отдаленномъ будущемъ пока еще не предусматривается. Къ нервамъ и мозгу въ послѣднее время проявляется громаднѣйшій интересъ и въ наукѣ, и въ публикѣ и потому, думаемъ, будетъ не безынтересно сдѣлать краткій очеркъ нервныхъ болѣзней, пользуясь для него прекрасною замѣткою доктора Дарамберга по этому предмету, напечатанной въ „Journal des Debats“.

Сущности души, т. е. силъ, порождающихъ психическія

явленія, мы не знаемъ, но за то проявленія этихъ силъ, какъ нормальныя, такъ и болѣзненные очень хорошо изучены. Мозговое вещество заключено въ костный футляръ — черепъ и позвоночникъ. Оно не заполняетъ вплоть этихъ вмѣстительствъ, а все свободное мѣсто занято особою жидкостью, которой назначеніе заключается въ смягченіи ударовъ и въ сопротивленію сжиманію. Мозги головной и спинной представляютъ собою центральныя массы, отъ которыхъ отправляются во всѣ стороны нервныя стволы, заполняющіе своими безчисленными развѣтвленіями мельчайшіе закоулки нашего организма. Такимъ образомъ, различаютъ двѣ системы мозговаго вещества, несущія опредѣленную, особую работу, именно, центральную, воспринимающую, и внѣшнюю, ставящую нервную систему въ сношенія съ внѣшнимъ міромъ. Впечатлѣніе, передаваемое чувствительнымъ нервомъ мозгу обыкновенно вызываетъ въ немъ извѣстное движеніе, сокращеніе. Человѣкъ получаетъ ударъ — впечатлѣніе, и отвѣчаетъ на него тоже ударомъ — сокращеніе, отвѣтъ на вызванное раздраженіе. Центромъ всего этого рода явленій былъ мозгъ; онъ получилъ впечатлѣніе, переработалъ его, и превратилъ его въ отвѣтное дѣйствіе. Но не всегда впечатлѣніе сопровождается отвѣтнымъ дѣйствіемъ; это послѣднее не расходится, остается дома, откладывается въ запасъ. Извѣстный психіатръ Бриссо сравниваетъ мозгъ съ фотографическою пластинкою, на которой запечатлѣвается попавшее на нее изображеніе, но остается на ней скрытымъ, пока его не вызовутъ особымъ проявителемъ. Нашъ мозгъ, особенно въ дѣтствѣ, задерживаетъ массу впечатлѣній, которыя проявляютъ себя только впоследствии, подъ вліяніемъ разныхъ внѣшнихъ воздѣйствій. Мозговой центръ хранитъ образы, т. е. прочныя воспоминанія раздраженій, приходящихъ извнѣ; это задерживающій, закрѣпляющій центръ. Сѣрое вещество, образующее мозговую оболочку, какъ истая фотографическая пластинка, воспринимаетъ и надолго удерживаетъ внѣшнее впечатлѣніе въ скрытомъ видѣ. Нервы несутъ электрическія, свѣтловыя, тепловыя, звуковыя волны къ мозговой оболочкѣ, на которой они награвировываются какъ звуки на цилиндръ фонографа. Конечно, эта гравюра тѣмъ яснѣе и выпуклѣе, чѣмъ совершеннѣе воспринимающій аппаратъ, т. е. мозгъ; совершенство же его находится въ прямой зависимости отъ натуры каждаго индивидуума, отъ его здоровья, возраста, отъ массы внѣшнихъ вліяній. Наконецъ, ясность и отчетливость рисунка на мозговой оболочкѣ зависитъ и отъ качества раздраженія, отъ длины и высоты волны, о которыхъ мы упомянули выше. Запечатлѣнное раздраженіе подготавливаетъ матерьялъ для памяти; съ теченіемъ времени полученныя мозгомъ впечатлѣнія

стираются, или подвергаются разнымъ видоизмѣненіямъ и уклоненіямъ, зависящимъ отъ характера тѣхъ измѣненій, которымъ, съ лѣтами, подвергается мозговое вещество. Возможенъ, конечно, и тотъ случай, когда впечатлѣнія, разъ полученныя мозгомъ, такъ и останутся въ мозгу, не будучи ни разу вызваны, подобно, опять таки, фотографическимъ пластинкамъ, которыя восприняли на себя изображенія и лежатъ непроявленныя въ своемъ ящикѣ. Но каждый разъ соответствующее внѣшнее впечатлѣніе непременно вызываетъ воспоминаніе, если только въ мозгу было раньше запечатлѣно какое нибудь подходящее раздраженіе. Представленіе о какомъ бы то ни было предметѣ, всегда ничто иное, какъ воспоминаніе. Для того, чтобы это представленіе было отчетливымъ, надо чтобы внѣшнее раздраженіе вызвало, проявило, всѣ оставшіяся въ мозгу раньше имъ полученныя впечатлѣнія отъ этого предмета. Бриссо приводитъ такой примѣръ связи представленій. Когда мы слышимъ колокомъ, то наше впечатлѣніе не ограничивается однимъ звономъ его; мы въ то же время ясно представляемъ себѣ видъ колокола, вещество, изъ котораго онъ отлить, его цвѣтъ, движеніе его языка. Тутъ, значитъ, одно только звуковое впечатлѣніе вызвало всѣ тѣ впечатлѣнія отъ предмета — свѣтотыя, звуковыя, которыя раньше задержались въ мозгѣ. Въ этомъ и состоитъ весь механизмъ связыванія (ассоціацій) идей.

Ассоціація идей часто вызываетъ ассоціацію движеній, которыя принято называть произвольными (автоматическими). Дѣвочка учится вязать чулокъ; она продѣлываетъ очень и очень трудную школу упражненій; непривычные пальчики не слушаются, дѣлаютъ множество неловкихъ, бесполезныхъ, мѣшающихъ работъ движеній. Но вотъ, мало по малу, практика беретъ свое, иглолки тверже держатся въ рукахъ, ходятъ все быстрѣе и быстрѣе. Проходитъ нѣкоторое время и привычныя пальцы начинаютъ исполнять вязальную работу совсѣмъ механически, почти безъ частія вниманія; дѣвочка, ходитъ, разговариваетъ, учитъ уроки съ чулкомъ въ рукахъ. Тутъ практика вырабатываетъ въ мозгу особый центръ функціональнаго автоматизма, полное представленіе объ очень сложномъ движеніи. Такихъ центровъ автоматизма накапливается въ мозгу не малое число, и для каждаго изъ нихъ, несомнѣнно, существуютъ опредѣленныя области. Ученіе объ этихъ областяхъ, т. е. самый принципъ о мозговыхъ локализацияхъ былъ установленъ Бульо, Брока, Шарко и Питромъ. Наилболѣе извѣстный и изученный изъ этихъ центровъ, это тотъ, который управляетъ способностью рѣчи, мѣсто котораго, въ лобной пазухѣ, было указано еще въ 1825 году Бульо. Если какая нибудь рана, или разрывъ сосуда, или раз-

мягчение мозгового вещества при какойнибудь болѣзни случаются въ этомъ именно участкѣ головного мозга, то нарушение ея дѣятельности тотчасъ отражается затрудненіемъ въ рѣчи или даже полною утратою способности говорить. Это явление называется афазіею. Въ настояще время установлено нѣсколько степеней афазіи. Иногда пораженный ею не можетъ только выговорить вслухъ извѣстныхъ словъ, но можетъ написать ихъ; у другихъ, какъ разъ наоборотъ, остается способность произношенія, но утрачивается письмо (графическая афазія). Третьи перестаютъ понимать свой родной языкъ, не узнаютъ даже собственнаго имени, а между тѣмъ могутъ еще произносить, прочесть и даже написать слово, котораго не понимаютъ. Наконецъ, есть и такіе афазики, которые вдругъ разучиваются читать, хотя не утрачиваютъ умѣнья писать. Больные, утратившіе способность рѣчи, всегда имѣютъ какоенибудь пораженіе на третей извилинѣ лѣваго мозговаго полушарія; тѣ, которые не могутъ писать, имѣютъ пораженіе на второй извилинѣ; у потерявшихъ пониманіе произносимыхъ словъ поражается первая извилина на лѣвой сторонѣ, а у непонимающихъ написаннаго—вторая внѣшняя извилина лѣваго полушарія. Замѣчательно, что самый характеръ пораженія мозговаго вещества не оказываетъ почти никакого вліянія на вызываемыя имъ болѣзненные явленія, и вся суть только въ томъ, какой участокъ мозга пораженъ. У человѣка можетъ быть, напр., раковая, или какого угодно другого происхожденія опухоль на мозгѣ, или простой ушибъ, рана головы, — это рѣшительно все равно; если только поврежденіе заняло мѣсто въ томъ участкѣ мозга, который управляетъ рѣчью, то больной непременно будетъ пораженъ афазіею, въ той или другой формѣ, смотря по мѣсту пораженія. Въ 1881 году у доктора Дарамберга былъ чахоточный больной, который въ одинъ прекрасный день вдругъ былъ постигнутъ афазіею; онъ начиналъ фразу совершенно правильно, а кончалъ Богъ знаетъ какъ, какимъ-то нелѣпнымъ наборомъ словъ; названія разныхъ предметовъ и лицъ совсѣмъ выпали у него изъ памяти. Когда врачъ просилъ его изложить письменно, какъ онъ себя чувствуетъ, то первая строчка ему хорошо удавалась, на второй онъ уже повторялъ два или три раза одно и то же слово, совсѣмъ и не замѣчая этого, а третью строчку уже нельзя было и разобрать: больной и самъ замѣчалъ это, и съ досадою бросалъ перо. При письмѣ подѣ диктовку—та же исторія. Въ слѣдующіе дни онъ не могъ уже написать ни единого слова и даже не въ силахъ былъ провести по бумагѣ прямой линіи. Вслѣдъ за тѣмъ у него вскорѣ разразился туберкулезный менингитъ со всѣми своими явленіями, неизбѣжно влекущими за собою смерть. Все

что относится къ афазіи, вполне примѣнимо и къ другимъ формамъ пораженія мозга. Тотъ же туберкулезъ, если онъ поражаетъ другіе участки мозга, вызываетъ и другія явленія. Дарамберъ приводитъ въ примѣръ одного очень извѣстнаго литератора, который погибъ отъ бугорчатки мозга. Въ началѣ болѣзни пациентъ сдѣлался безпокойнымъ, скучнымъ, молчаливымъ. Умъ его, всегда бодрый, блестящій, быстрый, сталъ лѣнливъ, неповоротливъ; его, видимо, утомляло малѣйшее напряженіе мысли. Лекціи, которыя онъ въ это время читалъ, стали одинаково убійственно утомительны и для него самого и для слушателей. Его рѣзкія, нетерпѣливыя выходки поражали всѣхъ друзей и почитателей. Онъ началъ избѣгать общества, безъ котораго прежде, казалось, не могъ жить. Какое-то удивительное невниманіе къ самымъ дорогимъ для него лицамъ и вещамъ овладѣло имъ. Черезъ нѣсколько времени его вдругъ охватилъ приступъ бреда, тинувшійся цѣлый мѣсяць. Въ это время онъ никого не узнавалъ и съ непонятною яростью истязалъ своими капризами самыхъ дорогихъ близкихъ, обвинялъ ихъ въ намѣреніи отравить его. Наступилъ параличъ половины тѣла и больной скончался. Вскрытіе показало, что мозгъ его былъ въ бугорчаткѣ. Дарамберъ сообщаетъ также исторію болѣзни другого знаменитаго писателя, имени котораго онъ не называетъ. Онъ имѣлъ случай наблюдать на этомъ пациентѣ постепенное увяданіе блестящаго ума. И здѣсь болѣзнь началась со странностей, скуки, молчаливости; больной странствовалъ цѣлые мѣсяцы, оставаясь въ полномъ одиночествѣ Литературный трудъ сталъ для него жестокою пыткой. На него находили вспышки раздраженія, во время которыхъ онъ былъ глубоко жалокъ. Онъ сталъ подозрителенъ, придирчивъ, видѣлъ повсюду враговъ, отравителей. Однажды онъ писалъ Дарамберу: „Дорогой мой другъ, вы—химикъ; анализируйте мою слюну, она съестъ меня, у нея какой-то металлическій вкусъ, отъ нея у меня идетъ огонь по всему тѣлу, я просто съ ума схожу“. Въ другой разъ онъ прислалъ Дарамберу виноградъ, съ запискою, въ которой было сказано, что этотъ виноградъ „отравилъ его“. Трудъ сталъ для него, наконецъ, невозможенъ: тщетно сидѣлъ онъ надъ книгою, которую самъ считалъ вѣнцомъ своихъ произведеній. Мысли куда-то исчезли, слова не приходили на память, и онъ со слезами на глазахъ говорилъ доктору: „Какъ это жестоко заставляютъ меня переживать потерю моего разума, вырожденіе моего мозга“. Затѣмъ имъ овладѣли идеи величія. Грустно было видѣть этого гениальнаго чловѣка, ставшаго жертвою мелкаго и суетнѣйшаго тщеславія, раздражающагося, обидчиваго, придирающагося къ словамъ, ко взглядамъ. И вдругъ, однажды, къ нему возвратилось все

его прежнее спокойствіе, весь блескъ его ума и таланта. Это было въ присутствіи Дарамберга. Большой сидѣлъ въ ваннѣ. Онъ началъ разсказывать доктору о своемъ путешествіи въ Африку. Его разсказъ былъ ясенъ, горячъ, краснорѣчивъ, и до такой степени напоминалъ прежнее, обычное, нормальное состояніе, что самъ врачъ впалъ, было, въ ошибку, и одно время подумалъ, что въ больномъ совершился какой-то благопріятный переворотъ. Но уже на слѣдующій день ошибка обнаружилась со всею ясностью; начался прогрессивный параличъ мозга... Удивительно деликатный органъ—нашъ мозгъ. Умъ нашъ какъ бы виситъ на волосѣ. Достаточно пылинки, дуновения, чтобы разстроить subtilный мыслительный аппаратъ!..

По поводу нервныхъ болѣзней намъ пришли на память тѣ толкованія, съ помощью которыхъ врачи стараются выяснитъ причины усиливающейся нервности современнаго человѣчества. Причинъ этого роста нервности указано множество; но въ числѣ ихъ есть одна, которая можетъ заинтересовать громадный кругъ лицъ; мы говоримъ о хроническомъ отравленіи чаемъ и кофе, которому часто приписываютъ разные виды нервной слабости. Кстати, этому предмету посвящена прекрасная статья члена парижской медицинской академіи, Жюль Рошара. Онъ разсматриваетъ кофе какъ одно изъ драгоцѣннѣйшихъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ Европою въ средніе вѣка. Благодѣтельные свойства кофе извѣстны уже давно, но вѣрно поняты лишь очень недавно. Врачамъ стало легко оцѣнить значеніе кофе съ тѣхъ поръ, какъ открыли его дѣйствующее начало—кафеинъ, но публика, которой кафеинъ и до сихъ поръ смутно извѣстенъ, все еще толкуетъ о кофе вкривъ и вкось. Кафеинъ главная дѣйствующая составная часть кофе, но, однако же, дѣйствіе кофе не зависитъ отъ одного только кофеина. Таково, впрочемъ, общее правило: хининъ также отличается по своему дѣйствию отъ хинной корки, главную часть которой онъ представляетъ, чистый спиртъ имѣетъ не совсѣмъ то дѣйствіе, какъ хорошее вино. Кафеинъ дѣйствуетъ на сердце и на мозгъ. Онъ разгоняетъ сонъ и даетъ возможность дольше бодрствовать; причиняемая имъ бессонница не имѣетъ, впрочемъ, въ себѣ ничего тяжкаго, она не ведетъ за собою чувства тяжести, безпокойства; напротивъ, мысль сохраняетъ всю свою ясность, повышается нѣсколько острота чувствъ, способность къ работѣ, память, усиливается, наконецъ, общее самочувствіе; человѣкъ, подкрѣпившійся стаканомъ кофе чувствуетъ себя довольнымъ, счастливымъ, спокойнымъ. Кофе предупреждаетъ умственную усталость, а отчасти и физическую. Этимъ только и можно

объяснить его необычайно широкое распространение въ жаркихъ странахъ, гдѣ климатъ страшно расслабляетъ человѣка, и гдѣ многіе пьютъ кофе въ чрезмѣрномъ количествѣ, борясь съ его помощью противъ этой вялости, раскисанія отъ жары. Жажда и безцѣльный обильная испарина — два бича, которыми экваторіальный климатъ истязаетъ население — весьма легко поддаются дѣйствію кофе. И на пищеварительный аппаратъ кофе также оказываетъ, хотя и слабое, но все же благоприятное дѣйствие; и въ этомъ отношеніи оно особенно оцѣнено въ жаркомъ климатѣ, гдѣ вялость кишечника очень обычное явленіе. Мускульная сила и выносливость отъ кофе замѣтно возрастаютъ; когда въ баварской арміи стали давать солдатамъ кофе, тотчасъ же было замѣчено, что они стали гораздо бодрѣе, напр., легче переносили очень утомительные переходы. Можетъ ли кофе стать вреднымъ напиткомъ? Конечно, можетъ, если его употреблять въ очень крѣпкомъ настоѣ и въ чрезмѣрномъ количествѣ. Но никогда злоупотребленіе имъ не можетъ привести къ тѣмъ злополучнымъ послѣдствіямъ, какія неизбѣжно являются при пьянствѣ или опійномъ запоѣ. Вообще, полагаютъ, что десятокъ чашекъ въ день не можетъ еще вызвать никакого замѣтнаго вреда и лишь при переходѣ за половину второго десятка можно ожидать появленія кое-какихъ нервныхъ расстройствъ, да и то быстро проходящихъ послѣ уменьшенія ежедневной порціи до предѣловъ благоразумія. Словомъ, кофе ни въ какомъ случаѣ нельзя считать ядомъ, за который многіе его принимаютъ. Все, что мы сказали о кофе почти цѣликомъ можно отнести къ чаю; разница развѣ только въ томъ, что чай еще болѣе невиненъ, чѣмъ кофе, что, впрочемъ, и понятно, такъ какъ для изготовленія одного и того же количества (напр. стакана) настоя средней крѣпости, чая нужно въ 7—8 разъ менѣе, чѣмъ кофе. Пайенъ вычислилъ, что для отравленія взрослога человѣка чаемъ ему необходимо проглотить сразу не менѣе двухъ фунтовъ чая. Физиологическое дѣйствие чая, въ общихъ чертахъ то же, что и кофе: — возбужденіе дѣятельности мозга, мускульной силы, подъемъ пищеварительной энергіи. Мы упомянемъ здѣсь еще объ одномъ растительномъ веществѣ, которое сильно распространяется теперь за границу, но пока еще совершенно неизвѣстно у насъ. Мы хотимъ сказать нѣсколько словъ о парагвайскомъ чаѣ, матѣ, представляющемъ сушеный листъ растенія *Plex paraguaiensis*. Тамъ гдѣ растетъ этотъ кустарникъ, его листъ предпочитается населеніемъ чаю и кофе; правда, онъ гораздо дешевле того и другого. Матѣ по составу и физиологическому дѣйствію занимаетъ средину между чаемъ и кофе, вкусъ его горькій и вяжущій. Матѣ можно достать на пробу въ любой аптекѣ; по

прейсь-куранту общества торговли аптекарскими товарами въ Петербургѣ, цѣна его 1 р. 80 к. фунтъ.

Холерная эпидемія все еще процвѣтающая чуть не во всей Европѣ, выдвинула на первый планъ вопросъ о дезинфекціи помѣщеній послѣ того какъ въ нихъ находился больной. Обыкновенно принято, въ настоящее время, обрызгивать стѣны, полъ, потолокъ помѣщенія и всю меблировку обеззараживающимъ растворомъ, напр., 5% карболовымъ или 2% сулемовымъ. Однако, уже не разъ высказывались болѣе или менѣе основательныя сомнѣнія въ дѣйствительности такого приема. Для прѣвѣрки его французскіе врачи Лаверанъ и Вальяръ произвели цѣлый рядъ опытовъ, о результатахъ которыхъ мы здѣсь скажемъ. Они изготовили особые кирпичики изъ штукатурной массы, заражали ихъ разводками различныхъ микробовъ, обертывали въ бумагу и давали высохнуть. Послѣ того кирпичики привѣшивались на стѣну и на нихъ направляли изъ пульверизаторовъ струю обеззараживающей жидкости. Потомъ кирпичики снимались со стѣны, вновь обертывались въ бумагу, сушились. Тогда съ нихъ соскребался наружный слой, содержащій разводки микробовъ и этими соскребками обмѣняли питательную среду. Эти опыты показали, что сулемовый растворъ въ $\frac{1}{1000}$ даетъ весьма неудовлетворительные результаты; онъ убиваетъ очень мало микробовъ. Попробовали взять болѣе крѣпкіе растворы, въ $\frac{1}{500}$, наконецъ, въ $\frac{1}{250}$, но и тутъ успѣхъ далеко не достигъ тѣхъ предѣловъ, на которые на практикѣ рассчитывается. Всего печальнѣе то, что результатъ зависитъ отъ множества побочныхъ условій — отъ силы пульверизатора, величины струи, количества жидкости, попавшей на стѣну, отъ разстоянія, съ котораго производится опрыскиваніе, наконецъ, отъ матеріала, изъ котораго сдѣланъ пульверизаторъ. Всего лучше идетъ разрушеніе микробовъ на општукатуренныхъ стѣнахъ; на окрашенныхъ масляною краскою гибнуть при пульверизаціи лишь самыя нѣжные микробы, а на обояхъ даже и эти уцѣлѣваютъ. Лаверану и Вальяру удавалось получать со своихъ кирпичиковъ разводки всѣхъ наведенныхъ на нихъ микробовъ, послѣ энергическаго spraysиванія растворомъ сулемы въ $\frac{1}{500}$. Они считаютъ себя вправѣ рѣшительно высказаться за негодность опрыскиваній сулемою изъ пульверизатора, въ особенности въ тѣхъ помѣщеніяхъ, гдѣ стѣны покрыты обоями. При всемъ томъ, не надо забывать, что сулема очень сильный ядъ, что растворы ея непрочны, и требуютъ частой повѣрки, легко портятся отъ органическихъ веществъ и легко разпадаются металлическія части пульверизаторовъ. Карболовая кислота въ 5% растворѣ, далѣе, лизоль, крезиль, хлористый валь-

цій, оказались столь же мало дѣйствительными, какъ и сулема; но несравненно болѣе неприятными въ жиломъ помѣщеніи, потому что заражаютъ его своимъ противнымъ запахомъ и страшно портятъ всѣ вещи, на которыя попадаютъ. Такова отрицательная сторона работы Лаверана и Вальера. Но они на этомъ не остановились, а пытались изучить и указать лучшіе способы обеззараживанія. Результатъ этой части ихъ работы не совсѣмъ утѣшительнъ. Оказалось, что существуетъ только одно надежное средство для обеззараживанія жилыхъ помѣщеній — обмываніе стѣнъ мыломъ, а потомъ сулемовымъ растворомъ, крѣпостью въ $\frac{1}{500}$ или карболовымъ пятипроцентнымъ. Конечно, тамъ, гдѣ дезинфекція, по самому назначенію помѣщенія, должна совершаться часто, какъ, напр., въ больницахъ, можно покрыть стѣны такою окраскою, которая не боится обмыванія. Но что дѣлать въ частныхъ квартирахъ, гдѣ повсюду стѣны покрыты обоями? Подождемъ, и будемъ надѣяться, что придумаютъ что нибудь подходящее.

Намъ не разъ случалось касаться — одинъ разъ даже въ особой статьѣ — тѣхъ суррогатовъ нашего спирта, которыми человечество систематически отравляется на Востокѣ, такъ же какъ и мы у себя отравляемся спиртными напитками. Во главѣ восточныхъ запойныхъ ядовъ долженъ быть поставленъ опиумъ. Европейцы, англичане въ Индіи и французы въ Кохинхинѣ, завели цѣлыя фабрики для выдѣлки опія и сбываютъ этого продукта на милліоны въ Китай. Торговля опиумомъ на Востокѣ, быть можетъ, одна изъ самыхъ позорныхъ страницъ въ исторіи колониальной политики европейскихъ государствъ. Но мы оставимъ эту сторону вопроса, которая читателямъ безъ сомнѣнія хорошо извѣстна, и обратимся къ другой, вѣроятно, вовсе неизвѣстной, именно — къ способамъ приготовленія опиума. Сырой опиумъ, т. е. сокъ, выступающій изъ надрѣзовъ на головкахъ мака, высушенный и скатанный въ шары, напоминающіе голландскій сыръ, не годится въ употребленіе, въ немъ есть примѣси, понижающія его достоинство въ глазахъ потребителей. Надо приспособить его къ вкусу китайца-курильщика, и вотъ для этой-то переработки опиума и основана французами фабрика въ Сайгонѣ, выпускающая въ годъ на 8 милліоновъ франковъ обработаннаго опиума. Сырой опиумъ получается въ Сайгонѣ изъ Индіи, гдѣ макъ разводится въ огромныхъ размѣрахъ около Бенареса. Обыкновенно хлѣбы опиума густо облѣплены маковыми лепестками. По снятіи этого покрова обнажается мягкая, почти полужидкая, масса, черноватокоричневаго цвѣта. Этотъ сырой опиумъ отдаетъ весьма неприятнымъ запахомъ; по составу онъ очень напоминаетъ тотъ европейскій

аптечный препарат, который называется экстрактом опи́я. Освобожденный от обертки из лепестковъ, опи́умъ прежде всего нѣсколько разъ поджаривается, до тѣхъ поръ, пока не приобрететъ надлежащей густоты и однородности. Послѣ того его подвергаютъ довольно любопытной операци, требующей значительнаго навыка отъ рабочихъ, которые ее производятъ. Опи́умъ кладутъ на противни, поставленные на сильномъ огнѣ; во время этого поджариванья надо разнять горячую массу на куски, раскатать на тонкіе сочни и надѣлать изъ этихъ сочной слоеныхъ лепешекъ. Все это время опи́умъ долженъ быть очень горячъ, для того, чтобы изъ него улетучились послѣдніе слѣды смолистыхъ веществъ и успѣли перегорѣть клѣтчатка, камедистыя, слизевыя и бѣлковыя вещества, которыя въ немъ содержатся. Послѣ того лепешки обмываютъ холодною водою, которая удаляетъ изъ нихъ растворимыя вещества; затѣмъ воду отцѣживаютъ, а оставшуюся густую мазь вновь нагрѣваютъ, чтобы испарить изъ нея лишнюю воду и затѣмъ уже продолжительное время мѣсятъ. Смысль этой послѣдней операци долго оставался неяснымъ и только въ послѣднее время удалось выяснитъ ея значеніе. Дѣло въ томъ, что во время разминанія внутри массы видѣруется множество зародышей микробовъ изъ окружающаго воздуха; эти микробы вызываютъ въ массѣ разнообразныя процессы броженія, посредствомъ которыхъ опи́умъ приводится постепенно, при вылежкѣ, въ зрѣлое состояніе, удовлетворяющее всѣмъ вкусамъ знатоковъ-курильщиковъ. Подготовленный, такимъ образомъ, опи́умъ подвергается выдержкѣ, и чѣмъ она продолжительнѣе, тѣмъ выше цѣнится товаръ любителями и знатоками. Тутъ, очевидно, та же исторія, что и съ выдержкою винъ; во все время выдержки процессы броженія внутри массы не прекращаются, и въ результатъ этого броженія получаютъ вещества улучшающія качества опи́ума. И въ самомъ дѣлѣ, даже непривычный европеецъ легко отличаетъ свѣжій опи́умъ отъ выдержаннаго: — первый даетъ ѣдкій, вонючій дымъ, тогда какъ послѣдній отличается мягкимъ вкусомъ и своеобразнымъ тонкимъ букетомъ. Химикъ Кальметтъ, завѣдующій Сайгонскою фабрикою, много поработалъ надъ опредѣленіемъ причинъ и процессовъ этого броженія. Ему удалось узнать, что главное участіе въ этихъ процессахъ принимаетъ грибокъ изъ рода *Aspergillus*. Онъ разрушаетъ глюкозу и декстринъ, содержащіеся въ массѣ опи́ума и превращаетъ дубильную кислоту въ галловую. Именно эти три вещества и обуславливаютъ ту противную ѣдкость дыма, которою отличается свѣжеприготовленный, невыдержанный опи́умъ. Кальметту удалось выдѣлать грибокъ и воспользоваться имъ въ видѣ чистыхъ разводовъ. Добывъ огромное коли-

чество этихъ грибокѣвъ, Кальметтъ обмѣнялъ ими сырой опиумъ. Результаты такой операціи вышли неожиданно блестящія; опиумъ вызрѣвалъ вполне въ теченіи мѣсяца, тогда какъ при естественномъ ходѣ броженія, т. е. при обмѣненіи спорами грибка, попадающими въ бродящую массу опиума изъ воздуха, зрѣлость наступала не ранѣе какъ черезъ годъ, а иногда и черезъ 1½ года. Слава наукѣ! Но на этотъ разъ она несла службу, польза которой для человѣчества придавлена гнетомъ сомнѣнія.

Страна, гдѣ производится эта интересная фабрикація цивилизованнымъ народомъ завѣдомо вреднаго вещества на потребу полудикаго народа, интересна далеко не однимъ только опиумомъ. Это одинъ изъ наиболѣе щедро одаренныхъ природою уголковъ земного шара. Но населеніе, далеко еще не вышедшее изъ варварскаго состоянія, не смотря на свою значительную численность, до сихъ поръ не приложило, быть можетъ, и сотой доли тѣхъ усилій, которыя здѣсь можно было бы развернуть для эксплуатаціи природныхъ богатствъ. Страна эта понемногу захватывается европейцами. Но они еще не настолько укрѣпились, чтобы свободно и смѣло наложить руку на мѣстныя произведенія. Страна еще только изучается. Любопытны племена, населяющія этотъ благодатный уголокъ старой Азіи. Мы намѣрены здѣсь побесѣдовать объ одномъ изъ нихъ, именно о бирманцахъ, земля которыхъ, повидимому, окончательно вошла въ составъ британскихъ владѣній. Правда, говорятъ, что страна много отъ этого выиграла. Наша тема, однако, не политическая, а этнографическая... Наружность бирманца очень напоминаетъ китайскую; мы видимъ передъ собою тѣ же узкіе глаза, выдающіяся скулы, приплюснутый носъ, толстыя губы. Но у бирманцевъ эти типическія черты нѣсколько смягчены, по крайней мѣрѣ, у настоящихъ бирманцевъ, т. е. у племени Ньямъ-Ма; у другихъ же племенъ Бирмы эти черты, напротивъ, выступаютъ еще рѣзче, чѣмъ у китайцевъ. Бирманцы не велики ростомъ, но очень плотно сложены и очень ловки и сильны. Женщины, конечно, не отличаются красотою въ нашемъ смыслѣ слова, но очень граціозны; къ сожалѣнію, возрастъ къ нимъ несравненно безпощаднѣе, чѣмъ къ нашимъ женщинамъ; 30-ти-лѣтняя бирманка—уже старушка. Бирманцы охотно татуируются; все тѣло ихъ покрыто разными насѣченными фигурами, представляющими чаще всего фантастическихъ животныхъ. Они любятъ яркоцвѣтныя одежды и умѣютъ очень живописно въ нихъ драпироваться. Нравы ихъ мягкіе, но, по обыкновенію всѣхъ восточныхъ народовъ, съ иностранцами они частенько ведутъ себя очень скрытно, а иногда и

плутуютъ. Браки и разводы у бирманцевъ свершаются безъ всякихъ внѣшнихъ церемоніаловъ; замѣчательно, что женщины у нихъ фактически вполнѣ равноправны съ мужчинами. Господствующая религія ихъ—буддизмъ. Литература чрезвычайно богата сказаніями, легендами. Какъ и въ Индіи, въ Бирмѣ существуетъ своя, очень обширная, духовная литература, которую европейцы усердно изучаютъ, находя въ ней цѣнный источникъ для уразумѣнія исторіи края. Бирманцы занимаютъ прибрежную полосу и центръ страны. На сѣверѣ живутъ другія родственныя племена, между которыми заслуживаютъ вниманія катлеи, отличающіеся отъ бирманцевъ высокимъ ростомъ, затымъ, ракиены, совсѣмъ дикое племя, управляемое наследственно преемственными царьками, наконецъ, еще болѣе первобытное племя—корены. Населеніе Бирмы по преимуществу земледѣльческое. Страна производитъ много риса, который служитъ главнымъ продовольственнымъ средствомъ населенія. Домашнія животныя у бирманцевъ—буйволы и слоны; эти послѣдніе иногда прекрасно выдрессированы. Упомянемъ, въ заключение, что бирманцы большіе мастера по части разведенія шелковичнаго червя.

„Вокругъ гильотины всѣ соціальныя вопросы поставили свои вопросительныя знаки!“ восклицалъ покойный Викторъ Гюго, въ своемъ „Claude Gueux“. Какъ ни смягчаютъ процедуру казни, она все-таки остается во всеоружіи своего звѣрства, и никогда не перестанетъ поднимать за собою представленіе о всей массѣ общественныхъ золъ, приводящихъ цивилизованное челоѣчество къ необходимости торжественно и публично душиť своего ближняго. Въ послѣднемъ номерѣ „Science pour tous“ мы находимъ нѣкоторыя соображенія по поводу тысячу разъ поднимавшагося вопроса:—остается ли какое-нибудь сознание въ головѣ, отдѣленной отъ туловища гильотиною? Альберъ Рейне, авторъ замѣтки въ названномъ журналѣ, утверждаетъ, что этотъ вопросъ ужъ окончательно рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, путемъ прямого опыта. Такъ какъ въ самый моментъ отдѣленія головы отъ туловища притокъ крови къ мозгу мгновенно прекращается, то мозгъ приходитъ въ такое же самое состояніе, какъ при внезапномъ обморокѣ; казненный, или лучше сказать его голова, въ одно мгновеніе лишается чувствъ, и слѣдовательно о физической боли, а тѣмъ паче о сознаніи своего состоянія у него не можетъ быть, якобы, и рѣчи. Всѣ рѣшительныя функціи организма прерываются сразу, въ чрезвычайно короткій промежутокъ времени. Гильотина, какъ это ни странно, часто является предметомъ истинной гордости у многихъ европейскихъ ученыхъ и криминалистовъ. Это самый „гуманный-

шій“ способъ казни. И для того, чтобы отъѣнить его высреннюю гуманность, сравниваютъ гильотинированіе съ восточными способами обезглавленія. Въ Тонкинѣ, напр., осужденнаго на казнь ведутъ на лобное мѣсто въ сопровожденіи сильнаго конвола. Тутъ, на мѣстѣ, прежде всего начинаютъ приготовленія къ казни, которыя происходятъ на глазахъ у казнимыхъ, съ особо торжественною медлительностію. Казнятъ чаще всего не по одиночкѣ, а цѣлыми группами, гуртами. „Гонять“ ихъ къ мѣсту экзекуціи, какъ стадо убойнаго скота; руки у нихъ заломлены на спину и связаны вплоть локтями. У мѣста казни осужденныхъ заставляютъ сѣсть, по восточному, скрестивъ ноги, лицомъ къ толпѣ. Медленно распиливаютъ прямо на шеяхъ у приговоренныхъ, тяжелыя деревянныя колодки, потомъ выступаетъ на сцену персонажъ съ посудой, въ которой разболтана съ водою цвѣтная глина; онъ намазываетъ этою глиною на шеѣ казнаго черту, по которой долженъ ударить мечъ палача. Наконецъ-то, уже послѣ всѣхъ этихъ изгязаній, несчастнымъ отрубаютъ головы и оставляютъ ихъ долго, тутъ же на мѣстѣ, истекающихъ кровью на глазахъ у публики. Европейскіе врачи воспользовались многочисленными случаями казней на Востоке, для того, чтобы сдѣлать опыты надъ отрубленными головами, съ цѣлью опредѣлить количество оставшагося въ нихъ сознанія или чувствительности, по возможности, тотчасъ же послѣ казни. Легко понять, съ какими неудобствами соединены подобныя изслѣдованія во впечатлительной Европѣ; на Востоке же дѣло устраивается безъ всякихъ затрудненій:—экспериментаторъ стоитъ около казнаго и ждетъ удара, а затѣмъ тотчасъ же завладѣваетъ головою, какъ вырванною изъ земли рѣпкою. Въ „*Courier de Saïgon*“ описаны наблюденія, произведенныя докторомъ Петиганомъ, въ Сайгонѣ. Здѣсь приготовленія и самая процедура казни почти какія-же какъ въ Тонкинѣ. Преступнику связываютъ руки на спинѣ, ставятъ его на колѣни около кола, къ которому привязываютъ его за руки. Самъ палачъ или достойный помощникъ его, схвативъ его за волосы, вытягиваютъ его голову для облегченія и вѣрности удара. Тогда палачъ отмѣчаетъ краскою мѣсто удара, и сильнымъ взмахомъ сразу отдѣляетъ голову отъ туловища. Докторъ Петиганъ присутствовалъ при одной изъ такихъ казней, и заранѣе намѣтилъ себѣ сюжеты для изслѣдованія. Онъ нарочно громко сказалъ нѣсколько словъ объ этомъ человѣкѣ одному изъ административныхъ чиновъ, присутствовавшихъ при казни, и замѣтилъ, что преступникъ обратилъ на это вниманіе. Въ самый моментъ казни докторъ стоялъ въ трехъ шагахъ отъ этого преступника; уже наклоняя голову подъ ударъ, преступникъ еще успѣлъ бросить

взглядъ на доктора (долго-ли ученый эскулапъ помнилъ потому этотъ взглядъ?). Голова упала въ двухъ шагахъ отъ доктора, срѣзомъ прямо на песокъ, такъ что кровотеченіе было въ значительной мѣрѣ задержано. „Я былъ приведенъ въ ужасъ, пишетъ Петиганъ, взглядомъ этой головы, устремленнымъ прямо на меня. Не осмѣливаясь думать, что этотъ взглядъ направленъ сознательно, я обошелъ вокругъ головы, и долженъ былъ убѣдиться въ томъ, что голова слѣдитъ за мною глазами. Я медленно отступилъ на прежнее мѣсто, а глаза все слѣдили за мною; но вдругъ ихъ движеніе остановилось, въ одно мгновеніе. Выраженіе лица въ этотъ моментъ было такое самое, какое бываетъ при остромъ удушьи. Ротъ вдругъ открылся во всю ширину, какъ бы заглатывая воздухъ въ послѣднемъ вздохѣ, и голова, выведенная этимъ движеніемъ изъ равновѣсія упала на бокъ. Съ момента казни до этого мгновенія прошло 15—20 секундъ“. Вдумавшись во всѣ эти ужасы, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ, докторъ Петиганъ пришелъ къ тому заключенію, что голова, отдѣленная отъ туловища на нѣсколько мгновеній сохраняютъ всѣ свои обычныя, нормальныя свойства, въ особенности въ томъ случаѣ если кровь въ ней въ эти мгновенія задерживается и въ ней остается нѣкоторое количество кислорода, нужнаго для правильной дѣятельности нервовъ. Такое состояніе можетъ продолжаться нѣсколько секундъ, иногда даже до одной минуты. Нижняя челюсть часто дѣлаетъ нѣсколько движеній, при которыхъ ротъ открывается и закрывается; это ничто иное, какъ рефлективные движенія задыхающагося, который всѣми силами старается захватить больше воздуха. Такимъ образомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, обезглавленіе можетъ превратиться въ операцію, сопряженную съ варварскимъ истязаніемъ казненнаго.

Школьная молодежь цивилизованныхъ народовъ начала за послѣднія десятилѣтія какъ-то таять и раскисать. Масса худосочныхъ, близорукихъ, блѣдныхъ дѣтей истязаетъ сердца родителей и педагоговъ. Школа начала высасывать соки изъ подрастающаго поколѣнія. Ислѣдованію причинъ этого явленія и мѣръ борьбы съ нимъ посвящена цѣлая литература. Особенно беспокоятся за свою школьную молодежь французы; и у нихъ есть на это своя причина:—населеніе Франціи, такъ или иначе, идетъ назадъ, на убыль, и школа тутъ, несомнѣнно, должна играть видную роль, потому что создаетъ гражданина всего цѣликомъ—въ его физической и духовной сути; такова, по крайней мѣрѣ, ея основная задача. Среди массы французскихъ книгъ и статей, посвященныхъ педагогическимъ вопросамъ, не можемъ не отмѣтить книги Леклерка о воспитаніи въ Анг-

ли, изъ которой, кстати, находимъ извлеченіе въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ „Revue Encyclopedique“. Въ Англіи уже первоначальное воспитаніе въ семьѣ ведется не такъ какъ въ большинствѣ европейскихъ странъ. Французы окружаютъ своихъ дѣтей ежеминутными заботами, охраняютъ ихъ, не спуская глазъ, отъ малѣйшихъ неприяностей. За ними смотрятъ и въ то же время шпионятъ. Приходятъ въ ужасъ, когда ребенокъ упадетъ и расшибетъ носъ, и въ то же время возводятъ въ преступленіе малѣйшую его шалость, и бранятъ, и читаютъ нотации, и наказываютъ. Совершенно обратное начало положено въ основу воспитанія въ Англіи. Никто не глядитъ въ оба за ребенкомъ, онъ предоставленъ почти всецѣло самому себѣ и проводитъ время какъ желаетъ со своими сверстниками. Онъ умѣетъ постоять за себя, у него развивается сознаніе своихъ силъ, своей отвѣтственности; онъ дѣлается бойкимъ, энергическимъ, откровеннымъ; онъ вѣритъ въ себя и достоинъ довѣрія отъ другихъ. Та же система проводится и черезъ школьное воспитаніе. Слѣдуетъ замѣтить, что среднее образованіе въ Англіи изъято отъ всякаго правительственнаго контроля, и тѣмъ крѣпче установился за нимъ контроль общественный. Школа, очевидно, должна удовлетворять извѣстному спросу, предъявляемому родителями, а этотъ спросъ, въ своей сути, сводится къ проведенію въ школѣ того же принципа самостоятельности ребенка, котораго держатся въ семьѣ. Физическая сторона воспитанія поставлена въ Англіи очень широко. Общія игры на свѣжемъ воздухѣ, въ крокетъ, въ мячъ, прогулки по полямъ, поддерживаютъ въ дѣтяхъ физическую бодрость, силу, здоровье, развиваютъ ловкость, глазомѣръ, неутомимость, наконецъ, приучаютъ къ порядку, выдержкѣ, дисциплинѣ. Англійскій педагогъ проникнутъ глубоко принимаемой на себя отвѣтственностью; онъ понимаетъ — чего отъ него ждутъ, знаетъ, что онъ долженъ изъ вѣреннаго ему сыраго матеріала, ребенка, сдѣлать возможно совершенное существо, какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Поэтому, заботы о нравственномъ развитіи питомцевъ въ англійской школѣ стоятъ даже впереди заботъ о наукахъ, притомъ собственно научное образованіе — удѣлъ по преимуществу высшихъ школъ, которыхъ въ Англіи не мало. Обыкновенно ученики не скучиваются въ одной общей казармѣ, а живутъ группами въ семьяхъ преподавателей, которые берутъ на себя ихъ полное содержаніе; такимъ образомъ, преподаватель имѣетъ возможность оказывать на своихъ питомцевъ постоянное нравственное вліяніе. Въ Англіи почти неизвѣстны репетиторы; ученики занимаются сами, одни, либо небольшими группами, по 2—3 человѣка. Сами они учатся, сами придумываютъ и устраиваютъ

свои развлечения. Какимъ же образомъ при такихъ условіяхъ организована дисциплина?—усумнится читатель. Она далеко не такъ строга, не такъ грубо наложена на дѣтей какъ въ Европѣ, не такъ осязательно ими ощущается на себѣ каждую минуту, но ея плоды, быть можетъ, посущественнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Уже одна только гимнастика, правильно организованная, служитъ прекрасною школою дисциплины, послушанія. Къ той же дѣли ведутъ чувство чести, уваженіе къ праву, которыя глубоко вѣдряются въ маленькаго англичанина и много помогаютъ удержанію его въ предѣлахъ порядка и послушанія. Англійскій педагогъ никогда не позволить себѣ выслѣживать своего питомца, шпионить за нимъ, выказывать ему явное недовѣріе, и дѣти являютъ себя достойными довѣрія. Наказанія въ англійскихъ школахъ большая рѣдкость. Преимущества этой системы воспитанія до такой степени наглядны, что остается только удивляться, почему она до сихъ поръ не проникла повсюду въ Европу, почему континентальные педагоги такъ крѣпко держатся за свою рутину. „Мы подготовляемъ нашихъ дѣтей къ политической свободѣ, восклицаетъ Манувріе, путемъ воспитанія ихъ въ тюрьмахъ!“

Въ субботу, 16 (28)-го апрѣля нынѣшняго года, въ Марсели, по всѣмъ меріямъ города было совершено около ста бракосочетаній. Откуда явилось это громадное число свадебъ? Отвѣтъ на это очень простъ; стояли послѣдніе вѣнчальные дни апрѣля, затѣмъ, начинался май, а кто-же будетъ рисковать вѣнчаться въ маѣ? Обвѣнчанные въ маѣ, такъ сказать, отърываютъ въ свою судьбу свободный проходъ для всяческихъ неудачъ и несчастій. По народному повѣрью, женившіеся въ маѣ прежде всего рискуютъ очень скоро скончаться, если же и поживутъ подольше, то союзъ ихъ будетъ бесплоденъ. Вотъ почему, изъ опасенія такихъ напастей, марсельскіе женихи я невѣсты и воспѣшили воспользоваться послѣдними днями благоприятнаго мѣсяца. Этотъ любопытный предрассудокъ процвѣтаетъ далеко не въ одной только Марсели. Извѣстный знатокъ по этой части, Л. Бланъ, утверждаетъ, что повѣріе о неудачѣ майскихъ свадебъ идетъ изъ глубокой древности. Овидій въ одномъ изъ своихъ изящныхъ стиховъ, говоритъ, что май одинаково неблагоприятенъ для брака какъ вдовъ, такъ и дѣвицъ; неблагоразумныя, пренебрегающія этимъ завѣтомъ старины, по словамъ Овидія, рискуютъ поплатиться за это жизнью. Плутархъ также не оставилъ безъ замѣчанія этого повѣрія. Католическая религія посвящаетъ май Пресвятой Дѣвѣ. Этою связью мая мѣсяца съ идеею непорочнаго дѣвства, пожалуй, можно было бы объяснить, воздержаніе отъ

браковъ въ католическихъ странахъ. Но откуда повѣріе взялось у насъ, православныхъ? Почему у насъ думаютъ, что кто женится въ маѣ, тотъ обреченъ всю жизнь маяться? Неужели тутъ одно только созвучіе словъ повело къ созданію повѣрія? Такъ или иначе, но предрасудокъ распространился и укрѣпился съ удивительною силою. Алессандро Тассони передаетъ рассказы о томъ, что многіе принцы и знатные люди въ Феррарѣ, женившіеся въ маѣ, всѣ вскорѣ послѣ свадьбы, умерли, и послѣ того въ Феррарѣ твердо установилось правило—ни въ какомъ случаѣ не жениться въ маѣ. Тассони жилъ въ XVII столѣтіи. Но повѣріе и до сихъ поръ упорно держится не только въ Феррарѣ, но почти повсюду въ Италіи, въ Румыніи, въ южной Германіи, въ Богеміи, въ Вестфаліи, въ Англіи и Франціи. Въ Севеннахъ (Франція) существуетъ про май поговорка: „mois des fleurs, mois des pleurs“, т. е. мѣсяцъ цвѣтовъ, мѣсяцъ плача. Но откуда, изъ какихъ первобытныхъ вѣрованій нашихъ языческихъ предковъ могъ возникнуть этотъ предрасудокъ? Этотъ вопросъ занималъ еще Плутарха; по этому можно судить о сѣдой древности обычая. Откуда этотъ запретъ на май? спрашиваетъ маститый греческій историкъ. Не оттого-ли онъ произошелъ, что май прихотится между апрѣлемъ и іюнемъ, мѣсяцами, посвященными Венерѣ и Юнонѣ, божествамъ по преимуществу брачнымъ? Или причина кроется въ томъ, что май посвященъ лемурамъ, т. е. душамъ усопшихъ, или потому, быть можетъ, что его имя происходитъ отъ матери Меркурія, Майи, богини траура, похоронъ? Нѣтъ-ли какого нибудь значенія въ сближеніи между названіями молодого (junior) и мѣсяца іюня съ одной стороны и стараго (major) съ мѣсяцемъ маемъ, съ другой? Но ни Овидій, ни Плутархъ, и никто изъ современныхъ ученыхъ этнографовъ до сихъ поръ не представилъ этому повѣрью резоннаго объясненія.

М. А. Орловъ

Н О В Ы Я К Н И Г И

Стихотворенія Л. Н. Трефолева (1864—1893). Москва. 1894.

Цѣна 2 рубля.

Авторъ этой книги заслуживаетъ, по справедливости, гораздо болѣе серьезнаго вниманія, чѣмъ то, какимъ онъ пользуется въ литературѣ. Л. Н. Трефолевъ также скромнѣе, какъ скромна его отшельнича-муза. Человѣкъ неподкупной идеи, идеалистъ въ душѣ, онъ во весь ростъ встаетъ передъ читателями въ своей книгѣ, овладѣвая невольно ихъ симпатіями. Народъ, въ его недѣлимомъ цѣломъ, — вотъ единствен-ный кумиръ, передъ которымъ преклоняется поэтъ, вводящій въ жизнь поэтическіе идеалы, а въ поэзіи — идеалъ своей жизни. Благо на-рода — тема не новая въ русской литературѣ; но Леонидъ Трефолевъ облечаетъ старую, вѣчно-юную тему въ своеобразный обликъ, дѣ-лающій излишнимъ всякій упрекъ въ анахронизмъ. Въ стихахъ Л. Н. Трефолева нѣтъ ни мощнаго подъема духа, ни глубины захвата, ни страстной силы вдохновенія; но отъ нихъ вѣтъ на васъ обаятельнымъ ли-ризмомъ искреннаго задушевнаго чувства, они — совершенно чужды тенденціи, ошибочно принимавшейся и долго сходящей у насъ за идею, даже — за идеалъ. Будь Трефолевъ тенденціозенъ — его книгу трудно было бы дочитать до конца; а, между тѣмъ, ее можно и даже хочется перечитать не разъ — не два, потому что поэзія его такъ и просится въ душу читателя. Не будучи чистымъ художникомъ, не бу-дучи эстетикомъ по существу, Л. Н. Трефолевъ все-таки долженъ быть признанъ поэтомъ. Среди нестройной вереницы образовъ, создан-ныхъ фантазіей поэта, есть такіе, что надолго запечатлѣваются въ па-мяти; а это уже — сила истиннаго дарованія! Къ такимъ образамъ нельзя не отнести бѣдной Олѣнки изъ стихотворенія „Красныя руки“, „Жены Скомореха“ въ былинѣ XVII столѣтія, „Война-Аники“, сра-женнаго чудовищемъ-смертью, плѣнницы-польки бросающейся въ огонь родного пожараща, на мотивъ изъ Одынца, стихотвореніе „Плѣн-ница“, изъ рукъ побѣдителя-литвина. А какъ хороши, какъ рельеф-ны своими образами трефолевскіе „Вѣсы“, „Упырь“, „Балагуръ и Ти-муръ“, „Эмерика и „Контъ“ (эстонская баллада), „Князь Василій-Простота“, „Дочь охотника“. Они заставляютъ забывать всю нестрой-ность другихъ, менѣе яркихъ, менѣе самостоятельныхъ... Да, Л. Н. Трефолевъ не всегда самостоятеленъ: на него огромное вліяніе ока-залъ польскій поэтъ Сырокомля (Л. Кондратовичъ), изъ котораго нашъ поэтъ далъ такъ много прекрасныхъ переводовъ, каковы, на-примѣръ: „Деревенская школа“, „Неграмотный“, „Ямщикъ“, „Три пѣсни“, „Какъ волка ни корми...“, „Бѣдный дроздъ“ и друг. Хороши переводы его и изъ Гомулицкаго („Похоронная процессія“, „Загадоч-

ный огонек"); удачно передана у него и баллада Теннисона „Три сестры“ и друг. Немного лирических пьесъ у симпатичнаго поэта-этика, но и среди нихъ есть нѣсколько очень милыхъ, какъ-то: „Земной ангелъ“, „Первый громъ“ и т. п. Однимъ изъ первыхъ стихотвореній его была знаменитая „Пѣсня о комаринскомъ мужикѣ“ (написанная въ 1867 г.), давно уже ставшая достояніемъ народа, не знающаго имени ея автора, но на всемъ пространствѣ горячо любимой поэтомъ Руси распѣвающаго подъ веселую руку безхитростную эпопею о томъ: „Какъ на улицѣ Варваринской спитъ Касьянъ, мужикъ комаринскій..“ Словомъ, Л. Н. Трефолевъ далъ все, что только могла дать его скромная, но симпатичная отшельница-муза.

Апол. К—скій

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 25 октября 1894 г.

Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

3 2044 022 485 973

